„ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО"

Э.В. АРОВА

Будьте добры

„ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО“

Э. В. АРОВА

Будьте добры

Молодой семье
о культуре чувств и поведения

Второе издание

МИНСК „ПОЛЫМЯ“ 1985

ББК 87.717.7
А84

Арова Э. В.

А84 Будьте добры: Молодой семье о культуре чувств и поведения. — 2-е изд. — Мн.: Полымя, 1985. — 160 с.
95 к.

Книга посвящена актуальным вопросам советского этикета, культуры чувств и проблемам молодой семьи. Кроме того, рассматриваются вопросы культуры быта, организации семейного бюджета, ведения домашнего хозяйства. Автор приводит общепринятые нормы и правила этикета, дает их историческое, классовое, национальное, нравственное и эстетическое толкование. В книге использованы многочисленные литературные источники, опыт выступлений автора на радио, телевидении, в разнообразных аудиториях слушателей.
Книга адресована широкому кругу читателей.

А $\frac{4403060000-213}{М\ 306(05)-85}$ 42-85

ББК 87.717.7
39

Сыновьям
Дмитрию и Артемию
посвящается

ИЗ ИСТОРИИ ЭТИКЕТА

Зарождение и развитие этикета. Остановитесь. Вглядитесь внимательно. Видите: там далеко, в зарослях осторожно движутся наши предки. Вот они настигли добычу. Но вместо того чтобы, изжарив, тут же поглотить ее, волокут в поселение, чтобы разделить между всеми.

Откуда это бескорыстие?

Выживает сильнейший — таков общий закон природы. Едва научившись соображать, человек усвоил: сила его в единстве с себе подобными. Одному ни замыслы не осуществить, ни со стихией, ни с диким зверем не справиться, ничего не совершить, не выжить.

А чтобы жить и бороться сообща, приходится свои интересы согласовывать с чужими, подчинять общим, учиться понимать окружающих, их мысли и чувства, предугадывать поступки, уметь общаться с ними.

Не случайно в словах «сообща», «общение» «общество» — один корень.

Оберегая единство, человек изобретает «табу» — запреты на все, что может помешать выживанию, объединению, и настойчиво внушает детям правила, которые предотвращают конфликты: дели еду с ближним, оберегай младших и женщин, почитай родителей, старших, стремись быть сильным, ловким и выносливым, не кради, не лги и т. п.

Так возникали простые правила общения, которые, передаваясь из поколения в поколение, формировали нравы.

Через тысячелетия наука, изучающая законы нравственности разных эпох и народов, получит название этики (от греческого ethos — нрав).

Преобладающая роль в развитии первобытной духовной культуры принадлежит женщине. Не сразу догадавшись о причастности отцов к рождению детей, первобытный человек не подозревал и о существовании отцовских чувств. Мать же, проявляя свою любовь к детям, заботу о слабых, уважение к старшим (к женщине как матери, к мужчине как защитнику и добытчику), воспитывала чувства любви, привязанности,

заботы и у детей, способствовала закреплению гуманных (от латинского слова humanitas — т. е. человечность) чувств, норм поведения.

Женщине, остававшейся у очага, приписывают и ведущую роль в развитии чувства прекрасного. Потом, опять-таки через тысячелетия, появится наука, которая объяснит, откуда происходит и как изменяется это чувство с условиями жизни. Науку эту назовут эстетикой (от древнегреческого aisthetikos — чувствование). Уходя корнями в общеприродную основу, эстетика, как и этика, формировалась, обуславливаясь социальными условиями общественной жизни, и в зависимости от них оказывала то или иное влияние на людей.

Человек — существо биосоциальное. Поэтому он с интересом относится к своей природной сути и с уважением — к человеческой. Ф. Энгельс писал: «Уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти о различной степени животности или человечности».

К числу чисто человеческих особенностей относится и стремление все; что ни делаешь, делать, как заметил К. Маркс, «по законам красоты» (даже если не знаешь, а лишь ощущаешь их).

Вот наш предок вешает в нос кольцо или вставляет в ухо палочку, вытягивает шею на десяток сантиметров благодаря специальным обручам или укорачивает стопу — эталоны красоты так разнообразны, а человеку всегда хотелось производить располагающее впечатление, нравиться (замечаете сходство со словом «нрав»?).

Интуитивно наши предки пришли к тому, что подтвердила современная наука: оставляет яркий след в сознании то, что воздействует на чувство, вызывает эмоции. Вызвать положительные эмоции, понравиться, завоевать доброе отношение к себе, как говорят сейчас, «почувствовать комфортность в общении», человек стремится (во имя собственного блага) всеми доступными средствами.

Жесты, позы, мимика — то, что говорит о человеке, его настроении и мыслях без слов; речь, обращенная к старшим, ровесникам, младшим при встрече и прощании, в гневе и радости; манера двигаться, есть, носить одежду, украшать себя, отмечать грустные и радостные события; поведение с близкими и гостями — всем этим видам самопроявления и общения человек старается придать не только нравственный, но и эстетический характер. Принятая в обществе эстетическая форма проявления нравственной и психофизиологической сущности человека получила название *этикета*.

Этикет — это свод правил поведения, принятых в том или ином обществе.

Он распространяется на все сферы жизни: конкретные правила предписывают, как соблюдать гигиену и психогигиену, разговаривать, одеваться, вести себя в трудовом коллективе, семье, общественных местах. Его правила во многом условны, хотя эту условность в каждом конкретном случае можно объяснить. Направленный на объединение людей, этикет предлагает общепринятые формы, стереотипы поведения, определенные символы проявления мыслей и чувств, которые людям одной социальной культуры облегчают взаимопонимание. Молодым супругам они помогают создать традиции, которые скрепят семью, сделают жизнь в ней более радостной и красивой.

Если нравственные нормы складываются уже у колыбели человечества, на заре первобытного общества, то этикет появляется несколько позже и окончательно формируется как свод правил поведения с возникновением классов. Получивший власть и богатство жаждет, чтобы окружающие знали не только о том, что он умеет, но и сколько имеет. Он выделяет себя всевозможными украшениями, требует особого, почтительного отношения (тут помимо естественного чувства соперничества зарождаются нездоровые — высокомерие и зависть). Он общается с себе подобными не так, как с теми, кто отличен от него по происхождению и положению (так возникает чванство одних, униженность и раболепие других).

Слово «этикет» (употребляемое со времен Людовика XIV) в переводе с французского имеет два значения: ярлык и свод правил, условный порядок поведения. В классовом обществе этикет как раз и был тем ярлыком, который указывал на принадлежность человека к определенному слою общества. Привычка вести себя так или иначе помогала определить, кто принц, а кто нищий, даже если бы он и переоблачился.

Более того, этикет правящих кругов, строго регламентирующий каждый шаг, каждое действие, был таким важным атрибутом богатства и власти, что долгое время вообще считалось: этикет — чисто светское достояние. Как будто в среде, далекой от двора, не было своих форм общения. Правда, их не называли этикетом, манеры не отшлифовывались, но из поколения в поколение передавались и строго соблюдались принятые в каждом слое общества свои правила поведения.

В трудовой среде они обычно носили более естественный, в светской — чаще рафинированно-изысканный, а порой и искусственный характер.

Древнейшим из известных нам сведений об этикете — около пяти тысяч лет. В «Поучениях Кагемни фараону Снофри» говорится о пользе правил приличия. Необходимые качества «приличного человека» — умеренность, скромность («счастливым считается скромный»). В «Наставлениях начальника города и визиря Птаххотена» стодесятилетний (если верить его при-

знанию) старец дает наставления молодежи, особо подчеркивая необходимость почитания старших, умение хранить «в душе своей слова отца» и следовать их заветам.

Жизнерадостные греки, больше всего превозносившие любовь к Родине, готовность отдать жизнь за нее, поклонялись разуму, силе и красоте. Сдержанность в будни, раскрепощенность в праздники и ярость в бою — наиболее ценимые формы поведения грека.

Всем известный Пифагор воспитывал у своих учеников следование обычаям, повиновение старшим, самообладание, выдержку. Чтобы быть добродетельным, проповедовал Сократ, надо знать, как поступать. И уметь владеть собой, считал Демокрит. И то, и другое непременно приведет к мысли о необходимости умеренности, полагали многие греческие философы, в том числе и Фалес, который говорил: «Умеренность во всем есть жизни меч и щит, невоздержание болезнь и зло родит». Он учил: «Чти старость дряхлую и помощь подавай, над изувеченным не смейся, сострадай». «Мера важнее всего», — говорил Клеобул Линдский.

Идеалом представлялась гармония в самом человеке, во всем, что окружает его.

Древний Рим, хотя и принял греческую культуру за основу, в силу своих общественно-социальных условий был вопиюще дисгармоничен в потребностях, нравственных и эстетических нормах. Естественно, что это находило свое отражение и в этикете: невоздержанность в поведении, проявлении чувств, стремление покорить роскошью в нарядах и празднествах. Полибий заметил как-то, что римляне выглядели грубыми и неуправляемыми на фоне мягких и деликатных греков. Как явствует история, царь Филипп Македонский снисходительно прощает послу неучтивость в разговоре, ссылаясь на то, что тот приехал из Рима.

В эпоху средневековья особенно выделяется этикет Византии, пышный и каноничный, впитавший в себя культуру запада и востока.

Этикет обрел необычайную значимость. Как «великий и ужасный Гудвин» обязывал жителей смотреть сквозь специальные стекла на город, чтобы он казался изумрудным, так и этикет придавал власти блеск и величие.

Сейчас и представить себе трудно обилие чиновников, лепившихся во имя соблюдения этикета вокруг императорского трона. Веститоры, надевавшие на императора хламиду; вестиариты, подававшие ее; нинсистиарий, подававший воду для омовения рук; каниклий — хранитель царской чернильницы; диэтарий, ответственный (только ответственный, наводили ее другие) за чистоту двора; церемониарии, референдарии, протоспафарии и тьма других последовательно выполняли все предписанные им ритуалы.

Появляются специальные книги, посвященные этикету. Большой популярностью в средние века пользовался трактат

испанского священника Педро Альфонсо «Дисциплина клерикалис», появившийся в 1204 г., использованный потом многочисленными зарубежными авторами в пособиях по этикету. В «Дисциплине клерикалис» говорилось о ритуале ведения бесед, приема гостей, поведения за столом и т. д.

Культура общения Возрождения далеко не однозначна. В ней переплелись и высокие эстетические вкусы, и впервые осознанное достоинство и значимость индивидуальности, и не изжитое еще стремление церкви перечеркнуть природную суть человека, и острый, бескомпромиссный дух борьбы, конкуренции, свойственный молодому капитализму. Отсюда соседство продуманной изысканности и буйной, дикой импульсивности, проявляемых во всем. Противоречивость эпохи четко выразил известный мыслитель французского Возрождения Мишель Монтень. Современник Варфоломеевской ночи, он безрадостно отмечал: «Мне приходится жить в такое время, когда вокруг нас хоть отбавляй примеров невероятной жестокости», что не мешало ему признавать при этом: «Отличительный признак мудрости — это неизменно радостное восприятие жизни».

Эпоха выразительно читалась в этикете.

Этикет Испании, Англии был столь суров, что сковывал человека, словно металлический корсет и в прямом, и в переносном смысле (этикет предписывал аристократам носить таковые).

Венгерский ученый Иштван Рат-Вега в книге под интригующим названием «Из истории человеческой глупости» пишет, что король и его придворные обособлялись от масс в созданном ими же заповеднике, который был огражден золоченым занавесом придворного этикета.

Монархи Западной Европы не требовали столь чрезмерной униженности, какая по восточным понятиям считалась нормой. Но и они желали, чтобы посетители, удостоенные аудиенции, становились на колени. Этот малоудобный способ выражать свое почтение родился, по-видимому, в Испании, а позже стал применяться и при австрийском дворе. Австрийские императоры, надо полагать, любили созерцать такую демонстрацию униженной покорности, ибо неустанно изыскивали все новые поводы требовать от своих подданных, чтобы те преклоняли колени соответственно детально разработанным правилам.

А в Англии придворные так часто падали на колени, что панталоны в этих местах у них были изношены до крайности.

Во имя этикета порою жертвовали жизнью. Так чуть не погибла испанская королева, которая, запутавшись в стремени, упала с коня. Видевшие это гранды не смели помочь ей, поскольку этикет запрещал касаться королевы. Правда, нашлось двое смельчаков, которые спасли королеву, после чего тут же покинули Мадрид, чтобы избежать наказания. Ей

повезло больше, чем красавице Сананта Сукхумалаи, супруге таиландского короля, утонувшей в 1881 г. в бурю на глазах у столпившихся на берегу людей, которые спасли ее детей, но не посмели прикоснуться к ней (хотя, возможно, дело здесь не столько в том, что не нашлось смельчака, сколько в коварстве других жен владыки, завидовавших бывшей крестьянке, которую король сделал первой женой).

Этикет Италии и, особенно, Франции был много свободнее. И если со времен средневековья тон задавал испанский этикет, то с XVII—XVIII вв. пальма первенства достается Франции.

Жизнь двора напоминает театрализованное представление, где поступки могут быть коварными и жестокими, но манеры должны отличаться изяществом и грацией.

И хоть английский писатель XVIII в. Оливер Голдсмит писал, что истинная учтивость, порожденная здравым смыслом и добросердечием, всегда приятна, однако больше ценились все-таки не искренность, а умение быть предупредительным в обхождении (не общении, а обхождении, заметьте). Об этом говорилось в специальной, посвященной этикету, литературе. Так книга, вышедшая в 1716 г. в Гамбурге, называлась «Обычаи для вежливой и приличной беседы и жизни, для обхождения с высокими благородными лицами, себе подобными и женщинами, а также обучающие женщин умелому обхождению».

Одна из самых популярных зарубежных книг прошлого по дворянскому этикету — «Письма к сыну» Ф. Честерфилда, изданные в 1774 г. Автор не собирался издавать их. И потому в этих письмах, которые чуть ли не ежедневно на протяжении многих лет писал заботливый отец, пытаясь передать сыну свой богатый опыт, прорисована тончайшая и детальнейшая тактика обхождения. Эта книга еще раз подтверждает, что этикет — детище эпохи и среды. Давая добрые советы, автор не всегда удерживается на острие высоких нравственных идеалов: в наставлениях порой проскальзывают и ловкость царедворца, и расчетливая грация дамского угодника.

Во времена Великой французской революции дворянский этикет был публично отвергнут как лицемерный, ненатуральный и преувеличенный.

Робеспьер, выражая широко распространенные настроения, призывал заменить хороший тон хорошими людьми, честь — честностью, приличия — обязанностями и тиранию моды — властью разума.

Буржуазный этикет, по сравнению с дворянским, становится внешне натуральнее и проще. Особенно поначалу.

Одно из первых американских наставлений по этикету — написанные (точнее — списанные) четырнадцатилетним Д. Вашингтоном «Сто десять правил приличного поведения», среди которых были и такие: «Не чешись за столом, не ковыряй вилкой в зубах, не дави блох на людях, в противном случае до нельзя опрохвостишься в домах сильных мира сего».

Более поздние американские своды правил во многом ориентированы на практицизм сочинений видного писателя и политического деятеля XVIII в. Б. Франклина. Это он развил «философию успеха», провозгласил «Время — деньги!», «Богатый стол оставляет скудное завещание!» и многие другие основополагающие для американского этикета принципы. В настоящее время в Америке существует институт этикета, носящий имя одного из самых популярных американских авторов по культуре поведения Э. Пост (ее книга, вышедшая в 1922 г., переиздавалась около ста раз). Большинство современных американских книг по этикету носит четко выраженный практический характер. Не касаясь сущности человека, они учат тем приемам в общении, которые должны помочь сделать карьеру, обрести нужных друзей, мужа и т. д.

В. И. Ленин писал о двух культурах в классовом обществе. Этикет, как одно из явлений культуры, в современном буржуазном обществе также не однозначен. Прогрессивно настроенные люди стремятся к тому, чтобы их поведение не противоречило гуманистическим нормам, люди бизнеса используют хорошие манеры как дополнительное (и немаловажное!) средство в искусстве делать карьеру, деньги, нимало не беспокоясь о нравственности своего поведения.

Этикет, изменяясь исторически, носит классовый характер. Очень существенны и национальные его особенности.

Прекрасно зная язык, мы рискуем все же не понять своего зарубежного собеседника, если не знакомы с принятыми в его стране правилами поведения, символикой общения.

Так, например, если мы стучим или звоним у двери, в которую собираемся войти, то конголезцы не позволяют себе этого, они голосом изображают звук: «кокорроко».

Чтобы сказать «нет», турки не поводят головой от плеча к плечу, а поднимая голову, щелкают при этом языком. При решительном отрицании у арабов позволительно, укусив ноготь большого пальца, отбросить руку вперед. А малайские негритосы просто опускают глаза (мы бы приняли этот жест за согласие).

Если американец сделает рукой жест «уходи отсюда», то в ресторане Буэнос-Айреса к нему тотчас подойдет официант: именно таким жестом обычно подзывают в его стране. А собравшись подозвать кого-нибудь жестом в Европе, американец не дождется его, так как для большинства европейцев этот жест означает «до свидания».

Для нас останется непонятным жест англичанина, закрывающего руками глаза, рот и уши (что означает: «Я ничего не знаю»). Но мало где поймут русского, который вместо того чтобы сказать слово «деньги», потирает большой палец о средний и указательный.

Выражая приветливость, индонезиец сутулится, почти непрерывно кивая головой. Европейцу в этом видится самоуничижение.

Если увидите сцепленные указательные пальцы у араба, знайте — он предлагает вам дружбу, но не забудьте, во избежание недоразумений, что в Марокко этим жестом предупреждают о вражде.

Особый интерес вызывает сопоставление двух крайне различных этикетов — японского и американского.

Японский обусловлен многовековыми традициями, сложнейшей иерархией сословных расслоений; американский — совсем молодой, возникший на основе не одной, а многих культур, почти свободен от традиций.

Японский этикет, основанный в первую очередь на заботе о том, чтобы не поставить в неловкое положение собеседника, обязывает к крайней деликатности, американский призывает к раскрепощенности в общении.

Отсюда и всевозможные курьезы в общении американцев и японцев. Помимо этого, путаницу вносит и символика жестов, смысл которых далеко не всегда совпадает.

Американец, соединив большой и указательный палец в виде буквы «О», говорит этим жестом: «Все в порядке». Японец же, исходя из символики, принятой в своей стране, решает, что американец просит денег. Зато американцы презирают японских портье, принимая их за бесстыдных вымогателей, поскольку те, приглашая пройти, постоянно поднимают кверху ладонь. Они не берут чаевых и не догадываются, что компрометируют себя жестом, которым пользуются американские попрошайки.

Привыкнув к свободе в общении, американец недоверчиво относится к напряженной позе, низким поклонам японца, который к тому же непрерывно кивает ему головой. Хотя японец вовсе не выражает этим согласия, он просто показывает, что слушает и воспринимает. Зато японцам кажется верхом неприличия привычка американцев класть ноги на стол при посторонних.

О том, какие сложности возникают, когда сталкивается американская деловитость, привычка к четкости и определенности с японской обтекаемостью, очень весело рассказал В. Овчинников в «Ветке сакуры».

Всячески избегая слов «да», «нет», японец не отказывает в заказе, а предпочитает, чтобы заказчик догадался об этом сам. При этом он будет ссылаться на что угодно: забастовку, пожар, наводнение. Если американец-заказчик не понимает, чего от него ждут, опечаленный японец вынужден сообщить, что образцы уже посланы. На другой день — что посыльный попал в автомобильную катастрофу, образцы сгорели, новые будут изготовлены через неделю и так далее, пока доведенный до белого каления американец сам не откажется от заказа к великому облегчению измученного его непонятливостью японца.

Впрочем, недоразумения происходят не только с американцами. В. Овчинников пишет и о противоречивости японского и русского этикета.

О том, что происходит при столкновении японских и фран-

цузских правил этикета, написал искристую, полную юмора книгу «Мильоны, мильоны японцев» Ж.-П. Шаброль. Впрочем, такую книгу можно было бы написать о чужестранцах в любой другой стране.

О славянских (как и иноземных) обычаях, нормах и правилах поведения не забывают упомянуть уже первые письменные источники. Например, в «Повести временных лет» летописец рассказывает, что «племена имели свои обычаи и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих, кроткий и тихий, стыдливый перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями...» И так далее о других племенах.

В начале XII века князь Владимир Мономах составил «Поучение к детям», в котором призывал трудиться, творить добро, укрощать гнев и иметь душу честную, язык воздержанный. «При старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать без лукавого смысла беседуя, а побольше вдумываться, не неистовствовать словом, не осуждать речью, не много смеяться...»

В эпоху Ивана IV появился свод правил поведения для горожан «Домострой», вполне соответствовавший нравам эпохи. Написанный близким к царю Сильвестром «Домострой» провозглашал в семье единоличную власть грозного властелина-отца, хозяина дома, сурово содержащего подвластное ему семейство в повиновении, «во всяком наказании и страхом божием». Ему предписывалось пороть плеткой лукавую жену и сокрушать ребра непослушному сыну. Книга эта долго пользовалась популярностью, поскольку детально описывала не только внутренние семейные порядки, уделяла внимание хозяйственным вопросам, но и учила правилам поведения — как ходить в гости, о чем беседовать и т. д.

Решительно вводит новый этикет Петр I, категорически заставляя отказаться от старого быта. Долой боярские шубы, манеры! От бдительного ока реформатора не укрывается ни одна деталь «политесу». Он пишет о том, как создавать ассамблеи, куда непременно обязаны съезжаться дворяне для общения, какие наряды носить, как за чистотой тела следить, как организовывать застолье.

В 1717 г. Императорская академия наук издает книгу по этикету «Юности честное зерцало, или показа к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». В предисловии ее указывается: три добродетели делают человека воспитанным — приветливость, учтивость и смирение. Книга об изысканных манерах наставляет с присущей эпохе прямолинейностью: «Лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели, когда скажут про которого: он есть спесивый болван». В книге содержатся самые разнообразные правила: «в круг не плевать», «громко не сморкаться и не чихать», «перстом носа не чистить», «руками по столу не колоброди», «ногами не мотай».

Когда лед боярского сопротивления сломался, половодье увлечения манерами увлекло и закружило дворян. Как отмечают В. Матвеев и А. Панов в книге «В мире вежливости», «...в России артиллерийское и морское образование, которое ввел Петр I для дворян, впоследствии было заменено школой светских манер... Увлечение этикетом дошло до того, что в университет дети дворян не шли: там, дескать, можно и потерять хорошие манеры».

При Екатерине II при дворе были разработаны правила «Эрмитажного устава», написанные с лукавством и юмором. Со временем книг по этикету становится все больше и больше. Правила видоизменяются соответственно эпохе.

Показательно, что декабристы и декабристки, получившие в большинстве своем великосветское воспитание, безболезненно отказываются от многих привычек в новых суровых условиях, тщательно оберегая все те нормы и правила, которые помогали сохранить свое и чужое достоинство, духовную свободу, чувство солидарности, человечности. Наталья Фонвизина, например, нарушая правила светского этикета, одна мчалась на свидание к незнакомому человеку, чтобы, прождав его несколько часов в заснеженной, буранной степи, передать собранные декабристами деньги и добрые слова привета и поддержки. (Человеком этим был сосланный в Сибирь Ф. Достоевский.)

Привыкшие к роскоши и житейским удобствам Мария Волконская и Екатерина Трубецкая часто ложились спать, не раздеваясь (но и это не помогало: они просыпались от холода, с примерзшими к подушке волосами). Но отправляясь в острог к каторжанам, тщательно приводили себя в порядок. Портреты, выполненные декабристом Н. Бестужевым с натуры, показывают: ни одна из женщин (как, впрочем, и декабристы) не выглядит опустившейся. Все подтянуты, аккуратны. Из дневников и воспоминаний видно, что не только этика, но и эстетика играла в их жизни немаловажную роль.

Так в недрах господствовавшего тогда класса зарождались новые традиции, основанные на общности людей, объединенных прогрессивной борьбой, жизненными целями.

Аристократ по происхождению, демократ по убеждениям, борец по образу жизни А. Герцен вспоминает наставления отца, умного и скептичного человека, хорошо знавшего свет: «В жизни важнее всего esprit de conduite [1] — умение вести себя, важнее превыспреннего ума и всякого учения. Везде уметь найтиться, нигде не соваться вперед, со всеми чрезвычайная вежливость и ни с кем фамильярность. Со всеми учтивость и недоверие, не сближаться ни с кем». Как известно, Герцен не последовал его советам. Не согласился жить соответственно холодным законам света. Он рассказывает о том братстве, которое сформировалось в университете, о распахнутых настежь душах, о доверительных горячих речах, в которых, если не рождалась исти-

[1] Умение вести себя.

на, то во всяком случае шли нетерпеливые поиски ее, обогащавшие умы, дававшие силы для борьбы с «гнуснейшим из режимов».

Отношение к людям, основанное на оценке их одежды, манер, Герцен с презрением называл «лакейским».

О том, как насаждалось такое отношение, часто в своих произведениях пишет и Л. Толстой. Он горячо презирал отполированные, холодные, бездушные манеры, противопоставляя им живые, искренние, от души идущие, к живой душе обращенные поступки. Не случайно Л. Толстой так тяготел к естественности крестьян.

Жизнь и быт крестьянства отличались замкнутостью, патриархальными традициями. Суетливость, болтливость презирались. Достоинство выражалось в степенной сдержанности, неторопливости речи, жестов, походки. В разговор старших не вмешивались. Им подчинялись во всем: ни ложки ко рту раньше отца поднести нельзя было, ни жениться без благословения родителей.

Взрослые, утомленные в поле за день, рано ложились спать (зажигать летом свет считалось проступком недопустимым, предосудительным). Молодежь бегала на посиделки, где танцевали, водили хороводы, играли в лапту, горелки, грызли семечки, угощались карамелью. Праздники отмечали сообща, всем селом. У каждого праздника свой обряд (порядок), «программа», где детям, молодым и пожилым отведена своя роль.

В будни, праздники — все на виду. Общественное мнение строго преследует за малейшее отступление от «отцовских заветов», за любое нарушение общепринятых правил.

Купцы за глухими заборами своих домов еще более жестоко обязывали следованию «этикетам» старины. Ориентируясь на «Домострой», требовали беспрекословного подчинения силе хозяина, мужа, отца. Отсюда властность, когда можно, и раболепие, когда нужно. Помните, как ожидающая ребенка Васса Железнова должна была при гостях счищать с сапога мужа сметану, которую случайно пролила? Любили покуражиться, унизить, продемонстрировать свою власть.

С теми, на кого власть не распространялась, рекомендовалось «галантерейное» (говоря словами Н. Гоголя) обхождение.

Отсутствие чувства меры, манерничанье, жеманство наряду с грубостью характерно для купеческого и мещанского этикетов, основанных на отсутствии уважения и к себе, и к другим. Людям, духовно богатым, эстетически восприимчивым, чтобы избавиться от вынесенных из детства привычек, приходилось, по словам А. Чехова, по капле выдавливать из себя раба.

Светски-холодному и мещански-убогому общению во второй половине XIX в. противостоит поведение передовой прогрессивной интеллигенции, утверждающей свободу личности, равноправие людей. Н. Чернышевский — жизнь, любовь, отношения с людьми которого сами по себе могли быть учебником жизни — не случайно в своей книге «Что делать?» так много внимания

уделяет искренности и теплоте взаимоотношений, внешнему облику своих героев — опрятности, скромности их костюма, простоте и естественности речи. Все это отражало внутренний мир, выявляло гармонию, в которой главное — благородство деяний — формировало и определяло остальное. Правила, сложившиеся в среде разночинцев-демократов, постепенно распространялись все шире среди трудящихся, сливаясь с нормами и правилами, рождавшимися в среде передовых рабочих.

М. Горький, показывая перевоплощение рабочих, приобщенных к борьбе, подробно описывает, как менялись облик Павла Власова и его манеры. Поначалу он, как все, покупает рубашку с накрахмаленной грудью, сапоги, галоши, идет на «улицу», где «гуляет молодежь». Включившись в революционную борьбу, «Павел забросил щегольство, стал больше заботиться о чистоте тела и платья, двигался свободней, ловчей и становился наружно проще, мягче...»

М. О. Малышев в книге «Советский этикет» вспоминает о нормах и правилах поведения, складывавшихся среди передовых рабочих в начале века:

«В своей среде рабочие осуждали драки, оскорбление товарища, избиение учеников. Над провинившимися устраивали суды, их публичные извинения помещались в газетах. Передовые рабочие порицали обычай «привальных», когда новичок вынужден был первый заработок тратить на покупку водки для мастера, а также обычай «спрыскивать» любые события жизни».

Советский этикет. После Октябрьской революции решительно и с удовольствием отказывались от старых традиций. Долой старомодные любезности, вежливость, галстуки, украшения, шляпы! Но в жизни нельзя «с понедельника начать все заново». Старые традиции не искоренить за день (если от них и целесообразно отказаться) — мы до сих пор ощущаем это. Новому (даже очень привлекательному) нужно время, чтобы пустить корни, разростись, укрепиться в массах.

Советский этикет — словосочетание, возникшее сравнительно недавно, хотя правила и традиции его формируются уже несколько десятилетий.

В. И. Ленин призывал воспитывать «высокую культуру чувств», различать под приглаженной и напомаженной внешностью... «хищные интересы».

В. И. Ленин писал, что новое общество возникает не из особо добродетельных людей, выращенных в особых теплицах; что избавленные от ужасов, дикостей капиталистического рабства люди в новых условиях постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, повторяющихся во всех проповедях правил общения и к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения. И потому одна из главных задач социалистического переустройства общества — «это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей атмосферы грызни, недоверия, вражды, раздробленности, взаи-

моноденжнвания», чтобы «внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного, один за всех». Для этого, наряду с экономическими, как первоочередные, решались задачи самого широкого народного образования и воспитания. Начинали буквально с азов — с ликвидации безграмотности.

В первые годы советского государства группа видных деятелей партии (А. Луначарский, М. Калинин, Н. Крупская, Е. Ярославский и др.) призвана была разработать вопросы новых, коммунистических отношений. О моральных принципах говорить можно было, но правилам нового, советского этикета еще предстояло сформироваться в реальной жизни. И хотя основы новой культуры только закладывались, а действительность была более чем суровая, о вопросах культуры поведения не забывали. В числе первых пропагандистов этих проблем был всемирно известный адвокат А. Ф. Кони, который в 70-е годы XIX века вопреки категорическим требованиям царя добился оправдания Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова.

После Октябрьской революции 75-летний А. Ф. Кони, тяжелобольной, в холодном, пронизанном стужей и тревогой Петрограде не только с блеском, но и с редкостным энтузиазмом прочитал рабочим и солдатам более тысячи лекций, среди которых значилась и «Этика общения» — «о воспитании и личном поведении».

В принятой в 1921 году программе единой трудовой школы говорилось: «Надо дать ребенку умение ясно чувствовать себя и все, что окружает его в мире, видеть, слышать, свободно говорить и свободно двигаться... Привыкнув... ребенок в своей жизни будет без смущения легко пользоваться этими умениями...»

В одном из документов 1924 г. записано: «В государстве, где царит особый жизненный уклад, определяемый общественными и моральными воззрениями трудящихся классов», целесообразно соблюдать простоту форм общения, основанную на естественности и уважительности.

Дисциплинирующее, облагораживающее воздействие этикета учитывалось и в практике воспитания детей и подростков. Так, например, А. Макаренко считал, что если раньше достаточно было усвоить некоторую сумму норм и заповедей, то теперь надо было не внушать заповеди на все случаи жизни, а воспитывать нравственно сознательного члена общества, способного оценивать свое поведение и находить самостоятельное решение. Он воспитывал в своих учениках не только трудовую дисциплину, но и задушевность, деликатность, так что они своей «тонкой воспитанностью», «чрезвычайной любезностью», «учтивым разговором» напоминали не столько вчерашних беспризорников, сколько «аристократичных оксфордских студентов».

Один из воспитанников А. Макаренко вспоминал: «У нас требовалась безукоризненная вежливость в обращении друг с другом — особенно со старшими, со всеми гражданами, с посетителями, с посторонними людьми. Антон Семенович говорил:

«Мы, советские люди, должны блистать изысканной воспитанностью и джентльменством. Нашей воспитанности должен завидовать весь мир».

Почти все книги известного советского педагога В. Сухомлинского также касаются и проблемы формирования культуры общения, отношения с родителями, товарищами, старшими, младшими.

Каждая эпоха решает свою главную задачу. После революции приходилось выволакивать Россию из немыслимых сейчас нищеты, голода и грязи. Только прошли рабфаки, организовали жизнь на колхозных полях — грянула война. Думать приходилось не о том, в какой руке держат вилку, а как управляться с автоматом, как защитить мир от нового рабства.

А после войны заботились о куске хлеба, а не о том, рукой или вилкой брать его с общей тарелки.

Они не всегда были элегантными, наши отцы и матери, хотя порой им очень хотелось выглядеть красиво. Но это их усилиями в стране создан такой уровень благосостояния, который дает возможность нынешней молодежи стать красивой, всесторонне развитой.

Чтобы превратить разрушенную страну в передовую, приходилось большое внимание уделять в процессе обучения подготовке специалистов, хорошо разбирающихся в своем деле. Делался акцент на обретение знаний, на развитие мышления и значительно меньше внимания уделялось развитию чувств. Но образование и культура далеко не всегда совпадают. Дипломированных специалистов в стране уже хватает. А вот по-настоящему культурных людей несколько, мягко говоря, меньше. Но если мы хотим, чтобы жизнь становилась лучше, не только богаче, но светлее и чище, одной образованности мало. Необходима высокая нравственно-эстетическая культура. Ею нельзя «накормить» раз и навсегда. Ее формирует общество (образованием, искусством, средствами пропаганды и т. д.), семья и сам человек, который должен постоянно совершенствоваться, ориентируясь на нормы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Сегодня мы еще сталкиваемся и с грубостью, зазнайством, ложью, высокомерием и другими отвратительными качествами, которые возмущают большинство. Некоторые машут рукой: всех не переделаешь. Но разве можно сравнить, например, свободу подхалима, отображенного Н. Гоголем, Н. Островским, и стыдливость подхалима наших дней? Подхалимство перестало быть узаконенной, требуемой нормой в общении с вышестоящим. Человек со сформированным чувством собственного достоинства не допускает унижения, способность унижаться вызывает у большинства презрение. Так что, ублажая начальство, сегодня подхалиму приходится краем глаза следить, чтобы его при этом не лицезрели коллеги. Люди меняются в соответствии с окружающей обстановкой, и как быстро эта обстановка будет меняться к лучшему, зависит от каждого из нас.

Конечно, наше обыденное сознание бывает достаточно консервативным и порою отстает от условий, требований жизни. Лучшие натуры несут нам образцы того, что станет нормой для всех лишь завтра. И всегда находится меньшинство, которое живет вчерашним днем, пытаясь протащить в сегодняшний то, что новому времени не свойственно, противопоказано.

«Эстетика — это этика будущего»,— сказал как-то М. Горький. То есть то, что сегодня мы воспринимаем как прекрасное, исключительное, завтра станет нормой для большинства. Слова М. Горького сегодня вспоминают все чаще, потому что появились объективные условия для превращения эстетики в этику настоящего. Это отражено и закреплено Конституцией СССР, гарантирующей всем гражданам условия для удовлетворения материальных и духовных потребностей, для гармонического развития, уважения прав и достоинства каждого. Как писал К. Маркс, «Человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления». Именно сейчас появились материальные условия для гармонического развития человека, приобщения его к высотам культуры.

Имея в виду такое явление культуры, как современный советский этикет, важно не забывать, что он, во-первых, несет в себе все общечеловеческие нормы общежития, сохранявшиеся тысячелетиями и свойственные многим народам, во-вторых, отражает специфически национальную систему знаков-символов общения, положительных традиций, обычаев, обрядов, ритуалов, которые берегутся как народное достояние и существуют, пока соответствуют общественно-социальным условиям и нравственно-эстетическим потребностям, и, в-третьих, включает в себя те правила, которые возникли на новой, социалистической основе. Это касается всех сфер этикета.

Общечеловеческим является, например, присущее всем народам разделение общества на мужчин и женщин, старших и младших. И потому всегда существуют правила, обязывающие бережно относиться к женщинам, почтительно к старшим, заботливо к младшим. Хотя каждый народ придает этим правилам свою тональность. Все знают о подчеркнуто галантном отношении к женщине во Франции, особо уважительном — к старшим в Грузии, пылкой любви к детям в Италии.

И в то же время правила взаимоотношений мужчин и женщин, взрослых и детей сегодня существенно отличаются от аналогичных правил прошлого, знать которые все же нужно: они помогают понять настоящее и представить будущее. А сравнение с особенностями жизни народов других стран помогает глубже осознать специфику советского образа жизни и советского этикета, главное требование которого — красота поступков и манер должна соответствовать высоконравственной сущности человека.

Новая социальная общность людей — советский народ — обогатил этикет многонациональными традициями. Советский образ жизни сформировал атмосферу, в которой практически стали возможны самые гуманные формы общения, основанные на принципе: человек человеку — друг, товарищ и брат. Характерную специфику советскому этикету придали основные принципы коммунистической морали, моральный кодекс строителя коммунизма. Нравственную сердцевину нашего этикета составляют коллективизм, социалистический гуманизм, интернационализм, демократизм, равенство всех, забота о каждом. Идеальным в коммунистическом понимании считается человек, в котором этическое и эстетическое находятся в нерасторжимом единстве: мы называем прекрасным (т. е. самым красивым) человека или поступки, только если они высоконравственны. До последнего времени основное внимание уделялось тому, как формировать гармоничного человека в условиях коллектива (школьного, производственного, спортивного и т. д.). Но исключительно велика и для детей, и для взрослых роль норм поведения, сложившихся в семье.

Этические и эстетические нормы, соприкасаясь, влияют на культуру поведения. Но культура поведения в свою очередь оказывает ответное влияние на внутренний мир человека, делая его восприимчивее к нравственным нормам и формируя эстетические потребности.

Говоря о культуре человека, его поведении, иногда подчеркивают «внутренняя культура», имея в виду нравственность, которая составляет в советском этикете основополагающую суть, и «внешняя культура», предполагая эстетику — красоту поведения, основанную на чувстве меры, гармонии, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Правила этикета определяются иногда как:
«правила поведения» (поведение — от «веды» — знания);
«элементарные правила вежливости» (вежливость тоже от «ведать», знать; вот и получается, что человеческое поведение и вежливость — понятия однозначные);
«добрые приличия» (приличия — от «лика», «образа», лица человека);
«культура поступков и манер» («культурный» — в отличие от «природный», «дикий», означает созданный человеком, приобщенный к достижениям человечества, организованный, упорядоченный).

Культура — это упорядоченность мыслей, чувств и поступков, понимание себя, других, осознание себя частицей мира, общества, которые развиваются по определенным законам; знание основных закономерностей жизни, человеческих отношений. Культура немыслима без постоянного расширения кругозора, освобождения от замкнутости на себе, способности к сопереживанию, соучастию, самовоспитанию. Культура семьи — доброжелательность и уважительность всех ее членов, умеющих согласовывать свои интересы с интересами других и строящих все

свои отношения в будни и праздники на высокой нравственно-эстетической основе.

Обретенная культура неизбежно проявляется в поведении, в принятии норм и правил общения, сформировавшихся в обществе.

Культура поведения дает свободу, то есть возможность сознательно, самостоятельно действовать сообразно обстановке, а этикет предполагает условия, в которых каждый может проявлять свою индивидуальность, не унижая, не ущемляя индивидуальности другого.

И поэтому все правила этикета совсем не надо заучивать, как это делал Мальволио из «Двенадцатой ночи» Шекспира. Достаточно ознакомиться с общепринятыми нормами и руководствоваться основным золотым правилом общения: «Относись к людям так, как хотел бы, чтобы они относились к тебе». Лишь тогда можно будет говорить не о законах стада, где господствует право сильного, а о гуманизме человеческого общества, где существует равноправие и властвуют Разум, Красота и Добро.

Понятие добра (от старославянского «соответствие») на редкость многозначно.

Мы приглашаем: «Добро пожаловать». И обещаем: «Добро, будет сделано». Хвалим: «Он сделал много добра другим». Поминаем добром. И желаем добра. Сказки, рассказывающие, как добро победило зло, кончаются словами: «И стали они жить-поживать и добра наживать». Мировая наука рассматривает добро как основную всеопределяющую и всепронизывающую категорию этики. Добро как соответствие желаемому идеалу.

Социалистический гуманизм видит в добре действенное начало, направленное на борьбу со злом. Добрый в нашем современном понимании — это гуманный, способный к сопереживанию, самоотдаче и любви человек, активно борющийся со злом.

Будьте добры в мире своем — большом, который приходится оберегать всем людям доброй воли, и в самой теплой частице его — в семье, в доме своем. С самых первых шагов — с поисков того, с кем войдете в этот дом — с поисков любимого, с зарождения любви — будьте добры!

* * *

Марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем тысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры.

В. И. Ленин

Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой.

А. П. Чехов

Никакая причина не извиняет невежливости.

Т. Г. Шевченко

Живешь, собственно, только тогда, когда пользуешься расположением других.

И. Гете

Есть моральная тактичность, которая у гуманного человека сказывается во всех его поступках и которой не имеет злой человек.

Д. Дидро

Истинная вежливость заключается в благожелательном отношении к людям.

Ж.-Ж. Руссо

Неучтивость — не особый порок, а следствие многих пороков: пустого тщеславия, отсутствия чувства долга, лености, глупости, рассеянности, высокомерия, зависти.

Ж. Лабрюйер

Вдвойне тяжелее переносить обиды со стороны тех людей, от которых мы всего менее вправе ожидать их.

Эзоп

Презрение — маска, которою прикрывается ничтожество, иногда умственное убожество; презрение есть признак недостатка доброты, ума и понимания людей.

А. Додэ

ЛЮБОВЬ, ЕЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Немного истории. Как и все на свете, любовь имеет свою историю. Природа наделила человека наряду с другими первичными потребностями и потребностью продолжения рода. Разделив людей на две половины, она запрограммировала их на вечное стремление друг к другу. И поначалу человек без особого разбора довольствовался тем, кто оказывался рядом.

Совершенствовались, усложнялись условия жизни в человеческом обществе — изменялись и отношения между мужчиной и женщиной. Чтобы придать им разумный, целесообразно оправданный характер (в противовес случайности выбора, вносившей сумятицу в отношения), приходилось кончать с беспорядочностью в отношениях полов, удовлетворяющих «зоологическому инстинкту». Для начала появились некоторые запреты, нравственные регуляторы отношений, уже упомянутые ранее табу.

Постепенно приучаясь трудиться, думать, чувствовать и считаться с некоторыми ограничениями, еще достаточно дикий человек стал отмечать, что для него не все равно, кого заключить в объятия.

Вторая половина могла оказаться молодой или старой, здоровой или больной, а отсюда — стройной или согбенной, с горящим или потухшим взором. В ощущении этой разницы и начнет проявляться — нет, не любовь еще — а избирательность, то, что потом, развившись, преобразуется в любовь. С интересом относясь к этому волнующему чувству, юное человечество пока еще не помышляет о браке. Для этого надо понять хотя бы самое простое — что от любви бывают дети.

Женщина, дающая роду-племени детей, хоть и занимает главенствующее положение (потом этот период назовут матриархатом) — ведет себя бескорыстно, не требуя от мужчины никаких обязательств.

Придумал их мужчина. И дело совсем не в том, что Его привязанность к своей избраннице оказалась настолько сильной, что Он не может успокоиться, пока не окажется объединенным с Ней, навеки. Увы! Все значительно прозаичнее. Поднакопив в результате войн некоторый избыток материальных благ, Он

начинает превращаться в собственника. В Нем постепенно крепнет потребность говорить — «мое». А сообразив, что имеет отношение к появлению детей, Он поспешил утвердить отцовское право. Имея что передать и кому передать (и вещь «моя», и дитя «мое»), мужчина забеспокоился, как бы из-за женщины не произошла ошибка с наследником. И потому поспешил оградить себя от этого, изобретя брак (от слова «брать» — я тебя беру и ты теперь тоже, как и все, чем я владею, принадлежишь мне. И только мне!). А раз исходной позицией была забота о собственности, то есть «не естественные, а экономические условия», то и брак с самого начала оказался непричастным к любви — частная собственность деформировала, уродовала и эти отношения. С самого начала муж — это господин, а жена — рабыня, исполнительница воли его.

Но женщина не может добровольно согласиться на рабство. Сопротивление не прекращается веками. Возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, Он, уверовав в свое превосходство, поглядывает на Нее высокомерно, но, с другой стороны, движимый чувствами, стремится к Ней. И, забывая о своем могуществе, склоняет голову, слагает в честь Ее гимны. Особенно сладкозвучно — на Востоке:

> Благоуханье твое — благоуханье бальзама.
> Кожу твою уподоблю кожице нежного плода.
> Жизненной силе зерна жизнь уподоблю твою.
> Восходящее солнце — твой лик.

При всем великолепии слов солнцеликая держалась в гареме, где роль желанной и возлюбленной носила весьма преходящий характер и где разыгрывалось немало трагических историй (хорошо знакомых по «Бахчисарайскому фонтану» и т. д.).

Древняя Индия, где, как и в Египте, господствовал культ чувственности, как «сладчайшего лакомства жизни», оставила миру не только наиболее древние, но и наиболее детально разработанные энциклопедии любви — «Тысячу глав Камы» Нанди (около 2 тыс. лет до н. э.), «Книгу любви» Ватсъяяны (IV—V вв. н. э.). Из них можно узнать, что любовь (условно назовем ее этим привычным словом) была пиром, театрализованным представлением, обращенным ко всем чувствам сразу, с участием многих муз. Жрицы любви Индии должны были знать 64 вида искусства — музыку, пение, танцы, литературу, декламацию, стихосложение, живопись и т. д. Помимо этого они были обучены искусству одеваться, украшать себя и жилища, создавать букеты и гирлянды, делать массажи и уметь развлекать гостей. Естественно, что любовь была их основным и единственным занятием — иначе как же успеть! И так же естественно, что предназначалась вся эта роскошь не одному мужчине.

Избирательное, индивидуальное чувство пока еще не получило права гражданства, как не пришла еще пора потребности

и духовного общения в любви, что отличает ее от просто страсти, желания, стремления к обладанию...

Точно так же и Запад, воспевая любовь (правда, несравненно менее эмоционально), далеко не всегда относил ее к единственной и неповторимой избраннице.

Стихи могли адресоваться конкретной женщине, но писать их можно было в обществе другой и даже с ее участием. Не потому, что не знали ревности. Но понятие неверности относилось только к жене, муж же был морально, общепринято, открыто освобожден от всяких обязательств в этом плане. Одиссеи, скитаясь по странам и континентам, между подвигами разделяли «сладкое ложе» с кем боги пошлют. А Пенелопы оберегали семейный очаг, сохраняя преданность, мужественно (простите, женственно) и хитроумно отклоняли притязания женихов. Но и тогда, когда древний грек (древний, потому что жил по нашей терминологии в древней Греции, а совсем не потому, что был стар и сед) находился недалеко от своего жилища, он со своей любовью устремлялся чаще всего не к жене, а к гетере («подруге»).

Наряду с богиней Вестой, охранительницей семейного очага (вероятно, в силу недостаточной популярности мало кому знакомой сейчас), существовала всем хорошо известная богиня любви и красоты Афродита (Венера, как ее несколько позже называли римляне). Поклоняясь красоте (а древние греки в массе своей обладали хорошо развитым вкусом), они восхищенно реагировали и на живых носительниц ее — гетер, которые, как и «подруги» Индии, должны были быть не только красивее, но и образованнее всех других женщин. Их дружбы и любви добивались философы, поэты, сильные мира сего. А гетера имела право выбирать то одного возлюбленного, то другого, то нескольких сразу: ведь гетеризм был все-таки чем-то вроде профессии, дававшей материальное обеспечение. Вот если ей удавалось превратиться в чью-либо жену,— положение менялось (во всяком случае согласно общественному мнению должно было меняться): муж удовлетворял ее материальные потребности, а она за это обязана была платить ему верностью...

Древний Рим подарил миру богатейшую любовную лирику. Многим известны подробные наставления Овидия о том, как быть любимым и как избавиться от любви. Но все это не мешало браку оставаться деловой сделкой, основанной на материальных, политических, престижных соображениях. Плутарх грустно констатировал, что римляне женятся уже не для того, чтобы получить наследников, а чтобы получить наследство. Может, потому-то отравление мужей — по свидетельству Ювенала — было явлением достаточно распространенным.

Кто знаком с историей развития рабовладельческого Рима, знает, что это богатое, нажившееся на бесконечных войнах государство в состоянии было удовлетворить «хлебом и зрелищами» изнемогавшие от безделья толпы, но не могло дать высоких идеалов, научить следовать им, сформировать те чувства,

которые способствуют развитию любви (не в литературе — тут часто была компенсация того, чего не хватало в жизни). Культ богатства, силы, вседозволенность, а отсюда распущенность, цинизм, бесстыдство привели к полному падению нравов, что, конечно, деформировало чувства, делало патологичной и любовь, и семью.

Сбросив рабство со всеми неизбежными его спутниками, человек попал под власть церкви, которая тут же войной пошла на любовь. Если на исповеди парень рассказывал: «Двери на запорах, а она, соседская дочь, является ко мне по ночам, и никуда мне от этих ночных видений не деться»,— его тут же уверяли, что это есть наваждение дьявольское, наговор, колдовство.

А если соседская дочь хороша собой, и не один парень сознавался священнику, что сохнет душа его, что бросает его то в жар, то в холод, тут уж никаких сомнений не было, что привораживала их ведьма. И один ей путь — глубокий колодец или жаркий костер.

Без конца предавая анафеме, понося и презирая любовь, греховность «плотских» наслаждений, церковь добилась того, что голос плоти, если не заглушался (этого трудно было добиться), то презирался, и потому проявления чувств были грубыми, примитивными, что вполне соответствовало нравам эпохи. Понимая, что без брака не обойтись, церковь освятила его. Долго и мучительно решая вопрос, можно ли считать женщину человеком, церковь в конце концов нехотя признала за ней это право. Но во всех остальных — было отказано. Ей вменялось в обязанность быть бессловесной и беспрекословной исполнительницей воли своего господина — мужа.

Но в человеке жила потребность любви. И чем сильнее было гонение, тем горячее протест: как никогда доселе многоголосо зазвучал гимн любви. Пели, естественно, мужчины (вдохновляемые, конечно, женщинами). Пели об идеальной, возвышенной — рыцарской любви. Духовной, неторопливой, прочувствованной в каждом этапе: несколько месяцев восхищенных прославлений и ухаживаний венчаются поцелуем руки, далее в том же темпе, рассчитанном на годы, Он — рыцарь — доблестями, подвигами во славу Ее, бескорыстной преданностью завоевывает внимание, а если удавалось, то и сердце своей «прекрасной дамы». Ею могла быть случайно увиденная (общение было довольно ограниченным) девушка или жена другого рыцаря.

Кругом — жестокость, грубость, произвол, насилие. Господствует кулачное право. Рыцари, поднаторев в походах, разбоях, грабеже, в доме своем чувствуют себя завоевателями, для которых и жена — все та же беззащитная добыча. Правда, для какого-нибудь другого рыцаря Она может быть и «прекрасной дамой», в честь которой выигрываются турниры и слагаются куртуазные песни. Но муж, если и заност, то уж никак не для жены: любить свою жену, проявлять чувства к ней было просто неприличным, стыдным. И потому для поклонения избирался

иной объект. Вот и получалось, что взаимный соблазн жен превратился в нечто, похожее на соревнование.

Те, кому не под силу оказывалось слагать и распевать песни (а таких, естественно, было большинство), приглашали для эстетического воздействия на избранницу трубадуров, странствующих поэтов, певцов, готовых в «песнях рассвета» (к этому времени рыцарь обязан был исчезнуть) воспевать Его доблести и Ее готовность любить Его. Как писал Ф. Энгельс: «Рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности и ее поэты воспевают это». Однако в отличие от «телесности» античных отношений, рыцарство открыло миру «духовность» любви, что дало основание Ф. Энгельсу писать, что современная индивидуальная половая любовь была неизвестна древнему миру и не существовала вплоть до средневековья.

Возрождение заговорило о любви земной, полнокровной, со всеми оттенками чувств, порой чрезвычайно противоречивых.

> Что есть любовь?
> Безумье от угара,
> Игра с огнем, ведущая к пожару,
> Воспламенившееся море слез,
> Раздумье — необдуманности ради,
> Смешенье яда и противоядья.
>
> *В. Шекспир*

Любовь с этого времени занимает достойное место в искусстве, чаще всего — как драма разлуки или неразделенности чувств. Семья — по-прежнему — сделка, где, как заметил Ф. Энгельс, своя цена у женщины и у мужчины, притом основанная не на личных качествах.

В крестьянской семье, с ее изнурительным трудом, вечной нищетой, властью крепостника (его правом женить по своему усмотрению, правом первой ночи, правом покупки, продажи любого человека), для любви оставалось немного места...

На протяжении всех трех тысяч лет, пока существовал парный брак, он заключался родителями, и у многих народов будущие супруги и в глаза не видели друг друга (слово «невеста» это «неведомая», «неизвестная», а жених — «чужой», «чужанин». Жена же, как и женщина, — это рождающая, в то время, как муж, мужчина было однозначно понятию «человек»)...

С появлением пролетариата характер семьи начинает меняться. Оторванные от родительской опеки, лишенные собственности, которую можно было бы передать по наследству, находящиеся почти в равном экономическом положении (работница материально обеспечивает себя), пролетарии получили возможность строить свою семью исходя из взаимной оценки. Однако чувству трудно было удержаться в условиях постоянного переутомления, голода, неуверенности в завтрашнем дне, которые опустошали, озлобляли и ожесточали людей. К тому же многовековые традиции господства мужчины оставались крепки в сознании. Прихо-

дилось всерьез доказывать, что «женщина такой же человек и гражданин, как мужчина, и существующее до сих пор сосредоточение законодательной власти только в руках мужчин показывает, что те пользовались своей привилегией лишь в своих выгодах, опекая женщин во всех отношениях, и это необходимо прекратить» (А. Бебель). Легко сказать «прекратить», когда на стороне мужчины экономика, государство, право, общественное мнение.

С какой глубокой убежденностью утверждал немногим более ста лет назад буржуазный философ А. Шопенгауэр: женщина «вследствие своего более слабого разума»... «отбывает обязанность жизни... подчиненностью мужу», существует единственно только для распространения рода человеческого и этим исчерпывается ее назначение, она «не имеет ни восприимчивости, ни истинной склонности ни к музыке, ни к поэзии, ни к образовательным искусствам», не говоря уж о науках.

Правда, в том же столетии звучали и диаметрально противоположные слова: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории». Принадлежали они поэту А. Вяземскому, человеку ясного ума и решительных поступков (это он, оценив события на Сенатской площади, не побоялся явиться к другу своему И. Пущину с тем, чтобы взять на сохранность — для нас, потомков,— наиболее ценные документы, которые и вернул владельцу после возвращения его из ссылки через 32 года). Почтительное восхищение Вяземского женщинами разделял и друг его — А. Пушкин. Не случайно его Татьяна писалась и с Натальи Фонвизиной, отличавшейся образованностью, независимостью, «пренебрежением к светским условностям и восторженной любовью к природе». Выйдя замуж за прославленного генерала, почти вдвое старше ее, она, движимая долгом, едет вслед за ним в Сибирь, где, решительно переступая через всевозможные запреты, оказывает помощь всем, кто в ней нуждается. Похоронив спустя много лет в Подмосковье мужа, тайно возвращается вновь в Сибирь — к друзьям; в 52 года, на этот раз по велению сердца, сочетается браком с тяжело больным Пущиным.

Бескорыстие, преданность долгу, обязательность, умение верно и преданно любить, мужественно бороться с превратностями судьбы, неся в себе постоянную готовность стать поддержкой, опорой, утешением близким (хотя эти близкие могут быть далеки и по крови, и даже по расстоянию) — такими чертами обладали многие ее современницы. И не их вина, что семья была единственной сферой деятельности, оставленной им.

Любовь и долг, слитые воедино, были главным стержнем характера, двигателем поступков лучших русских женщин. Не случайно юная Мария Волконская, увидев впервые мужа арестантом, инстинктивно, не успев оценить еще своего поступка, на виду у всех склоняется и целует вначале оковы — знак бескорыстного благородства, которым отметило декабристов самодержавие, а потом его самого.

А после похорон 28-летней Александры Муравьевой, жившей «непрерывным душевным горением», две совершенно разные женщины — Мария Волконская и Полина Анненкова — сказали о ней как о соратнике-борце одинаковыми словами: «Умерла на своем посту». (И потому, вероятно, в течение нескольких десятилетий, пока жив был последний декабрист, поддерживался огонь у ее могилы, куда и по сегодняшний день круглый год идут люди поклониться, возложить цветы.)

Конечно, в основе своей, как и везде, русский брак в старину был сделкой, любовь чаще всего существовала вне его. И хотя бывало изредка, что любовь торжествовала, но как редчайшее исключение: уж слишком мало было у нее прав, и слишком многое давило на нее — власть тьмы, денег, родительской воли, сословных и национальных предрассудков.

Помните, как рассказывает няня Лариных:

> Мы не слыхали про любовь:
> А то бы согнала со света
> Меня покойница свекровь.

Ее хозяйка, мать Татьяны и Ольги, выйдя по воле родителей замуж...

> вздыхала о другом
> Который сердцем и умом
> Ей нравился гораздо боле...

Обычно все поведение русской женщины в любви, в семье всегда направлено было не на удовлетворение своих чувств, желаний, а на самоотвержение, сочувствие. «То есть, если и любви, то любви не индивидуальной, и тем более не чувственной, которая скорее не любовь, а себялюбие, эгоизм»,— пишет К. М. Кантор, продолжая далее: — «Коль скоро замужество состоялось — тут начинают действовать другие нормы нравственного поведения. И сохранение человеческого достоинства состоит теперь не в том, чтобы отдать себя на произвол собственных страстей, а в том, чтобы, напротив, побороть их в себе, побороть не только рассудком, но всем существом и относиться к роли жены как к общественному (да! да!) служению, хотя оно и проявляется в заботе о благополучии лишь одного человека — супруга».

Горячо любившая и уважавшая супруга декабристка Александра Давыдова, которую П. Чайковский назвал одним из редких проявлений человеческого совершенства, так и определила свою роль жены, женщины, друга: «Я посвятила всю себя бедному мужу моему и утешалась тем, что выполняю святейшую обязанность».

Личное и общественное, любовь и долг, переплетенные нерасторжимо, проявлялись в отношениях к своим мужьям и О. С. Чернышевской, и Е. С. Короленко, и А. Г. Достоевской. Яркие их судьбы и имена озарены светом исторических событий, а сколько незаметного благородства и мужества проявляли еже-

дневно, ежечасно женщины в повседневной, будничной жизни. Великих женских имен вписано в историю немного, но иначе и быть не могло, раз женщине была одна дорога «от печи до порога».

Лишь развернувшееся повсеместно в 50-х годах прошлого столетия движение за женское равноправие — эмансипацию — начало открывать женщине дорогу и к независимости, и к признанию ее способностей, и к свободе в выборе суженого. (Согласитесь, есть безусловная привлекательность в том, что движение за женское равноправие в России возглавила дочь так красиво любивших друг друга декабристов Ивашовых — Мария Васильевна Трубникова.)

Как же представляли себе в прошлом веке женщину, любовь, семью в будущем?

А. Бебель в книге «Женщина и социализм» мечтает: «Женщина нового общества в социальном и экономическом отношении совершенно независима, она не знает над собою даже тени господства и эксплуатации, она стоит по отношению к мужчине как свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается так же, как мужчина... она может развивать свои физические и духовные силы и способности согласно своим потребностям...

В выборе любимого человека она, подобно мужчине, свободна и независима. Она выбирает или ее выбирают, но во всяком случае она заключает союз не из каких-либо других соображений, кроме своей склонности». Некоторым это казалось несбыточным фантазерством.

Ф. Энгельс доказывает, что первой предпосылкой освобождения женщины будет возвращение ее к общественному производству. Это даст ей экономическую независимость. Семья перестанет быть хозяйственной единицей общества.

Основным мотивом вступления в брак будет любовь. А так как любовь избирательна, то брак по своей природе является «единобрачием»...

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые предоставила полное и абсолютное гражданское равенство женщинам наравне с мужчинами.

На основе этого равенства выросло новое поколение мужчин и женщин, выросла новая семья, новая любовь со своими открытиями, радостями, сложностями.

Любовь молодых. После Октябрьской революции, начиная строить новую жизнь, пересматривали, переоценивали все, и отношения — в том числе личные — тоже. Горячо спорили: какими им быть? Одни говорили — деловыми: не до любви сейчас (вспомните разговор Павки и Риты у Н. Островского). Другие ратовали за предельную упрощенность (вроде того, как проповедовали некоторые герои «Хождения по мукам» А. Толстого): раз уж никуда не деться от потребности в особи другого пола, то и удовлетворять ее надо, не мудрствуя лукаво, как пользуются услугами городского транспорта, желая добраться до на-

меченного пункта, или берут стакан воды, чтобы утолить жажду. Но, как говорил В. И. Ленин, нормальный человек в нормальных условиях и желая пить не ляжет в грязь и не будет пить из лужи или даже из стакана, край которого захватан десятками губ...

И несмотря на всякие новые и не новые теории, упразднявшие любовь, она продолжала свое — не всегда победное — шествие, приобретая и теряя что-то в каждую эпоху. И в будущее она возьмет что-то от сегодняшней любви, как наши отношения вмещают в себя опыт ушедших поколений: у одних есть что-то от рыцарской любви, у других — от восточной, у третьих — от альтруизма Н. Чернышевского, А. Огарева... Есть однолюбы, долгие годы сохраняющие верность даже памяти любимого человека. Есть натуры, до конца жизни своей способные увлекаться, страдать, наслаждаться — другими словами, любить.

Встречаются и такие люди, которые любят глубоко, постоянно и верно, но только самое себя, и потому других примеряют, словно платье, галстук или костюм: «Подходит? Удобно? Украсит?»

Не случайно говорят: не каждому дано любить. Ведь в любви ярко проявляются вся сущность человека, его воспитание и характер, глубина души, развитость чувств, готовность соотносить их с разумом, способность понимать себя и другого, умение властвовать собою, проявлять себя, общаться...

«Сезон любви» назвали свой фильм японские кинодраматурги. Фильм о том, как зачарованно пошла влюбленная девушка к человеку, чувствуя его притяжение (есть такие люди, к которым неизбежно тянутся многие). А Он — взрослый, понимающий, доброжелательный — сказал Ей нечто близкое тому, что говорил когда-то Онегин Тане. И закончил отповедь уверением: сезон минует, а вместе с ним и ее страдание. И придет настоящее чувство. А сейчас — это лишь оповещение, что в Ней пробуждается способность и потребность любви. Сезон любви. Влюбленность, говорят у нас (слово-то какое легкое, воздушное!).

Но у Татьяны вот не миновало, Онегин ошибся. А потом почему-то сам влюбился. Неужто в любви все покрыто мраком, и несет человека «без руля и без ветрил», а куда вынесет — никому не известно?

Не совсем так, хотя есть определенная доля обоснованности в уверенности Кармен — особы в этих вопросах сведущей,— когда она распевает: «Любовь свободна, век кочуя, законов всех она сильней». Но с другой стороны...

Оговоримся сразу: никто не помышляет давать рецепты, формулировать законы. Их нет. Но опыт человечества выкристаллизовался в определенные понятия, нормы, правила. Знания их помогают формированию культуры восприятия, поведения в любви. Приняв это за основу, и начнем свой разговор о самом прихотливом человеческом чувстве, а точнее, «пылающем вдох-

новения всех чувств», каковым является любовь, и ответим на наиболее частые вопросы, с которыми обращаются молодые люди в газеты, на радио, телевидение, на лекциях «О дружбе и любви» или просто (вернее, совсем не просто) «О любви». Итак, попытаемся ответить на вопрос: что такое любовь?

«Тайна сия великая есть» повторялось не единожды. Помня об этом все время, коснемся ее.

Когда-то много веков назад автор «Ветки персика» писал

> Влечения душ порождают дружбу
> Влечения ума порождают уважение.
> Влечения тела порождают желание.
> Соединение трех влечений порождает любовь.

Признавая справедливость этого красивого высказывания, современные исследователи а также простите прозаизм словари) определяют любовь как самоотверженную привязанность, чувство влечения, в котором физиология, психология, нравственность, общая культура не путать с образованностью! переплетены самым тесным образом. Словом этим определяют огромнейший диапазон чувств от безудержной страсти до неосознанной потребности находиться всегда рядом с данным человеком. Бывает, что оба эти крайние в градациях любви чувства могут столкнуться в одном человеке, поставив его в нелегкое положение. И не всегда можно предсказать, какое из них победит в конце концов.

Чаще случается, что человек испытывает любовь при благоприятном ее развитии, в разнообразных стадиях. В молодости она эмоциональнее, ярче, беспокойнее, в зрелости — осознаннее, глубже, ровнее.

В современной любви соединяется данное от природы и привнесенное цивилизацией (социальное), свойственное всему роду человеческому и индивидуально неповторимое. Вероятнее всего, правы те, кто утверждает, что в ней нет всеподчиненности, безоглядности любви прошлого, которая бывала порой важнейшим, если не единственным средством самоутверждения личности. Приобретя возможность самопроявления через разнообразные формы деятельности, увеличив уровень образования, рост самосознания, наш современник ждет от жизни радостей, связанных не только с любовью, но и с работой, разнообразной деятельностью, общением с друзьями, широким кругом людей, саморазвитием и т. д. Еще В. Г. Белинский писал: «Если бы вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастии, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами... Но... есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца...— мир непрерывной работы, нескончаемого делания, мир вечной борьбы будущего с прошедшим».

И тем не менее любовь, как и потребность в ней, хотя и не всегда занимает центральное место в жизни современного че-

ловека, не ушла в прошлое, не стала «старомодной». Она лишь изменилась, стала многограннее, что естественно и неизбежно. Неизменной же осталась ее власть над людьми всех возрастов, особенно в юности. Кто не мечтает в этом возрасте о «настоящей любви», о понимании, привязанности и преданности на всю жизнь!

Правда, первое чувство может прийти до того, как человек уже готов к нему. Это предощущение любви бывает впечатляющим и ярким. Еще И. Мечников отмечал, что чувственность может проснуться задолго до (и не исчезать долго после) физической зрелости. Байрон (пример широко известный) почувствовал влечение к Марии Деф в 7 лет. Петрарку поразила В. Беатриче, когда ему было 9 лет.

Бывает и так, что проходят годы и всплывает вдруг в памяти далекий образ из детства. И становится Он (или Она), даже не подозревая об этом, близким и дорогим спутником, к которому с нежностью и благодарностью обращаются в особо напряженные, трудные или радостные минуты. Как старый ученый к девочке из детства в фильме «Монолог» по сценарию Е. Габриловича.

Первое влечение может быть едва уловимым, прозрачным, акварельным (у В. Тендрякова в «Весенних перевертышах» Она вдруг кажется Ему похожей на Наталью Гончарову — и это не дает покоя!). Но чаще чувство многокрасочно, бурно.

Человек пробуждается. Обостренно, словно впервые, видит, слышит, замечает перемены в себе, ощущает всего себя целиком — с ног до головы. И по частям — мой голос, мои руки.

Каков Я?

Каково отношение мира ко мне?

Смотрит на себя со стороны. Ищет свое отражение в глазах другого, стремясь подойти все ближе, хмелея от волнения, неуверенности, радости. От шума в крови, головокружения ничего не разглядеть. Да и разглядывать уже ничего не хочется. Только слышать, как бьется сердце. Твое и это, рядом. А если и это сердце тянется к тебе, то ничего удивительного нет, что земля уплывает из-под ног... Чувство звучит так могуче, что голос разума не всегда услышишь. А надо, чтобы не испортить песни, не испортить жизни — своей или чужой.

Юношеская любовь открыта, незащищена, хрупка. Для нее губительной оказаться может даже насмешка. И потому требуется бережность, осторожность в обращении с ней. Робость, если хотите. И окружающих, и самих влюбленных, и (особенно) тех, кто не может ответить на чувства, обращенные к нему: от того, как сложатся взаимоотношения в юношеской любви, во многом зависит отношение человека к самому себе, к другим людям.

«Первая любовь,— пишет А. Моруа в «Письмах к незнакомке» — накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь мужчины. Если эта любовь была счастливой, если женщина или девушка, пробудившая чувства юноши, ответила на них и была

верна, ощущение доверия, ясности станет спутником всей его жизни. Если в этот первый раз, когда ему захотелось отдать себя и довериться, он был отвергнут или предан, рана никогда не заживет до конца, а моральное здоровье еще долго будет подорвано...

Очень часто мужчина, оказавшись несчастливым в первой любви, всю жизнь мечтает о нежной и поэтической женщине, сочетающей в отношении к нему качества девушки и матери, дружбу и чувственное влечение, понимание и покорность. Он ищет повсюду эту сильфиду и поэтому постоянно неверен. Вместо того чтобы принять женщин такими, каковы они есть в действительности — несовершенными, сложными, но живыми,— он ищет, как говорили поэты-романтики, ангела, а сам уподобляется животному... Это страшная ответственность... быть первой любовью...»

Почти все это в равной мере относится не только к мужчине, но и к женщине...

В зрелые годы любовь обычно осознаннее, в юности — беспокойнее, с 13—15 лет ее начинают ждать, боясь, как бы она не прошла стороной. Любовь обогащает человека чрезвычайно. Видится острее, слышится тоньше, ощущается ярче, впитывается несравненно больше, чем раньше. Насыщенным становится каждый миг, значительным каждое явление, явственным каждое движение. Раскрепощаясь, человек обретает силу, веру в себя и других, в нем открываются неподозреваемые доселе способности. Не случайно М. Горький заметил: «Все влюбленные талантливы». Естественно, что появляется благодарность к источнику таких переживаний, потеря такого приподнятого состояния воспринимается, как катастрофа, мир становится неживым, унылым, серым. Счастливы те, у кого влюбленность перерастает в глубокую любовь.

Существуют ли какие-либо признаки, по которым можно отличить любовь от влюбленности?

Как свидетельствуют многочисленные литературные источники, и то, и другое может возникнуть внезапно, с первого взгляда. А может вспыхнуть вдруг к давно знакомому человеку. Но если приглядеться внимательно, то и здесь чувство возникает, когда воспринимаешь человека по-новому, словно впервые видишь.

Зародиться и влюбленность, и любовь могут одинаково. Различия же относятся к характеру этих переживаний, потребностей.

Еще в Древней Индии заметили, что полная гармония всех трех влечений — явление не частое. Обычно что-то преобладает, что-то вторично. Когда «влечения тела порождают желания» или, как писал К. Симонов, «когда душою правит тело», воображение преобразует предмет волнений во что душе угодно. А ей угодны самые яркие, эмоциональные краски. Она создает их, щедро одаряя того, кто вызывает волнение, не всегда соотносясь с тем, что соответствует действительности. Вот это чувство взбу-

дораженного волнения и называют влюбленностью. Оно может предшествовать любви, хотя и не обязательно переходит в нее. Для влюбленности достаточно пробуждения тела, для любви необходима зрелость и развитость души (чтобы не выглядеть идеалистами, скажем — чувств, характера, разума). Влюбленность быстро проходит. Это горение чувств. Любовь — их развитие. Она поддерживается взаимным уважением, духовной близостью, поэтому она долговечнее, ей оказывается под силу преобразовывать человека.

В искренней и страстной исповеди о борьбе, дружбе, любви — в книге «Былое и думы» А. Герцена — есть такие строки о состоянии влюбленности, страсти: «...первый опыт любви прошел скоро... Может, даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшего, самого благоуханного достоинства..., своей непорочной свежести. Когда же ландыши зимуют?» И далее:

«С месяц продолжался этот запой любви; потом будто сердце устало, истощилось, — на меня стали находить минуты тоски, я их тщательно скрывал, стараясь им не верить, удивлялся тому, что происходило во мне, а любовь стыла себе да стыла.

...любовь откипела во мне. Я не был равнодушен к ней, далеко нет, но это было не то... меня занимал теперь иной порядок мыслей, и этот страстный порыв словно для того обнял меня, чтобы уяснить самому иное чувство». И оно, это чувство, жило в нем потом долгие годы.

Можно сказать, что влюбленность — это состояние, а любовь — отношение. Состояние, какой бы степени эмоциональности оно ни было, не обязательно в ладу с умом («все понимаю, но ничего поделать не могу»). Любовь же — производная от самого человека, поэтому органичнее, глубже, стабильнее, как бы прихотлива она ни была. Импульсивность, яркость и влюбленности, и любви зависят не столько от силы чувства и даже не столько от возраста, сколько, как уверяют физиологи, от типа высшей нервной деятельности человека. (И нет оснований утверждать, что лучше, что хуже. Одни тянутся к полыханию алого, другим милее нежность и прозрачность голубизны.)

Итак, сила чувства тоже не показатель его глубины.

Что же тогда — продолжительность?

Да, время, безусловно, расшифровывает многое.

Но есть еще один, очень четкий критерий, определяющий глубину чувства. Это его направленность.

В любви центр тот — другой, его радости и боли отодвигают на второй план собственные настроения, желания, стремления. Как в ставшем уже хрестоматийным из-за своей предельной ясности и точности описании Л. Толстым состояния Левина, который, бросив Кити обидные слова, «в ту же секунду почувствовал, что он бьет сам себя». «Он понял, что она не только близка ему, но что он теперь не знает, где кончается она и начинается он».

Правда, не всегда проявления чуткости и заботливости (да-

же абсолютно искренние) можно считать безошибочным признаком проявления любви. Так же, как не всегда любящий умеет быть бережным и заботливым в общении с дорогим для себя человеком. В обоих случаях многое определяется характером, воспитанием, усвоенными нормами поведения. И чтобы разобраться, в чем истина, без размышлений, без раздумий все же не обойтись.

Иногда сущность человека (а значит, и его чувств) раскрывается легко — в отношениях, в слове, жесте. Но чаще, чтоб не ошибиться, необходимо время.

Потому-то и советуют юным — не ссорьтесь по пустякам (спорить — пожалуйста, сколько угодно), не теряйте беспечно близких, дорогих, волнующих вас и тянущихся к вам. Дорожите своими привязанностями — и потому, что юношеские дружеские узы чаще всего — самые крепкие, бескорыстные и ценные, и потому еще, что может оказаться — это и есть ваша единственная, большая, на всю жизнь любовь. Вспомните, как бездумно расстались и потом долгие годы шли навстречу друг другу герои книги Ю. Германа «Дорогой мой человек». Им повезло — они смогли вновь обрести друг друга, а многим обстоятельства уже не позволяют этого...

Никто не может сказать обоснованно, что любовь — хорошо, а влюбленность — хуже. Или наоборот. Надо только знать, что формы поведения в обоих случаях разные: влюбленность кружит голову — и это обязывает не терять почвы под ногами; любовь захватывает человека целиком, она обычно трезвее, реальнее и это предостерегает, обязывает не терять песни, музыки, поэзии в отношениях. Потому что без приподнятости отношения и чувств это уже не любовь.

Влюбленность может исчезнуть сама по себе (и винить тут некого) либо разрушиться самими влюбленными, обстоятельствами, окружающими (по самым разнообразным причинам). При благоприятных обстоятельствах и нашем участии влюбленность способна перерасти в любовь, преобразуя постепенно всего человека. Но на это уже надо опять-таки время.

Потому-то и трудно ожидать чего-либо хорошего, когда стремятся ускорить события, отдаются первым, пусть самым горячим порывам. Не выносив любви, спешат пройти все ступени отношений в кратчайший срок, опережают поступками чувства.

Рассматривая эту проблему с точки зрения психической и физической гигиены, известный польский ученый К. Имелинский пишет:

«В основе принципа невозбуждения полового влечения у молодежи лежит тезис, утверждающий, что половую жизнь не следует начинать до полного физического созревания... Ибо чем меньше энергии израсходовано на половую жизнь, тем большая ее часть пойдет на развитие и укрепление организма в целом: скелета, мышц, мозга и связанных с ним функций высшей нервной деятельности...

Всестороннее же развитие — без сомнения — цель более важная, чем само по себе удовлетворение полового чувства...

Возникновению чувства любви, в основании которого лежит половое влечение, способствует, кроме того, ряд условий и обстоятельств, вызывающих у данного индивидуума разнообразные чувства, например альтруистические, эстетические, мировоззренческие и др. Этим и отличается сексуальная жизнь людей от половой жизни животных, у которых все происходит только в сфере полового влечения, без связи с высшими чувствами.

При преждевременном вступлении в половую близость, т. е. еще до того как... возникло чувство любви, они оказываются связанными друг с другом первичными чувствами. Многочисленные наблюдения показывают, что чувство настоящей любви исключительно редко зарождается в условиях, когда половое влечение — единственное, что объединяет... Иногда с течением времени на почве такого союза возникают высшие чувства — дружба, привязанность, взаимное уважение, но чувство любви, как правило, рождается редко. Это должно послужить предостережением для молодых людей и девушек. Им следует помнить, что существует опасность лишиться эмоций подлинной любви из-за преждевременно начатой половой жизни...»

Эту же мысль высказывал более категорично А. Герцен: «Связи легко, ветрено начатые, редко поднимаются выше спальной и кухни».

И потому одно из важнейших табу для молодых: не бойтесь опоздать, не бегите безоглядно на первый зов своего сердца или чужого голоса. Влюбляйтесь, страдайте, наслаждайтесь, изнемогайте, но не теряйте головы. Оберегайте друг друга.

Выясните для себя главное: что движет вами? Обоими. И соответственно ведите себя. Расписания слов и поступков никто вам не предложит, но сохранилось давным-давно сформулированное наблюдение: с желанною спешат куда угодно, любимую мечтают повести к венцу.

Не слишком ли устарела эта мораль?

Моральные нормы устаревают. Это случается сплошь и рядом на протяжении жизни даже одного поколения. Существуют же и такие правила, которые сохраняются веками.

Например, ушло в прошлое положение, когда, не спросясь желания девицы, ее вели к венцу. Дико выглядел бы сейчас и бытовавший когда-то обычай заглядывать в постель новобрачных и даже вывешивать простыню за порог, дабы убедить всех в «честности» невесты.

Но честь девушки, ее понимание своей значимости, своей ценности как личности, понимание необходимости нести в себе обязательные женские качества — доброту и гордость — все это высоко ценится и сегодня.

Неприкосновенность сугубо личных отношений оберегается современной моралью. Если они, конечно, не приносят духовного или физического ущерба личности. Тут на защиту ее может встать не только нравственность, но и право, закон. Так, учи-

тывая, что и рано начавшееся половое развитие не завершается в течение года-двух, законом запрещаются браки (а значит, и внебрачные связи) до 18 лет. И люди старшие несут не только моральную, но и уголовную ответственность, если склоняют несовершеннолетних к нарушению этого закона.

Желание близости может возникнуть и в 17, и в 16 лет, а иногда и раньше, но нельзя забывать, что развитие организма продолжается, и ему эта близость во вред, а не на пользу.

Человек с самого раннего детства усваивает, что не всякое «хочу» он может и должен себе позволить («Хочу ударить этого ребенка», — «Нельзя, ему будет больно»; «Хочу снять шубу и пойти купаться», — «Нельзя, заболеешь, другие купаются, потому что они закалились постепенно»). Нельзя причинять вреда ни себе, ни другому. Потому и учат детей предвидеть, к чему приведет тот или иной поступок.

Медики утверждают, что воздержание в юности не приносит вреда, а ранняя физическая близость (как и излишества в любом возрасте) истощают организм, подрывают здоровье. Даже зрелым людям при больших нервных и физических нагрузках настоятельно рекомендуют воздержанность в интимных отношениях (об этом хорошо осведомлены, например, спортсмены). И. Мечников пишет: «Именно вследствие огромного значения полового инстинкта проявление его должно быть оберегаемо самым тщательным образом. Подобно тому, как злоупотребление сластями может вести к отвращению от них, так и злоупотребление в половой сфере ведет к преждевременному пресыщению и к истощению организма».

К тому же добрачная интимная близость в раннем возрасте редко доставляет радость, чаще — разочаровывает, потому что многое — с одной стороны травмирует, с другой — сковывает молодых людей: чувство неловкости, неуверенности, спешка, боязнь беременности, осуждения, необразованность в этих вопросах.

Поэтому, если раньше строго наставляли девушек, с детства воспитывая в них целомудрие (от слова «мудрость»!), то и сейчас делают то же самое — человеческий организм изменился незначительно. (А природа словно сама оберегает девушку от поспешных поступков).

И. И. Мечников в «Этюдах о природе человека» отмечает, что раннее материнство вредно и для организма матери, и для ребенка, который менее жизнеспособен, слаб. Анализируя возраст вступления в брак у разных народов и в разные эпохи, он отмечает, что с ростом культуры народов возраст вступающих в брак становится старше: умение заглядывать вперед, соизмерять инстинкты с разумом — явный показатель культуры.

А как же Ромео и Джульетта?

Любимый пример в последнее десятилетие. Пример прекрасный, но если разобраться...

С самого начала для Ромео девочка из семейства Капулетти была не случайной встречною, а избранницей — самой лучшей,

единственной. Он знает это наверняка, учитывая свой немалый опыт общения с женщинами (не будем закрывать на это — столь обязательное в то время правило — глаза). И как всякую избранницу, Ромео юную Джульетту ведет не куда-нибудь, а под венец. Так что с самого начала он поступает соответственно существовавшим тогда, как и теперь, нормам.

А Джульетта. Ей нет еще и 14 лет, а любящая мать говорит с укором:

> Меньших лет, чем ты,
> Становятся в Вероне матерями,
> А я тебя и раньше родила.

Оказывается, по нормам того времени, Джульетта «засиделась в девках» (бабушки — в 26, глубокие старухи — после 40, кому сейчас такое понравится?).

И если учесть пылкость южан (фактор немаловажный, принимаемый во внимание и сегодня) и запрограммированность девочек на одну-единственную роль — матери, продолжательницы рода, — и давление общественного мнения, которое никак не связывало брак с любовью, то ясно, что все обязывало Джульетту готовиться к замужеству.

И привлекательность ее для людей разных времен и народов не в том, что она в 13 лет становится женою, а в том, что не хочет брака без любви, что умеет быть верною в своем чувстве, что преодолевая поистине катастрофические препятствия — смерть брата, чуму, волю семьи (с которой связана и кровно, и материально), стремится к своему избраннику, мужу (который не только в ее влюбленных глазах, но и на трезвый взгляд со стороны действительно надежен и красив в любви).

Так что Джульетта — не капризная девочка, бегущая навстречу своим желаниям, а сильная, последовательная (несмотря на пылкость!) и ясномыслящая (несмотря на возраст) натура.

От кукол к детской колыбели, к брачному ложу не одну ее вели встарь. Но за прошедшие пять столетий научились беспокоиться о физическом развитии и здоровье (и потому предостерегать от ранних браков, ранних старений). И духовно человек изменился. Современная Джульетта, даже если она исполняет только роль матери и хозяйки дома, должна быть личностью (помните трагедию Тани из одноименной пьесы А. Арбузова?). Теперь, когда кругом столько интересных, ухоженных, умных, активных женщин, труднее сохранить надолго восхищение тою, которая остановилась в своем духовном росте на уровне подростка, не успев приобрести запас, из которого потом может развиваться личность.

Значит, ранние браки — это плохо?

В зависимости от того, что понимать под словом «ранние». Супружеская жизнь до 18 лет (в наших широтах) вредна, а значит, недопустима. Потому и предупреждают: юно-

ческая любовь должна быть целомудренной, чтобы человек мог оформиться физически, духовно, социально. Чтобы не испытывать разочарований: сезон любви прошел и «сладкая женщина» — совсем не та женщина, которая нужна Ему, да и Он, оказавшийся в этот сезон рядом,— абсолютно Ей ни к чему.

В прошлом мужчина, на котором лежала вся ответственность за материальное благосостояние семьи, должен был до брака «обрести положение», «встать на ноги» (удовлетворяя потребность тела с теми, кто не мог себя прокормить иначе, чем продаваясь). Брак 30—50-летнего мужчины с 16—20-летней девушкой вплоть до середины прошлого века казался нормальным.

Сейчас, получив возможность создавать семью на самой отрадной основе — на основе любви, о семье начинают думать, как только чувство приходит — уже в юности. И браки 20—23-летних девушек, 22—25-летних парней выглядят нормальными и желательными: к этому времени окончательно формируется организм, сознание, человек приступает или приближается к самостоятельной трудовой деятельности, что тоже для семьи немаловажно.

И хотя молодой семье чаще приходится преодолевать бытовые сложности — труднее материально, с жильем — преимущество ее в том, что в юности легче создаются отношения, основанные на единстве взглядов, вкусов, интересов. Если к тому же удается уберечь любовь, то в такой семье больше взаимоpастворенности, единства, меньше эгоизма, себялюбия, легче вырабатываются одни потребности, привычки, интересы, чем у людей, объединившихся в зрелости.

И что очень важно: своевременные браки избавляют от беспорядочности интимных отношений, дают возможность наладить важную сторону человеческого бытия. Ведь если мы заглушаем в себе природу, — она обрушивается на нас неврозами, если удовлетворяем ее запросы небрежно, — расплачиваемся за это приобретением привычек и взглядов, не лучшим образом влияющих на нашу жизнь.

Разве плохо погулять, приобрести опыт? Ведь известно: чем опытнее человек, тем легче ему устроить свою жизнь.

И да, и нет. Действительно, судьба не всегда распределяет свои дары по заслугам. И потому сидеть и ждать, что пошлет она тебе, — вариант, вероятно, не лучший. Но и опыт — вещь обоюдоострая. Не случайно в самом понятии «опытный молодой человек» звучит несколько сомнительный смысл. Хотя, что и говорить, такой парень, гордый своими победами, может ходить в кругу друзей «гоголем», задавать тон.

Да и бойкая, независимая, «опытная» девчонка, горделиво демонстрирующая свою опытность, вызывает у одних сочувствие, у других — осуждение, а у третьих и зависть: «парни вон роем вьются». Действительно, вьются. Не все, конечно, да ей хватает. Но приходит время, и они почему-то исчезают один за другим. И хорошо, если ей повезет: встретит сильного

и хорошего человека или у самой хватит сил изменить что-то в своей жизни. А ведь с годами это все труднее... (По данным американского исследователя Кинси, нарушают супружескую верность чаще те, кто вел свободный образ жизни до брака — и мужчины, и женщины. И что любопытно, 51 % разведенных мужчин в США указывает в качестве причины развода измену жены). Стоит это учесть, чтобы не повторять чужих ошибок, а то, как писал М. Туровский, «если повторять чужие ошибки, не останется времени на свои собственные».

А как часто обретенная практика или даже свобода поведения с Ним (Нею), будущим супругом, создает потом напряжение в семье, вызывая недоверие, ревность у мужа или жены.

Опыт, конечно, нужен. Но не всегда стоит обретать его, становясь главным героем событий. Многому учит литература, искусство (банальная истина, но из желания оригинальности не станешь же отрицать того, что истинно и верно).

«Ну, а если ты знаешь, что Он — не совсем то, что надо тебе; или Он не очень-то серьезно к тебе относится, но думаешь: а вдруг потом и этого не будет, так что пусть если не замужество, так хоть что-нибудь».

Если в юности соглашаться на что-нибудь, то не слишком отрадный багаж обретает память. К тому же окружающие чувствуют, как человек оценивает себя, и от этого в определенной степени тоже зависит характер отношения.

Иногда приходится сталкиваться с зародившимся на чужой почве и неорганичным для нашей среды мнением, что если парень или девушка до определенного возраста не знали близости, это в какой-то мере компрометирует их, говорит чуть ли не о несостоятельности, непривлекательности для других. А ведь это куда больше свидетельствует о чувстве собственного достоинства, требовательности к себе и другим, которые не допускают близости без любви и неразборчивости в общении.

А. Макаренко советовал: «Девушек нужно учить большому уважению к себе, к своей женской гордости. Девушку надо учить, чтобы она даже приятных ей молодых людей встречала с некоторым «перцем».

Девичья гордость, мужское достоинство — не пустые понятия. Раз сама природа наделила мужчин большей силой, значит выпало им гордое право и обязанность быть опорой и защитой. А другая половина, наделенная способностью нести в себе, дарить миру новую жизнь, должна ощущать постоянно заманчивую свою миссию, огромную ответственность не только за свою, но и за другую жизнь, право задавать тон в отношениях...

Материнство настолько почетно, что, приветствуя мать, мало кто рискнет сейчас корить ее за то, что она решила одна растить своего ребенка. Но когда зрелая самостоятельная женщина идет на это — ее приветствуют: мало ли по каким причинам не сложилась полная семья. И хорошо, что есть радость материнства, близкий родной человек и готовность му-

жественно (и женственно) нести все заботы по его воспитанию. Хотя это и нелегко. Беременность, роды, выхаживание малыша, его воспитание требуют немалого напряжения, выдержки, уверенности в себе. А потому помощь и поддержка — моральная, физическая, материальная — так необходимы.

Юной же матери, одной, без отца ребенка, справиться с этим куда труднее. Даже если ей и помогают близкие, обида, горечь остаются: редко когда молодая девушка сознательно ставит цель — родить и самостоятельно или с помощью родных воспитывать ребенка. Чаще такая ситуация — плод если не бездумности, то несбывшихся надежд. А это рождает неровное отношение и к ребенку. Виноваты оба: и женщина, и мужчина. И кого-то одного винить не приходится. Но если сама нарушаешь заветы, вправе ли от другого человека требовать их соблюдения? И ссылки на то, что «Он говорил», «Он обещал», звучат неубедительно: говорить Он мог вполне искренне. В тот миг ни о ком другом и ни о чем другом Он, очень может быть, и не думал. (Хотя это, конечно, никак не оправдывает его безответственности ни перед Ней, ни перед собой. Ведь если мы переступаем через чужую жизнь, оставляя позади себя горечь, обиды — это и для нас не проходит бесследно: все пережитое остается в человеке, делая его лучше или хуже. И поступки наши возвращаются к нам, если не сразу, то потом, радостью или болью.)

Теперь не проблема и отказаться, избавиться от него, уже готового появиться на свет. Но ведь не случайно, давая направление в больницу, врач вновь и вновь предупреждает об опасности, настойчиво советует учесть, что отказываясь от первого ребенка, женщина рискует нанести себе физическую травму, в результате которой навсегда может лишиться способности к материнству. Идти на такой риск ни при каких обстоятельствах не посоветуешь.

Конечно, в юности трудно управлять собою, приводить в гармонию чувства и разум. Но исследования и у нас в стране, и за рубежом показывают, что несдержанность молодых обычно вызвана любопытством, легкомыслием или недостатками воспитания, неподготовленностью ко взрослой жизни, когда не сформирована ответственность за чужую, за свою судьбу.

Известный гуманист врач и философ А. Швейцер призывает ходить по земле осторожно, чтобы не погубить по небрежности ничего живого — ни цветок, ни букашку. В еще большей степени это относится к общению с людьми: с самой юности надо приучаться к бережности в отношениях с другими, умению чувствовать их боль и радость и не причинять страданий там, где можно этого избежать, что, понятно, никак не исключает готовности к борьбе, которая неизбежна в жизни каждого.

И за любовь имеешь право бороться?

Чаще этот вопрос задают парни; девушки, если и «борются за любовь», то прав на это не спрашивают... «Бороться за любовь» — словосочетание несколько странное, не совсем понят-

нос. Бороться за право любить друг друга, быть вместе — это понятно; за счастье любимого человека — это прекрасно, если борешься с собою, с обстоятельствами, чтобы стать достойным в глазах любимого — куда уж лучше.

Борьба соперников, если она не переходит определенных границ, может доставить удовольствие.

Но бывает, что борются и с тем, из-за кого возникло соперничество, не считаясь с Ее (Его) чувствами, надеждами. И далеко не всегда причина настойчивости — любовь. Может быть и самолюбие, стремление к первенству. Пусть даже неосознанное. Существует мнение, что в натуре мужчины заложена потребность борьбы. Или уж во всяком случае — победы. Однако впечатление такое, что женщинам это свойственно не меньше. И может быть, тут и кроется одна из причин того, что, отвоевав в азарте борьбы трофей, готовы, если нельзя уж вернуть обратно, просто отказаться от него. И случается, терзают потом своего спутника только за то, что не любят. Пугающая перспектива.

Отвечая на вопрос, какой срок наиболее желателен со времени знакомства до свадьбы, сошлемся на польского ученого М. Плзака, который считает, что лучший срок — около года: молодые люди узнали друг друга, романтическая восторженность прошла, но новизна отношений еще не потеряна. Но при этом добавим, что рекомендация эта никак не носит обязательного характера.

Как уверяют сексологи разных стран, испытывая влечение, физически люди почти всегда могут приспособиться друг к другу так, чтобы интимные отношения приносили радость обоим. И то, что характеры у любящих разные, — это неизбежно, и не помеха счастью. Но сохранилось пока еще неразрешенное противоречие — разница в духовных потребностях. Не в образовании, не в культуре даже — и это восполнимо при желании. Но если один духовно богат, человеколюбив, деятелен, а другой — не только душевно глух, но и удовлетворен своей ограниченностью и не испытывает ни малейшей потребности меняться, то брак таких людей заранее обречен. И, находясь рядом, они в самом главном и объединяющем не обретут общности, останутся чужими.

«В худшем из всех неравенств, — писал А. Герцен, — в неравенстве развития одно спасение и есть: воспитание одного лица другим; но для этого надобно два редких дара: надобно, чтобы один умел воспитывать, а другой умел воспитываться, чтоб один вел, другой шел. Гораздо чаще неразвитая личность, сведенная на мелочь частной жизни, без других, захватывающих душу интересов, одолевает... Падает прежде всего натура развитая; ее эстетическое чувство глубоко оскорблено двойным строем, лучшие минуты, в которые все звонко и ярко, ей отравлены».

Это и сегодня приходится иметь в виду перед тем, как решиться на совместную жизнь.

Завершая свой разговор о любви молодых, обратим внимание еще на одну важную проблему — на «культуру проявления чувств», говоря словами В. И. Ленина.

За последние 10—15 лет форма проявления чувства существенно изменилась. Стала заметно свободнее, что отмечают обычно люди старшие (относясь, правда, к этому по-разному). И здесь сказывается определенное влияние НТР: в кино, телефильмах, непрерывной чередою мелькают хорошо отрепетированные, эффектно поставленные сцены любви, близости. Наглядевшись задолго до шестнадцати подобных зрелищ, многие оказываются способными сами имитировать «красивую любовь»: обниматься, целоваться, склонять голову, вздыхать на уровне мировых стандартов. А ведь на самом деле юное чувство стыдливо. Психологи уверяют, что оно сковывает двигательную активность, отсюда — неловкость движений, застенчивость в проявлении привязанности.

Ну, а что плохого в том, что двое целуются на улице?

Ничего плохого. Но ведь не обо всем следует оповещать на перекрестках.

В словаре Ожегова «интимный» определяется, как глубоко личный, сокровенный (свято хранимый), задушевный. Любовь, как мы видели, как раз и относится к таким задушевным, интимным чувствам. Потому-то и принято не выносить ее на всеобщее обозрение, не устраивать из своих эмоциональных порывов спектаклей для окружающих.

Человек — это тоже уже доказано психологами — неизбежно учитывает в своем поведении присутствие других людей. И либо действует, как актер, работающий на публику, либо — когда непосредственно, искренне отдается чувству — пренебрегает реакцией, мнением окружающих. Обратите внимание на первозданный смысл слова «застенчивый».

Мы не все выносим за стены домов, под фонарные столбы многолюдных улиц. Стыдливость не может отмереть, она органична и естественна для человека. Замечено, что это, неведомое среди зверей чувство, присуще только человеку как одно из проявлений культуры.

Культура поведения в данном случае определяется той золотой серединой, когда человек, будучи свободен в поведении, избегает ситуаций, которые могут поставить в неловкое положение его самого или близкого ему человека...

«Часто молодых девушек, — пишет польский журналист Ян Камычек, — всерьез занимает вопрос: «Что думает обо мне юноша, с которым я встречаюсь?» Такую информацию получить очень трудно. Прямой вопрос, как правило, не приводит к желаемому результату, а всякие приметы, даже самые верные, могут обмануть. Часто молодая особа принимает желаемое за действительное. А уж если что «не так» — наступает процесс полного разочарования. Позволю себе сказать следующее: лучше не обольщаться по поводу производимого вами впечатления. Отсутствие «позитивных» признаков особого внимания к на-

шей особе (лучше признаться себе в этом сразу) равноценно отсутствию чувства.

Девушке следует сделать лестные для себя выводы, если юноша, к которому она питает симпатию:

никогда не забывает договориться о следующей встрече;

не прощается первым...

По традиции ему положено вздыхать, но теперь вздыхают гораздо реже.

Признаки «позитивного» отношения девушки к юноше:

...каждый третий день «бывает от парикмахера»;

часто краснеет, легко обижается;

получив предложение погулять, не страшится плохой погоды, холода. (За идеальную достоверность приведенных выше примеров автор на себя ответственности не берет)».

Теперь о том, что «на поверхности» — о некоторых правилах этикета, которые относятся к данной теме:

> В любви, как, может быть, нигде, важна общая культура: умение общаться, быть доброжелательным, чутким, тактичным и внимательным.
>
> С первых шагов своей взрослой жизни (ведь юность — это начало ее, переход от детства к взрослости) ощущайте ответственность за судьбу того, с кем соприкасаетесь, за свою судьбу. Будьте предусмотрительны в словах и поступках. Требуйте от себя самообладания и деликатности по отношению к другим.
>
> Умейте ценить свои и чужие чувства, оберегать, эстетично проявлять их.
>
> Нет девушки, которую не растрогали бы поднесенные парнем цветы. Только не дарите больших букетов — они предназначаются для особо торжественных случаев; для будничного свидания уместнее маленький букет или даже один цветок.
>
> Девушка за все знаки внимания — подарил цветы, подал руку при выходе из транспорта, помог надеть пальто — не забывает поблагодарить (чтобы ему приятно было оставаться заботливым и впредь).
>
> Во время разговора не забывайте о собеседнике. Заметив, что тому скучно, перемените тему или дайте высказаться и ему.
>
> К своим увлечениям приобщать можно, но так, чтобы не получилось «демьяновой ухи». Легче всего говорить о просмотренном кинофильме, спектакле, прочитанной книге, прослушанной музыке, спортивном соревновании. Но не старайтесь и «задавить» своим интеллектом, знаниями.
>
> Испытывая влечение, Вы, естественно, протягиваете к любимой руки. Только не считайте, что мужественность проявляется в бесцеремонной напористости. Большинство девушек предпочитает решительность, сочетающуюся с нежностью.

Ободренные примером обаятельной Татьяны современные девушки не считают, что о чувствах первым обязательно должен говорить парень. Как выяснилось из опросов, многие парни разделяют это мнение. Но если учесть, что в первый раз говорить о своих чувствах не легко, хорошо, если Он соглашается с самого начала брать трудности на себя (хотя это уже та область отношений, где правила не диктуются).

Ваша любовь, как и Вы сами, неповторима; не копируйте чужих отношений, а черпайте в любви силы, чтобы стать лучше, красивее, добрее.

Будьте искренни и естественны. Избегайте крайностей в настроениях, проявлениях чувств. Не давайте повода для недоверия.

Прощайте мелкие обиды. Старайтесь понять другого, его характер, потребности, помогайте самосовершенствоваться, избавляться от недостатков.

Какие бы чувства ни обуревали Вас, не унижайте ни своего, ни чужого достоинства. Не демонстрируйте другим свои отношения. Не позволяйте, чтобы оскорбляли, плохо говорили о предмете вашей любви, даже когда он — источник ваших страданий.

Полюбив, не скрывайте от любимой (любимого) своих чувств. Но и будучи настойчивыми, избегайте навязчивости.

Если Вы не можете ответить на обращенное к Вам чувство, постарайтесь, чтобы Ваш отказ прозвучал в самой деликатной форме, чтобы через годы Вам обоим было отрадно вспоминать прошлое.

* * *

Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их.

В. И. Ленин

Человек не зверь и не ангел; он должен любить не животно и не платонически, а человечески.

В. Г. Белинский

В юности человека самое мимолетное чувство и все наслаждения любви должны быть эстетичны, чтоб не быть безнравственными.

В. Г. Белинский

Любовь часто ошибается, видя в любимом предмете то, чего нет... но иногда только любовь же и открывает в нем прекрасное или великое, которое недоступно наблюдению и уму.

В. Г. Белинский

Свойство любви именно в том, что она дает благо тому, кто ее испытывает.

Л. Н. Толстой

Когда любишь, то такое богатство открываешь в себе, столько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить.

А. П. Чехов

Любовь к женщине всегда плодотворна для мужчин, какова бы она ни была, даже если она дает только страдания, и в них всегда есть много ценного.

М. Горький

Берегите любовь, как драгоценную вещь. Один раз плохо обойдетесь с любовью, так и последующая будет у вас обязательно с изъяном.

К. Г. Паустовский

...мы признаем человеком только того, чья душа мечтает в любви настолько же о духовном наслаждении, как и о телесном удовольствии.

О. Бальзак

Понять жизнь и полюбить ее в другом существе — в этом задача человека и в этом его талант: и каждый может посвятить себя полностью только одному человеку.

А. Барбюс

...любовь... стоит ровно столько, сколько стоит человек, который ее испытывает. Все чисто у чистых людей. Все чисто у сильных и здоровых...

Р. Роллан

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Перед свадьбой. Вы влюблены, боитесь потерять свою радость, мечтаете прожить всю жизнь вместе, готовы к решительному шагу. Остановитесь, пожалуйста! Разрешите задать Вам вопрос. Знакомы ли ваши родители с Ним (Нею)? Это не только требование этикета.

Если отношения в семье сложились так, что друзья, подруги запросто заходят в дом, у родителей есть возможность приглядеться к тому, кто станет со временем членом их семьи.

Но если знакомство еще не состоялось, самое время осуществить его. Хорошо, если обстановка, в которой происходит первое общение, естественна и непринуждена. Когда родители живут недалеко, можно пойти вместе в кино, на выставку или на спектакль. Некоторые предпочитают привести избранника в дом, не привлекая к этому событию особого внимания.

Удобно приурочить первое приглашение к празднику — общему или семейному — когда семья устраивает праздничный обед или ужин: хлопоты вокруг стола создают естественную обстановку для общего разговора, общения. Во избежание неожиданностей в этом случае лучше предупредить и гостя, и хозяев о вашем желании познакомить их.

К такому визиту приглашенному имеет смысл подготовиться, посмотрев на себя со стороны глазами чужих, взрослых людей.

Наряд чист и отглажен. По возможности скромен: большинство родителей пугаются ультрамодной одежды. Не стоит удивлять их и прической, обилием косметики, чтобы не помешать увидеть то хорошее, что в Вас есть. Ведь, надо полагать, Вы не возражаете, что главное — это ваша суть, а не внешний вид. Вот и не заслоняйте себя, не мешайте разглядеть Вас тем, кто в этом заинтересован. Конечно, разумные люди смогут в конце концов разобраться, что к чему. Но стоит ли оттягивать этот момент?

Гостю (как парню, так и девушке) не мешает принести небольшой букет цветов для хозяйки: если случится так, что

вы породнитесь, пусть с первых шагов общение начинается с положительных эмоций.

Если с парнем желательно, то с девушкой обязательно встретиться вне дома, чтобы войти туда уже вдвоем. Удобнее открывать в таком случае дверь своим ключом, а не звонить, чтобы вам открыли — это даст возможность гостю привести себя в порядок, освоиться в новой обстановке перед встречей.

Парень помогает девушке снять пальто. Приведя в порядок костюм, прическу, проходят в комнату. Гостя пропускают вперед.

Чтобы сохранить приветливость без приторности, внимательность без навязчивости и свободу без развязности, рекомендуется не нарушать общепринятых правил поведения со старшими.

> Поздоровавшись первыми, не протягивайте руку, пока Вам ее не протянут старшие.
>
> Пригласивший называет гостя, потом родителей, после чего представляет сестер, братьев, если они присутствуют (если гость не надеется на свою память, целесообразно выучить их имена, отчества до встречи, чтобы не ошибаться).
>
> Гостю в ответ предписывается сказать в адрес родителей «очень приятно», или, если удастся, что-нибудь более оригинальное в этом роде. Братьям, сестрам достаточно кивнуть головой. Улыбнуться лучше каждому. Не бойтесь выглядеть растерянным. Согласитесь — это более оправданно в данной обстановке, чем угрюмый или настороженный взгляд исподлобья.
>
> Рукопожатие в этой ситуации не обязательно, но если кто-нибудь протянул Вам свою руку, не делайте вид, что не замечаете ее: протянутую руку в ответ не пожимают только недостойным людям, когда хотят публично выразить свое презрение.
>
> Постарайтесь, чтобы рукопожатие не было безжизненным, ибо человек вправе удивиться: неужто не хватает сил даже на приветствие. Но и усердствовать особо не следует: это не тот случай, когда нужно демонстрировать свою силу.
>
> Пригласивший и родители (какова бы ни была их реакция) держатся приветливо: раз уж гость в доме, хозяева не имеют права задеть его достоинства своей недоброжелательностью.
>
> Если Вы застенчивы, не забывайте:
>
> у Вас достаточно очевидных достоинств, раз Вы сумели понравиться человеку настолько, что он пригласил Вас к себе. Да вы и сами знаете, что хорошего в Вас немало. Вспомните, пожалуйста, что в Вас привлекательного, распрямитесь, улыбнитесь себе и своим новым знакомым. Забудьте о своих руках, волосах и т. д. Помните о себе главное — Вы славный, милый человек

и ваша застенчивость производит самое приятное впечатление.

Уверенным же в себе молодым людям следует не забывать, что правила вежливости предписывают: позы, манеры, жесты, речь, смех в присутствии взрослых, особенно малознакомых людей, к тому же предполагаемых родственников, должны быть более сдержанны, чем со сверстниками. Руки в карманах не держат, сидят собранно, не разваливаясь, хотя, конечно, и не на кончике стула. При этом не надо размахивать руками, болтать ногами, закидывать ногу за ногу.

Тему разговора предлагают обычно старшие. Во всяком случае не принято перебивать их, если не согласны с чем-либо, упрямо отстаивать свою точку зрения, переходя на резкий тон, выражая неуважительность к чужому мнению. Учтите, что молодежь нередко упрямо держится за убеждения, от которых с возрастом отказывается. Даже когда Вы абсолютно уверены в своей правоте, доказывайте ее, не задевая самолюбия старших. Ведь нервная система у них (особенно пожилых людей) слабее и, если ваш тон недоброжелателен или не сдержан, это вызывает раздражение, которое мешает уже спокойно воспринять доводы и вызывает желание сказать своему ребенку: «Кого это ты привел (или привела) в дом?» Не хмыкайте, не кривите губы, если что-то не по-вашему.

Если вместо обмена мнениями возникает разгоряченный спор, поторопитесь отложить, закончить его или перевести разговор в более спокойное русло. При этом никто не требует, чтобы Вы отказывались от собственного мнения. Достаточно сказать: «Возможно, я и ошибаюсь, но мне трудно согласиться с Вами» или «Извините меня, но мне трудно согласиться сейчас с Вами, у меня сложилось иное впечатление». И тогда можете быть уверены, что родитель захочет видеться с Вами, чтобы убедиться, что Вы стали его единомышленником.

Нужно быть готовым к тому, что родителей интересуют ваши планы на будущее; взгляды на смысл жизни вообще и свою в частности. Беспокойство за будущее дочери (сына) вполне естественно, и пугать родителей небрежностью ответов, беспечностью отношений едва ли следует, как не рекомендуется и преувеличивать свои возможности, чтобы не вызывать в будущем вполне справедливых упреков. Ведь это не друзья-приятели, которым под настроение иногда выдается фантастика за действительность, а люди, которые станут частью вашей жизни.

Всячески демонстрируя им (и сейчас, и потом) уважение, готовность к дружбе, желание установить мир, Вы обретаете надежных союзников.

И еще: даже обладая властью над избранником, не демонстрируйте ее безмерно. Это тревожит родителей, особенно родителей парня, которые справедливо не хотят, чтобы Он был «под чьим-либо башмаком». (Выражение связано со средневековым рыцарем Полонием, согласившемся принять участие в турнире, лишь когда требовавшая этого молодая жена запустила в него башмак, который он и прикрепил к доспехам.)

Если у Вас складывается впечатление, что хозяева относятся к Вам недоброжелательно, не настраивайтесь воинственно. Может быть, Вы и не ошиблись. Но ответной враждебностью только усугубите дело. К тому же, Вы ведь можете и ошибиться в своем восприятии — просто в этом доме непривычный для Вас тон. (Это знакомство может многое раскрыть Вам в избраннике, истоках его характера, убеждений, взглядов.)

Если хозяева накрывают на стол, то и парню не стоит сидеть «как девица на выданье». Включайтесь в общие хлопоты, как это принято между близкими людьми. Хотя, конечно, не рекомендуется браться за непривычную работу. И лучше честно сказать, например, что Вы не рискуете управляться с чашками, чем перебить их с непривычки.

Но если случится с Вами какой-нибудь конфуз — разбили, опрокинули, разлили что-либо — не впадайте в панику. Куда лучше обернуть происшедшее в шутку: «Теперь мне придется прийти к Вам еще раз, чтобы принести чашку и доказать свою хозяйственность, купив не менее красивую» (обещанное не забудьте исполнить) или «Разрешите уж мне продемонстрировать, как я (например) умею мыть посуду. Может быть, этим исправлю впечатление, вызванное моей неловкостью». Не хотите этих слов — правильно, придумайте свои. Но только не замыкайтесь в себе с мыслью, что теперь все кончено: аналогичное с каждым случалось, а если нет, то может случиться.

Даже при избытке вежливости не теряйте чувства меры в вопросах выпивки: совсем не обязательно, чтобы проверяли Вас «на прочность». Но если Вы не умеете проявлять воздержанность, то это серьезный повод для беспокойства за вашу будущую семейную жизнь.

После окончания застолья гость предлагает свою помощь, и, если от нее не отказываются, убирает вместе с хозяевами со стола, моет посуду. Это относится как к девушкам, так и к парням: понятие хозяйственности включает в себя, в первую очередь, способность к самообслуживанию.

Очень важно почувствовать, когда пора уходить. Обычно после чая, уборки посуды начинают собираться. Если Вас настойчиво не оставляют, не задерживайтесь.

Лучше уйти чуть раньше, чем дождаться, пока хозяева будут изнемогать, ожидая, когда же Вы сообразите удалиться.

Прощаясь, не забудьте поблагодарить за гостеприимство.

Хозяева, если гость им понравился, приглашают его приходить к ним. Но и в том случае, когда симпатий не возникло, старшие не имеют права травмировать молодого человека, девушку небрежностью или холодностью своего отношения.

Если гостем была девушка, парень выходит проводить ее домой или к транспорту. Когда испытание выдерживает парень, приятнее, если девушка выйдет хоть ненадолго погулять с ним, чтобы он ощутил ее участие.

Все негативные соображения родители высказывают сыну (дочери), когда они остаются наедине.

Далеко не часто удается угодить родителям. Одним трудно осознать, что их сын или дочь уже не ребенок, и кто-то становится для него не менее нужен, чем родители. К тому же избранник (или избранница) так редко совпадает с образом, который рисовался в родительском воображении. Да и при встрече наибольшее впечатление могли произвести наименее важные свойства молодого человека и не проявиться основное. Бывает, от неловкости выделывают такое, что в обычных обстоятельствах и в голову не пришло бы. В общем, родители могут и ошибиться. Но не высказать своего впечатления сыну (дочери) они не могут. И прислушаться к их мнению имеет смысл. Даже если оно и неприятно: у родителей больший жизненный опыт, их видение чаще более трезво, чем у влюбленного, да и знают они свое дитя как никто другой.

Поступать ли соответственно их желанию или вопреки воле родителей — решать молодым людям.

В этот ответственный жизненный момент многое зависит от отношений, которые уже сложились между родителями и взрослыми детьми, от взаимного доверия, уважения, понимания.

Каковы бы ни были внутрисемейные разговоры, до принятия окончательного решения родителям едва ли целесообразно выяснять отношения с избранником: ведь если Вас не слушается собственный ребенок, едва ли послушается чужой. А если и послушается, то собственный едва ли простит такую бесцеремонность и нежелание воспринимать его самостоятельность. Бунт в таких случаях принимает нередко характер затяжной, тяжелой болезни.

Если переубедить сына или дочь не удается, раздраженные родители порой демонстрируют неприязнь перед избранником с такой несокрушимостью, что тот воспринимает их не иначе, как своих врагов. На этой основе в будущем трудно сложиться нормальным отношениям. А ведь бывает, что родители и ошибаются, что их сын или дочь довольны жизнью в своей новой семье. И это, наверное, самое главное.

Но будем надеяться, что у Вас до таких разногласий не доходит.

Тогда самое время сказать о своих чувствах избраннику. (Точнее, избраннице.)

Наиболее застенчивые могут попробовать начать разговор со своих планов на будущее, дав и Ей возможность проявить свои намерения. Если чувствуете, что человек стал Вам дорог, преодолевайте скованность, чтобы не расстаться, как Сергей Иванович Кознышев с Варей в «Анне Карениной». К сожалению, нередко люди теряют друг друга только из-за того, что держатся чуть-чуть не так, говорят, не учитывая реакции другого. Чуткость не надо путать с лицемерием. Один прямодушен — и это прекрасно, другой привлекает своим лукавством. Каждый неповторим — и не надо притворяться, вводить в заблуждение — это рано или поздно приведет к разочарованию. Оставаясь собою, мы сохраняем надежду обрести именно свою половину, для которой привлекательны как раз своими качествами. Но и в этом случае приходится учитывать психологию, восприятие другого.

Як Камычек (не без юмора) советует: «Несколько уроков сердечной тактики для девушки:

не говори своему избраннику, что без него скучаешь. Особа, которая скучает, мало интересна;

не повторяй без конца: «Ты уже меня не любишь» — в этом можно убедить;

не делай упреков «слезным» тоном, не стремись показать, что из-за него ты несчастна. Мученица непривлекательна, а напоминание юноше о его провинностях пугает...

не считай любимого собственностью, оставь убеждения, что твое чувство его обязывает, не используй своей любви в качестве оружия и не воюй им... не будь слишком подозрительной — это отталкивает и надоедает...

А теперь уроки тактики для мужчин и юношей:

девушкам в представителях противоположного пола импонирует душевная зрелость, серьезные планы на будущее, чувство ответственности, в подобных качествах мужчин они видят опору;

познакомившись с девушкой, никогда не допытывайся: встречается ли она в настоящее время еще с кем-нибудь... пока между вами не обсуждались общие планы на будущее, девушка имеет право пококетничать...

не критикуй свою подругу слишком часто. А вот комплименты обязательны...»

Когда-то предложение делал род роду — брак был событием скорее общественным, чем личным. Потом — родители жениха родителям невесты, давая за нее выкуп. У австралийских аборигенов невесту для жениха выбирают либо старики, либо все женатые мужчины. Со временем все заботы стали брать на себя свахи: говорили с родителями невесты, жениха, договаривались о взаимных встречах.

Мы перешли на самообслуживание: сами выбираем, сами говорим о своих чувствах (правда, организацию свадьбы и дальнейшей жизни нередко оставляем родителям). Для многих сделать предложение очень трудно.

В юмористическом рассказе «Френология» Я. Гашек пишет: «Я собрался просить руки барышни Юлии Меховой... Готовясь к знаменательному событию, я надел черный фрак, вычистил ботинки, повязал белый галстук и положил в карман книжечку «О приличном поведении в обществе» да блокнот с различными заметками, которые непосредственно касались цели сегодняшнего визита...

В моих заметках было пятьдесят восемь различных вариантов, как должен порядочный человек просить руки своей возлюбленной».

Чтобы не брать с собой книжечки «О приличном поведении в обществе», можете запомнить следующие положения этикета:

От Него требуется быть торжественным, с цветами, которые подносятся будущей теще (букет обычно небольшой — основные расходы у Вас впереди).

Эта встреча нужна не столько для того, чтобы сообщить родителям волнующую весть (как правило, они уже догадываются или знают о ней), сколько для того, чтобы решить целый ряд практических вопросов о предстоящей свадьбе, будущей жизни молодых, встрече с Его родителями.

Даже когда они живут далеко, необходимо поставить их в известность заранее. Родители «видели» Вашу свадьбу задолго до того, как Вы задумались о ней, и нельзя обижать их невниманием. Сын или дочь пишут в письме как можно подробнее о дальнейших планах, об избраннике, чтобы родители убедились: это не только любимый, но и хорошо знакомый человек.

Если возможности позволяют, родители приезжают заранее, чтобы принять участие в предстоящих хлопотах. Когда такой возможности нет, пишут письмо, к свадьбе посылают поздравительную телеграмму, подарки.

Предсвадебный период полон хлопот, порой значительных материальных расходов. Не всегда обе стороны в состоянии внести одинаковый материальный и физический вклад в подготовку свадьбы, устройство молодых. Но только полное отсутствие культуры позволяет кичиться своими возможностями, укорять словом или тоном, взглядом сторону, которая вносит меньший вклад.

Если есть возможность, родители помогают детям в начале их самостоятельной жизни. Но обязывать к этому нельзя. И надеяться только на родителей едва ли нравственно. Как абсолютно безнравственно заводить разговор о приданом — комплекте вещей, которые ожидаются от невесты или жениха.

Безусловно, легче начинать совместную жизнь, когда есть необходимая материальная основа. За нее нужно быть благодарным родителям. Но так же безусловно, что ничего хорошего из совместной жизни не получится, если жених, невеста или их родители могут быть в претензии из-за отсутствия ожидаемых денег, вещей, которые помогают наладить совместную жизнь, но сами по себе не дают счастья. И с отдельной квартирой, высокой зарплатой, машиной и другими атрибутами материального благополучия расходятся так же, как и без них: любовь не приходит потому, что есть достаток в доме. Достаток постепенно приходит почти ко всем, кто к этому стремится, чего нельзя сказать о любви. Потому-то ее и оберегают, когда она пришла.

Когда-то купцы, привыкшие все вымерять и взвешивать, достоинство свое утверждали тем, что платили больше. Купеческие нравы так давно ушли в прошлое, что торгашеское отношение к приданому в наши дни, естественно, вызывает презрение и неприязнь. Эти купечески-байские пережитки непростительны в наши дни, потому что каждому гарантировано право на труд, выбор профессии, учебу. И потому лучшим «приданым» являются трудолюбие, хороший характер и добрые отношения мужа и жены. А без этого никакими материальными благами семьи не создать. На крайний случай — законное сожительство двоих. Обо всем этом особенно важно помнить родителям, поскольку они более молодых обычно озабочены практической стороной жизни новой семьи.

К первой встрече родители — хозяева — чаще всего готовят скромный праздничный стол: общий обед или чай. Гости приносят хозяйке цветы. Самое главное, чего должны достичь во имя счастья своих детей старшие — это, если не дружеских, то дипломатических отношений. Когда решение молодыми принято окончательно и родители при всем желании не могут предотвратить свадьбы, культурные люди и в этой трудной ситуации находят силы сдержаться, потому что нельзя омрачать молодым праздник, оставлять в памяти тяжелые воспоминания.

Если им и суждено будет впоследствии расстаться, непростительно, если это произойдет по злой воле кого-либо из родителей. Чем упрямее ведет себя мать (отцы чаще спокойнее в этой ситуации), тем дольше ее неприязнь к «победителю», тем труднее быть справедливой, видеть достоинства, легче находить недостатки. Потом, когда появятся внуки, бабушке уже не хочется, чтобы они остались без отца, но взлелеянная ею неприязнь может сработать, способствуя разрушению семьи. Даже когда мы не отдаем себе в этом отчета, мнение родителей редко когда полностью безразлично нам. Это обязывает родителей к деликатности. А молодых к благоразумию: обретя суженого, не надо победоносно поглядывать на его близких.

Познакомившись с теми, кто подал заявления и не явился после этого на регистрацию в загс, исследователь Н. Соловьев

сообщает: 30 % родителей невесты и 32 % родителей жениха не одобряли их выбора и соответственно 20 и 23 % — были безразличны. Надо полагать, это сыграло определенную роль в том, что свадьба не состоялась. Родителей можно понять: Вы обрели, что хотели, а они боятся потерять то, что дорого им. Успокойте их. При всем самолюбии и независимости молодые призваны в первую очередь демонстрировать своим видом и поступками «иду к Вам», а не «иду на Вы», чтобы у родителей появилось ощущение счастливого приобретения новой дочери или сына, а не обидной потери собственного.

Да и родителям имеет смысл постараться стать другом нового члена семьи, хотя бы во имя интересов своего сына (дочери): в нужный момент дружеский совет будет воспринят лучше, чем наказ или упрек. И новой, и прежней семье союз необходим. Создают его еще с преддверия свадьбы — иначе преодолеть потом возникшее недоверие не всегда удается. От благоразумия, доброжелательности, культуры и старших, и младших во многом зависит, станет ли молодая семья дружной, спаянной, не потеряет ли привязанности к родителям. Вот и завоевывайте друг друга, пока не поздно, спешите наладить отношения еще в период сватовства (от слова «свой»: он сватается, становится своим человеком), обручения, когда поданы заявления в загс.

Время от обручения до свадьбы полно всяческих забот. Но дается оно не только для подготовки к празднику, а как минута перед дальней дорогой, когда все молча присаживаются подумать о прошедшем, заглянуть в будущее. Вот и молодых обязывают еще раз серьезно подумать о своей совместной жизни, о совместимости.

Совпадают ли у Вас отношения к семье, своим обязанностям мужа, жены? Сможете ли Вы всю жизнь быть вместе, взять на себя ответственность за другого, заботу о нем, будет ли у каждого возможность удовлетворить притязания избранника?

Не мешает выяснить заранее: как представляет будущий спутник совместную жизнь, любит ли детей, умеет ли дружить, быть внимательным к родителям (это подскажет, как будет относиться и к Вам, и к детям), как собирается вести хозяйство, чем любит заниматься в свободное время, на что хочет тратить деньги, как относится к вещам? Другими словами, постарайтесь оценить характер, работоспособность, темперамент, взгляды, привычки, потребности, установки. Представьте, что может измениться, а что останется как основа личности. Поскольку 50 % браков распадаются из-за алкоголизма, целесообразно уже до брака знать об отношении к спиртному. Не мешает учесть и замечания ученых, констатирующих, что трудно живется с очень ленивыми (что очевидно и не ученым), болезненно ревнивыми, невоздержанными в проявлении неудовольствия (плохо воспитанными, говорят еще, истеричными).

С родителями или без них обсуждают, где и на что собираются жить, каковы планы на ближайшие годы.

Во многих странах молодые должны доказать свою зрелость, готовность к самостоятельной, совместной жизни. У индейцев американских прерий жених садился с дарами у дверей дома невесты и демонстрировал выдержку и терпение. В течение нескольких суток его осыпали поручениями, поносся при этом, как можно сильнее. Вероятно, такое испытание гарантировало, что он сможет выдержать любую нервозность супруги.

На Самоа Он в полном боевом облачении исполнял боевой танец — демонстрировал «профессиональную подготовку», после чего знакомил со своим красноречием — пылко убеждая Ее в своей любви.

На острове Ява, например, для получения разрешения на регистрацию в доказательство своего трудолюбия жених и невеста должны представить 50 убитых крыс (таким образом было уничтожено более 2 миллионов крыс, от которых не было отбоя).

У нас пока не существует общественных поручений (неплохо, например, было бы молодым поработать на строительстве дома, где им выделили бы комнату в общежитии для семейных или на льготных условиях предоставили бы кооперативную квартиру). Но пока этого нет, надо хотя бы самому себе устроить устный экзамен: есть ли готовность отказаться от ряда своих привычек? Не надоест ли разъяснять себе поступки, мысли и чувства другого, чтобы научиться действовать согласованно? Умеете ли вы считаться с чужим мнением или для Вас существует только Ваше? Почти невозможно за этот короткий срок обрести навыки самообслуживания, если их не было до сих пор, но есть ли хоть понимание, что теперь без этого не обойтись? Семья — это помимо любви и совместимости характеров еще и единство целей, а также постоянный быт, хозяйственные заботы, что потребует эмоционального, психологического, физического напряжения. В браке, по словам польского ученого М. Излака, «как и в любом деле, можно получить столько радостей, сколько усилий будет в него вложено».

Скучно, когда молодежь расчетлива, но и беспечность — слабый фундамент для семьи. Исследования в разных странах показывают: браки, заключенные в результате страстной любви, когда все практические вопросы кажутся нелепыми, оказываются наименее крепкими. Специалисты объясняют: страстная любовь неизбежно теряет со временем свою остроту и тогда кажется, что совместная жизнь без этого чувства немыслима и как раз именно практическая сторона совместной жизни пугает настолько, что развод представляется единственным избавлением от всех проблем. Завышенные ожидания трудно удовлетворяются. Значительно прочнее семья, основанная не только на чувстве, но и на понимании тех проблем, с которыми сталкиваются в семейной жизни.

Есть еще одна грань семейной жизни, которая требует внимания еще до свадьбы: это подготовленность, определенный уровень знаний о гигиене, психологии и эстетике интимных

отношений. Если этих знаний недостаточно, самое время обратиться к соответствующей литературе (которая не всегда имеется в библиотеках, но обязательна в Домах санитарного просвещения. На крайний случай ее можно заказывать в любой библиотеке по межбиблиотечному абонементу). Лекции на данную тему все чаще читаются в лекториях при Домах бракосочетания, загсах, Службах семьи, консультациях по вопросам брака и семьи.

Сейчас уже всем понятно: неграмотность в этой области может нанести непоправимый вред семье, нередко приводя ее к распаду. Бережность и чуткость мужчины, деликатность женщины, нежность обоих, умноженные на знания физиологии и психологии друг друга, сделают общение раскрепощенным и отрадным для обоих, а брак — более крепким и счастливым.

В основе семьи, каковы бы ни были супруги, их индивидуальность, их любовь, обязательно лежит ответственность друг за друга. Многое изменится на протяжении жизни (и любовь в том числе), будут праздники, будни и — неизбежные в каждой семье — свои драмы. Именно ответственность за другого помогает преодолевать все рифы брака, иначе всегда найдутся соблазны, поводы, причины уйти, искать лучшего. Так что обдумайте все еще раз. Наедине. Вдвоем. Когда появится третий, это будет труднее.

По данным исследователей, в нашей стране на регистрацию после подачи заявления не является от 10 до 20 %. Вероятно, это лучше, чем разводы. Обратите только внимание на немаловажную деталь: из непришедших регистрироваться 33 % были знакомы до 3 месяцев, 45 % — до полугода. Это, конечно, малый срок, чтобы узнать друг друга, и время от обручения до регистрации оказалось не лишним. Куда лучше не идти в загс второй раз — расписываться, чем тут же приходить в третий — разводиться.

Одно время среди женщин бытовало убеждение: престижнее быть «разведенной», чем совсем незамужней. Но требовательность растет и все очевиднее становится: если девушка не соглашается на что попало, это куда лучше характеризует ее, чем если она готова «сходить замуж» для того, чтобы иметь отметку в паспорте, а не для того, чтобы со всей ответственностью строить семью.

По данным различных специалистов социалистических стран, первое место среди причин, способствующих созданию семьи, опрошенные назвали любовь (у нас 85—90 %). Второе место (по данным польских исследователей) — боязнь одиночества. Экономические же причины называются все реже. Как полагают польские ученые, даже меньше, чем это соответствует действительности, что тоже показательно: и соглашаясь на такой брак, люди понимают его аморальность.

Зарождение семьи. Свадьба! Вслушайтесь в это слово. Какое оно бодрое! Начинается стремительно, раскатисто и завершается мягко, но внушительно: свадь-ба!

Событие радостное, значительное. Не случайно во все времена у всех народов отмечали свадьбу празднично, чтобы осталась в памяти на всю жизнь.

Испытывая потребность в положительных эмоциях, люди оформляли свадьбу эстетически. Цветы, нарядное убранство, особые костюмы, музыка, песни и танцы — без них немыслима ни одна свадьба.

Французские этнографы Теодор и Брижит Картье, решив соединить приятное с полезным, вступили в брак во Франции, после чего поехали по свету. Отмечая свою свадьбу вновь и вновь, они познакомились с обрядами и описали, как в разных странах переходят рубеж новой жизни.

В Чехословакии жениху необходимо на руках перенести невесту через препятствие (надо полагать, этим Он выражал готовность действовать так и впредь, если не в прямом, так в переносном смысле).

В Индии восседающий на слоне жених, еще не видя невесты, двигался на сладостный аромат, который источало ее покрытое специальными маслами тело (да останется Она на всю жизнь притягательной для Него!)

В Афганистане молодые знали, что первые 8 дней с ними в юрте будет жить и свекровь, чтобы помочь снохе, которую она ласково привела сюда, справиться с хозяйственными делами.

На острове Бали, где привычно пользуются телевизорами, холодильниками, машинами, невесту принято похищать, как это делали отцы и деды. После чего, вернувшись с повинной, молодые отправляются в храм, где им в течение нескольких дней почти до половины спиливают зубы. Считается, что выдержав эту мучительную процедуру, они мужественно преодолеют все, что может помешать семейной жизни: эгоизм, зависть, ревность и т. д.

В Македонии от невесты требуется всесторонняя подготовка — эстетическая, физическая, хозяйственная. Она должна самолично сшить и вышить свадебный наряд, выучить наизусть сценарий четырехдневной свадьбы и научиться так держаться на лошади, чтобы, перескочив на ней через плетень у дома жениха, соскочить на землю, не касаясь ни узды, ни стремени. Полагают, что лишь такая жена сможет должным образом управлять домом и супругом, без уздечки подчиняя его своим желаниям.

В Японии подготовка к свадьбе начинается за несколько лет до нее. Тяжким порой трудом невеста копит деньги (их нужно будет до 50 тыс. иен) на специальный, только на свадьбу надеваемый парик, кимоно, зонтик, расшитый серебряными журавлями, и обязательное свадебное путешествие, без которого немыслима ни одна японская свадьба. В зависимости от средств оно будет более или менее долгим. Получив специальные книжечки, в которых расписано где, когда и какие их ожидают места в вагоне, номера в гостинице, столики в ресторане, экскур-

соводы в музеях, фотографы у памятников, молодожены отправляются в путешествие сразу же после храма (куда Она первой заходит, но выходит вслед за Ним, отдавая Ему право первенства!) С новых впечатлений, наслаждения красотой, переживаемых вдвоем, возможности побыть одним, не думая о будничных бытовых заботах, и начинается семейная жизнь.

В обрядах, ритуалах разных стран прослеживаются одинаковые мотивы: Он, сильный, стремится к Ней, прекрасной, и оба они настраиваются на то, что совместная жизнь — это радость, добытая трудом. И найденную свою половину каждый из них получает вместе с обязанностями заботиться о ней. Окружающие же по мере сил и возможностей помогают молодым наладить совместную жизнь.

У многих народов существовало поверье: чем пышнее свадьба, тем счастливее сложится жизнь. Увы, опыт опровергал эти надежды. Многим звучавшее на свадьбе слово «горько» в прямом своем смысле сопутствовало всю жизнь. Бывало и наоборот: неприметная свадьба становилась началом прекрасной совместной жизни.

Без подвенечного платья и фаты, без обручальных колец и свадебного застолья начали свою совместную жизнь Мария и Пьер Кюри. И свадебное путешествие было необычным: за неимением денег они совершили его на велосипедах (приобретенных, кстати, на деньги, присланные к свадьбе кем-то из родственников). Это не помешало молодоженам исключительно счастливо (хотя и трудно) прожить совместную жизнь...

На Руси свадебные обычаи существовали с незапамятных времен. Летописи повествуют:

«...брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — кто что даст...»

Постепенно в России складывались, как в большинстве европейских стран, два типа свадеб: одна рассчитанная на узкий круг близких людей, и вторая — широкая, «на всю деревню» — со своими традициями и обрядами, со своими игровыми элементами (не случайно говорят: «играли свадьбу на деревне»).

В ней участвовали почти все жители, все знакомы, многие в родстве. И беду превозмогали миром, и дом молодым нередко возводили сообща, и свадьбу организовать помогали.

Справляли ее обычно осенью, после уборки урожая, когда основные заботы схлынут, да закрома наполнятся:

> Поспела свадьба новая
> Под новый урожай.
> Поспела свадьба новая
> Под пироги подовые,
> Под свежую баранину,
> Под пиво на меду,
> Под золотую раннюю
> Антоновку в саду.
>
> *А. Твардовский*

Свадьба проходила как хорошо знакомый всем спектакль со своими ритуалами, традиционными действиями, костюмами, текстами. Игралась не только как «вяселле», но и как драма расставания с невестой, которую забирают в неведомую семью, в труды тяжкие.

Красивее всех убрана невеста. Торжествен и наряден жених. Они составляли малоподвижный и малоговорящий солирующий центр, вокруг которого разворачивалось представление, набирая темп и веселье. В деревенской свадьбе столы накрывали на всех желающих. Молодых величали, одаривали подарками. Те, чинно кланяясь (этикет предписывал им держаться сдержанно), благодарили, подносили в ответ стопку водки.

Молодежь участвовала в свадебных играх, помня о приметах: девушка, которую невеста с завязанными глазами поймает, раньше всех выйдет замуж; кому достанется монетка из пирога,— счастлив будет и т. д.

Традиции деревенской свадьбы постепенно частично переносятся в город.

В романе «Дело Артамоновых» М. Горький показал, как новый дух конкуренции обезображивает даже этот праздник.

Мещанскую свадьбу сатирически нарисовал А. Чехов. Тоже спектакль, но уродливый, пошлый, где люди не умеют быть искренними, естественными, радостными, где основным мерилом счастья считаются деньги, вещи, которые тут же на свадьбе демонстрируются, оцениваются...

Помимо шумной, многолюдной деревенской свадьбы традиционными были и свадьбы без застолья. После торжественной церемонии бракосочетания, на которой присутствовали немногочисленные близкие, молодые сразу же отправлялись в свадебное путешествие. Естественно, такие свадьбы были привилегией избранных.

Вскоре после революции, когда молодые приобрели возможность создавать семью без принуждения, по собственному выбору, грустные песни на свадьбе теряют свою актуальность, а жених и невеста становятся более активными участниками праздника. Им и умом, и мастерством блеснуть надо, и домовитость, хозяйственность продемонстрировать, и на шутку ответить шуткой, и проплыть в танце по кругу — словом, показать, на что способны. Такая свадьба звонко и красочно описана А. Твардовским в «Стране Муравии»:

Гармонь, гармонь, бубенчики.
—Тпру, кони! Стой-постой!.. —
Идет жених застенчивый
Через девичий строй:
«Эх, Настя, нас обидела,
Кого взяла — не видела!
Общипанного, малого,
Кривого, кучепалого.
А что тебя заставило
Выйти замуж за старого,
За старого, отсталого.

Худого, полинялого?..
Гармонист ударил вдруг...
— Дайте круг!
— Шире круг!
Шире!
Шире!
Шире!
Шире!
Эх, дай на свободе
Разойтись сгоряча!..
Гармонист гармонь разводит
От плеча и до плеча!

Такие свадьбы, где каждый знал свою роль, исполнял ее самозабвенно и радостно, оставались в памяти надолго, скрашивая будни, давая силы пережить невзгоды.

О современных свадебных традициях не всегда можно сказать, что они обрели уже сложившуюся эстетическую форму. Точнее: свадебный обряд находится в становлении.

Церемония бракосочетания происходит в торжественной обстановке. Во второй части обряда — семейном свадебном праздновании — что-то взято от свадеб прошлого, что-то привнесено сегодняшним днем. Одни традиции возрождаются, от других избавляются.

Например, свадебные путешествия получают все большее распространение. Особенно среди туристов, альпинистов — людей, любящих путешествия и неприхотливых (поскольку свадебных бюро пока еще не существует и некому заботиться о кровле и пропитании). Приурочив свадьбу к праздничным дням, началу каникул или отпусков, молодые люди после церемонии бракосочетания и более или менее многолюдного праздничного застолья вскидывают рюкзаки на плечи и отправляются куда-нибудь на Эльбрус, Памир или на Кольский.

И хотя по неписанным туристским законам Амур в походы не берется, для молодоженов группа делает исключение.

Так в одной связке, подстраховывая и поддерживая друг друга, преодолевая сто тысяч всяких трудностей, нелепых накладок и неудач, счастливые, вдохновенные, достигнув сияющих вершин, они начинают совместную жизнь.

Но это единицы. Большинство же начинают совместный путь на обычной земле.

> По сложившейся традиции жених с невестой заранее обходят приглашаемых, сообщают о предстоящем торжестве, оставляют вложенный в незапечатанный конверт пригласительный билет или открытку, в которых после обращения «Уважаемый такой-то» пишется имя, отчество, фамилия вступающих в брак, адрес, время, на которое приглашаются гости.
>
> Заранее отправляются приглашения и тем, кто живет в другом городе, деревне, чтобы они, как и все остальные гости, успели вовремя предупредить, смогут ли присутствовать на свадьбе.

В назначенный срок на украшенной лентами, цветами машине «свита» жениха приезжает за невестой. «Сваты», перевязанные лентами или рушниками, стучат, просят выдать им невесту. Ее подруги не соглашаются, ожидая «выкупа». Сват обещает, если те пропоют девичью свадебную песню (сейчас их тексты стали появляться в специальных сборниках, посвященных праздникам и обрядам). Одарив подруг цветами, конфетами, жених «получает» невесту, которой подносит свадебный букет. Жених и невеста вместе со свидетелями — самыми близкими подругой и другом — садятся в первую машину: сзади — невеста, жених и ее подруга. Впереди — рядом с шофером — друг. Выходит из машины первым он, открывает дверцу, подает руку подруге, после чего выходит жених и подает руку невесте (если на улице холодно, на свадебный наряд накидывают пальто: посиневшая невеста вызывает не радость, а тревогу. Да и Ему простуда совершенно ни к чему в эти, как и последующие, впрочем, дни).

В автобусе или машинах вслед за ними едут родные, сваты, друзья.

Иногда родители остаются дома, где ждут возвращения молодых. Едва ли это хорошо по отношению к родителям. Сотрудники загса свидетельствуют: редко какая пара безучастна к происходящему. И даже регистрируя тысячный брак, откликаешься на волнение молодых, общее приподнятое состояние (психологи говорят о «заразительности» коллективных чувств). Почему же родители не должны быть рядом в такой исключительный жизненный момент, который они представляли себе, может быть, не раз. Это несправедливо. Пусть запечатлится в памяти у всех — и молодых, и родителей (даже тех, кто сопротивлялся этому браку) первый, красивый и радостный шаг молодой семьи. А подготовка к застолью, требующая больших хлопот, значительно облегчается, когда в ней участвуют родственники, друзья.

Ритуал торжественной церемонии бракосочетания одинаков и в городах, и на селе: нарядно убранный зал, классическая музыка, торжественная речь работника Дворца бракосочетания или загса, росписи молодых, обмен кольцами, поздравления (свадебные кольца пришли к нам со времен Древнего Рима, от обычая «приковывать» невесту в знак обручения к будущему мужу. Со временем вместо железного кольца, принятого в Риме, стали носить кольца из более дорогих металлов, и не только она, а оба. Декабристки демонстративно носили железные кольца, сделанные из оков их мужей).

После регистрации по сложившейся уже традиции свадебный кортеж направляется к Вечному огню, памятникам Славы — возложить цветы. Во многих городах, селах молодые садят саженцы в «аллее молодоженов».

Потом фотографии на память у местных достопримечательностей и уголков, с которыми связаны «досемейные»

памятные события: здесь познакомились, тут любили гулять, а вот там...

Родители приезжают домой чуть раньше и встречают молодых хлебом-солью. Когда-то делала это свекровь, в чей дом переходила жить невестка. Сейчас, если свадьба отмечается дома, то встречает молодых мать — хозяйка дома, если есть бабушка, то она. В заказанном для торжества помещении по традиции хлеб-соль подносит бабушка или мать жениха. Когда ее нет, то бабушка невесты. Если и ее нет, мать невесты или кто-нибудь из старших женщин.

Прибывающие гости поздравляют молодых, дарят им цветы и подарки. «Сваты» или кто-либо другой из гостей, знакомый с большинством присутствующих, знакомит их между собой. Время, пока собираются гости, заполняется музыкой, танцами.

К назначенному часу, когда гости собрались, «сваты» приглашают всех к столу. Молодые садятся во главу стола, рядом дружки, бабушки, дедушки, родители (возле «нового ребенка»). Гостей рассаживают так, чтобы рассыпать привычные группы: вперемежку Ее и Его знакомые, сослуживцы, родные, заранее продумав, кому с кем будет интереснее. Поначалу сваты могут даже «вызывать» гостей (предоставив им право после перерыва пересесть, если захочется). Иногда — если гостей много — у приборов ставят карточки с фамилией, именем, отчеством гостей.

За праздничным столом избирается тамада и его помощник (обычно мужчина и женщина). Ими могут быть «сваты» или другие гости (тамада — персонаж грузинского застолья, которое по всей стране пользуется большой популярностью, поскольку на нем немного пьют, но дружно поют и говорят красивые речи).

Первые тосты произносят бабушки, дедушки, родители жениха и невесты (вначале тот, кто в гостях), потом свидетели молодых, родственники и друзья — все желающие. В это время дарятся символические подарки, сопровождающиеся шутками-прибаутками (например, альбом, в который гости в течение вечера записывают пожелания молодым, или тетрадь, где они делятся любимыми кулинарными рецептами и т. д.). Во всем этом обычно совсем нет деловитости, но зато в избытке — юмор, шутки, остроумные импровизации.

Тамада называет имя, отчество гостя, степень родства или отношений («одна из близких подруг», «школьный товарищ»), находя несколько хороших слов в адрес всех выступающих, чтобы гости и с одной, и с другой стороны чувствовали себя окруженными вниманием. Вслух зачитываются и присланные поздравления, среди которых немало шуточных.

За столом и вне его поют популярные современные и национальные свадебные песни (их текст можно заранее отпечатать и раздать гостям). Помимо хоровых песен исполняются и сольные. На свадьбе, как и на любом другом семейном празднике, каждому предоставляется возможность (конечно, в меру, не подавляя других) проявить свои способности. Адресуются все выступления в данном случае молодым и их близким.

Тамада следит за тем, чтобы гости не засиживались за столом, не утомлялись в танцах, чтобы всё время было весело и свободно.

Первый танец — вальс молодых. В течение вечера объявляются танцы для родителей, для гостей на приз, народные, сольные, хороводные. Завершается вечер тостом молодых, в котором они произносят здравицу всем присутствующим и благодарят их за участие в празднике.

Это общая, бытующая в наше время схема. Каждая же свадьба неповторима, как и ее участники.

На селе, где помнятся старинные обряды, и сегодня иногда можно наблюдать нарядно оформленную, неторопливо разворачивающуюся свадьбу-представление с шутками, прибаутками, свадебными песнями, национальными костюмами. На таких свадьбах народные традиции естественно сочетаются с современным ритуалом.

В городе многолюдные свадьбы вместо ресторанов, столовых, кафе, предпочитают справлять в Домах или Дворцах семейных торжеств. Там и обстановка эстетичнее, и имеются специалисты, знающие обряды, помогающие организовать праздник, что особенно ценно, когда приглашено много гостей.

Правда, многолюдье на свадьбе все чаще вызывает нарекания, оно требует огромных расходов. Порою молодые успевают разойтись, а родители все еще выплачивают свадебные долги. Однако родители не скупятся, надеясь, что молодая семья окажется прочной. А ведь деньги с неменьшей, а может быть и большей, пользой можно использовать на свадебное путешествие, хозяйство для молодых. Даже если денег хватает на то, другое и третье, если денежные затраты «окупаются» подарками, родители и сами молодые так выбиваются из сил, что и праздник уже не в праздник.

Но появляется желание сделать свадьбу «не хуже, чем у...», а по возможности — и лучше, точнее, богаче. И начинаются муки: кого звать. Этого вроде бы не обязательно, но он обидится, зная, что приглашен тот. В конце концов махнут рукой: раз столько расходов и хлопот, пусть приходят все. А у приглашенных тоже не всегда все определенно: иные чувствуют себя не совсем уютно в кругу малознакомых, но не прийти, раз оказана честь, неудобно. Хотя иной раз с удовольствием ограничились бы (особенно те, кто живет подальше) поздравлениями, свадебными подарками и приглашениями к себе в

гости. И собираются очень разные люди, которые далеко не однозначно ощущают себя (случаются конфузы, когда за столом в ресторане по ошибке оказываются гости со свадьбы, которую отмечают в соседнем зале).

На многолюдной свадьбе чаще настаивают родители, точнее, одна из сторон, а вторая соглашается, чтобы не ссориться, избежать упреков, обид. Молодежь обычно привлекает более тесный круг близких. Не мешает принять во внимание мнение виновников торжества. Не только потому, что их взгляды современнее, но и потому, что это в первую очередь их праздник (хотя, конечно, все доводы должны быть высказаны так, чтобы не было обид ни с какой стороны). Такое решение особенно благоразумно, если свадьба отмечается в городской квартире, которая, как правило, на многолюдье не рассчитана.

Съехавшуюся родню приходится с трудом размещать, где придется, сама же свадьба выливается на улицу. В окно выставляется магнитофон или проигрыватель. Иногда звучит гармонь или приглашенный и торжественно устроенный на козырьке подъезда ансамбль. Во всю мощь гремит музыка, пляшут и поют разгоряченные гости. А оглушенные соседи многоквартирного дома страдают молча — свадьба ведь. Хорошо, если это «в чужом пиру похмелье» длится день. Хотя и в этом, честно говоря, мало хорошего, ведь в доме обязательно есть и дети, и старики, и больные, и просто уставшие люди, жаждущие тишины и покоя. И пусть никто не сделает замечания, все же существующие нормы этикета обязывают свои праздники оформлять, не забывая об окружающих, и шумные, многолюдные свадьбы устраивать в специальных помещениях. А в городских квартирах гулять так, чтобы не страдали соседи. И — собственное здоровье.

Тут уж речь не столько о шуме, сколько о хмельном. Очевидно, что уважающий себя культурный человек не должен переступать грань, за которой он теряет свое достоинство. В отношении молодых следует сказать более категорично: им дозволено хмелеть лишь от волнения.

Слишком часто у женщин зарождается неприязнь к мужу из-за бесконтрольного поведения его в первую семейную ночь. Хмель проходит, а неприязнь остается.

К тому же совместная жизнь приводит к зарождению новой. А ей алкоголь категорически противопоказан: зачатые во хмелю дети рождаются слабыми или физически, или умственно. На Западе распространен даже термин «дети выходного дня» о тех, кто всю жизнь будет нести на себе следы выпитых родителями перед зачатием рюмок. Поэтому начиная с Древней Греции и до наших дней существуют традиции, по которым молодые долгие годы еще (в период, пока рождаются дети) должны быть ограничены в питье. Ведь семья создается не только для того, чтобы быть вдвоем, но и ради них, общих детей. Вот и будем с самого начала семейной жизни о них помнить и заботиться.

* * *

Никто не принуждает к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак.

К. Маркс

Человек, строящий свой дом на одном сердце, строит его на огнедышащей горе. Люди, основывающие все блага своей жизни на семейной жизни, строят дом на песке.

А. И. Герцен

Семья — это естественный коллектив, и, как все естественное, здоровое, нормальное, она должна только расцвести в социалистическом обществе, освободившись от тех самых проклятий, от которых освобождается и все человечество, и отдельная личность.

А. С. Макаренко

Лучше не создавай семьи, если ты эгоист. Смысл счастливой любви состоит в том, чтобы отдава́ть. Влюбленный в себя ничего отдавать не может, он только берет и тем неизбежно отравляет все лучшее в любви. Эгоизм здесь мешает, как физический недуг.

В. А. Сухомлинский

Сын имеет, конечно, право выбирать себе жену, но ведь и отец, оставляющий все свое счастье в достойном потомстве, вправе участвовать хоть советом в таком деле.

В. Шекспир

Всякая социальная доктрина, пытающаяся разрушить семью, негодна, и кроме того, неприемлема. Семья — это кристалл общества.

В. Гюго

Каждая мать надеется, что ее дочь получит лучшего мужа, чем она, и убеждена, что ее сын никогда не получит такую хорошую жену, как его отец.

М. Андерсен-Нексе

Вступающие в брак должны глядеть во все глаза до брака и держать их полузакрытыми — после.

М. Скюдери

БУДНИЧНЫЕ ЗАБОТЫ

Квартира. Потребность в жилище испытывал уже первобытный человек. Поначалу он укрывался от непогоды в пещерах. Постепенно люди создали разнообразные образцы жилищ, исходя из того, какой материал был под рукой: из снега (иглу полярных эскимосов), камня (дома-башни в горах Кавказа), дерева (избы России, Белоруссии).

Учитывая природные условия и образ жизни, строили жилища свайные (у меланезийцев), плавучие (у оранг-лаутов), переносные (юрты южных кочевых народов, чумы — северных).

Разнообразно и убранство жилищ.

В Греции немногочисленные комнаты каменных домов украшались орудиями и результатами труда хозяев. Мужские комнаты — шкурами убитых зверей и оружием, нужным для предстоящих охот и сражений. В женских комнатах стояли прялки, висели ткани. На подстилках лежали подушки и матрацы. Покрытые тканью сундуки, в которых хранили одежду, использовались и как стулья (аналогичный лаконизм сохранился потом в крестьянских избах разных народов). Обогревались комнаты жаровнями, стоявшими на трех ножках, освещались светильниками, в которые наливалось масло и теплился фитиль.

Каждая из этих немногочисленных, необходимых вещей была исполнена с высочайшим вкусом, представляла собой совершенное произведение прикладного искусства.

В домах и на улицах, площадях, украшенных зеленью и скульптурой, царили чистота и порядок.

В Риме, отвергшем равенство, жилища богачей и бедняков крайне разнились между собой. Крестьяне ютились в хижинах из хвороста, обмазанного глиной; горожане — в перенаселенных домах, в невероятной тесноте и грязи. В домах богатых патрициев — множество комнат, среди которых обязательно и ванная.

В средневековье крестьяне продолжают жить в скученности и грязи. Феодалы романской эпохи живут в замках-крепостях, неприступных снаружи, мрачных и холодных, лишенных какого-либо комфорта внутри. Стены крепостей были толщиной в несколько метров. В башни сквозь узкие щели-окна, затянутые

бычьими пузырями, пергаментом или тканью, никогда не про-
глядывало солнце. Огромный камин не мог прогреть сырое по-
мещение, выложенное из камня. На пол стлали шкуры зверей,
но это не спасало от холода. Вдоль стен ставили лавы с подуш-
ками и лари для утвари.

С X—XII вв. начинают расти города. Поскольку земли за
городской стеной стоят дорого, дома на кривых, узеньких — в
7—4 м шириной — улочках вытягиваются вверх. Удобств в них
не было никаких. Нечистоты, помои выливались прямо на улицу,
по которой бродили куры, гуси, свиньи. Здесь же играли голо-
пузые дети.

Среди европейских городов этого времени выделяется своими
крытыми деревянными настилами улицами, водопроводом, го-
родским общественным садом Новгород, где вольнолюбивые
горожане истово следили за чистотой и порядком. Таких горо-
дов в Европе насчитывалось немного.

Европейский город запирал на ночь ворота. По удару город-
ского колокола в домах обязаны были гасить свет. По опустев-
шим улицам ходили ночные сторожа, которые, постукивая в
колотушку и покрикивая, будили обывателей, чтобы уверить,
что они могут спать спокойно: никаких пожаров, наводнений,
неприятелей нет. Ну, а если и случился разбой или грабеж,
для которого и караулы не помеха, то обывателя это не каса-
ется: его двери и ставни на запоре.

Чтобы не беспокоили тараканы, над кроватью устанавливал-
ся балдахин. От других паразитов спасенья не было.

Человек постепенно обрастает имуществом. Мебели в до-
мах становится все больше. Чтобы разместиться, ей приходится
вытягиваться ввысь: традиционный сундук, поставленный верти-
кально на четыре ножки, превращается в шкаф. Сундук, к
которому приделывают спинку и подлокотники, превращается
в кресло. Мастера и подмастерья, изготовляя все это, не ску-
пятся на резьбу, всяческие украшения.

Разбогатев на открытии новых земель, торговле, люди эпохи
Ренессанса, возрождая античные идеалы, видоизменяют их соот-
ветственно своему образу жизни и потребностям: в убранстве
домов, светлых и теплых, заметно греческое стремление к совер-
шенству каждой вещи и римская тяга к демонстрации богатства
(у кого оно имеется, естественно).

В домах богатых горожан — ковры, ткани, красивая посуда,
на кроватях тюфяки, покрытые белыми полотняными про-
стынями.

Трудовой люд по-прежнему живет в скученности и грязи.

В XVII веке новый стиль утверждает Голландия, первая
буржуазная республика, где распространены достоинство осво-
бодившихся от порабощения граждан, уважение к кропотливому
напряженному труду, без которого ни скудная земля, ни суровое
море не прокормят, интерес к тому, чем живы далекие замор-
ские страны, среди которых Голландия выступает как передовая
держава.

Продуманный порядок, лаконизм, идущие не от бедности, а от благоразумия, блистательная чистота, гармония повсюду — в убранстве улиц, площадей, домов.

В доме все — от крыши до пола — единое целое, где ничего случайного, небрежного и неоправданного, где каждая вещь совершенна — от стеклянного бокала до мебели знаменитого мастера Вредемана.

Именно в Голландии этого периода зарождается в живописи и получает распространение среди других и бытовой жанр, отражающий будничную жизнь. И не случайно небольшие живописные полотна, некогда украшавшие каждый дом, сейчас собирают музеи мира — люди стремились каждое творение своих рук довести до совершенства.

Рядом с несколькими картинами разнообразного содержания вывешивались музыкальные инструменты, которыми активно пользовались.

Дом голландцев, любивших гостей, предназначался в первую очередь для хозяев, умевших как создавать, так и ценить красоту, насыщать ею свою жизнь.

Петр I, поездив по странам Европы, больше всего оценил голландский стиль жилого дома.

Централизация государств в XVII—XVIII веках, подчинение их монархам и церкви вызвали в архитектуре продуманную планировку городов, ансамблевость застроек, их внутреннего убранства — пышных для барокко, лаконичных, строгих для классицизма.

Все более обостряющаяся разница между тем, как живут имущие и неимущие, отражается и в жилищах. Кто победнее — ютится в каморках, в условиях, которые нам трудно было бы даже представить, если бы не свидетельства современников, например живописца В. Хогарта.

Состоятельные люди живут в просторных и чистых городских квартирах и усадьбах. Вельможи строят городские и пригородные дворцы, соперничающие с царскими. Они предназначены не столько для жизни семьи, сколько для приема многочисленных гостей. Создавалось все из расчета, что такая жизнь будет вечно.

Помимо формы, цвета продумывается и потом не меняется место каждой вещи. Обслуживать (мыть окна, натирать полы, сметать пыль, чистить медь, зажигать и гасить свечи и т. д.) такой дворец, в котором жила одна семья, должен был штат многочисленных лакеев.

С развитием капиталистических отношений буржуа средней руки, как и купечество, мещанство, не имея возможности создавать высокохудожественные ансамбли, но стремясь «не ударить лицом в грязь», соглашаются на подделки. В России со второй половины XIX века в архитектуре (в экстерьере — внешнем ее облике и интерьере — внутреннем) заметен эклектизм — смешение стилей, отсутствие единства. В его круговерти вырисовывается к началу XX в. стиль модерн с ансамблевостью в архи-

тектуре, мебели, посуде, отразивший расслабленность, неустойчивость общего состояния.

После Великой Октябрьской революции одним из первых мероприятий Советской власти было переселение бедноты в дома знати, а затем строительство типов зданий, которых раньше не знала архитектура: изб-читален, фабрик-кухонь, дворцов культуры и т. д.

В 30-е годы, когда страна поднялась на ноги, окрепла, развернулось широкое строительство. Для стиля конструктивизма этого периода характерны простор, лаконизм форм, прямые линии, четкие углы. Архитектуре соответствуют простые по форме, лишенные украшений шкафы, столы, стулья.

После Великой Отечественной войны с жильем было более чем сложно. Радость трудной победы, широкие мирные возможности отразились и в архитектуре — в ансамблевости застроек, которые стремились всячески украсить, в больших просторных квартирах. Но стесненность в средствах, материальных и технических, заставляла долго ждать своего угла. Квартиры заселялись коммунально, несколькими семьями. Чтобы придать жилищу уют, старую мебель покрывали скатертями, салфетками ручной вышивки и вязки. Квартиры украшались цветами — геранью, фикусами, заклейменными потом почему-то позорным эпитетом «мещанские».

В 60-е годы начинается активное расселение семей в блочные малогабаритные квартиры со всеми удобствами, не слишком просторные, но зато отдельные.

В 70—80-е годы, когда был уже освоен новый материал, стала заметна тяга к разнообразию форм в архитектуре, соответственно лаконизм прямоугольных плоскостей и линий мебели сменяется более разнообразными формами. Общее увлечение «ретро» касается и мебели: собираются сохранившиеся бабушкины и прабабушкины стулья, покупается мебель «под старину».

Средства массовой информации быстро знакомят потребителей с тем, где что модно, что ставят, носят. Это создает общую для всех развитых стран стилевую направленность. Но сложившиеся веками национальные нормы, традиции нельзя стряхнуть, как пыль. Потому и в наш век стандартов жилища разных народов разнятся между собою.

В. Овчинников, описывая жилища англичан, отмечает истинность поговорки «дом мой — крепость моя». Англичане не делают из дома витрину для посетителей. Дом их красив, но без излишней роскоши, даже несколько пуританский; к началу 70-х годов лишь 15 процентов жилищ в Британии имели центральное отопление. Отапливать спальню до настоящего времени считается чуть ли не аморальным. Вместо ванн для большинства — прохладные или совершенно холодные (особенно для детей и подростков) обтирания губкой.

Англичанин любит жить в окружении хорошо знакомых вещей. В убранстве дома, как и во многом другом, он прежде

всего ценит старину и добротность (часто отождествляя эти понятия).

Когда в семье заходит речь, что пора, пожалуй, обновить обстановку, под этим словом имеется в виду реставрация, а не замена того, что есть, сохранение, а не изменение общего стиля комнаты.

Японцы говорят: «По вещам узнают их хозяина». Побывав в Японии, И. Сельвинский писал:

В бумажной хижине японца
Висит сушеный запах солнца.
Здесь чистота и пустота,
Здесь ни одной ненужной вещи —
Одни улыбки человечьи
Да детских глазок пестрота.

Ж.-П. Шаброль подробно описывает жилище жителей страны восходящего солнца.

В поражающем более чем идеальной чистотой доме богачки («настоящей папиной дочки»), где его принимали,— типичная обстановка, рассчитанная на «жизнь, вровень с полом, на четвереньках», «роскошная скудость». «Прихожая, место жертвоприношения обуви, имела площадь менее одного квадратного метра, на которой еще помещались газовая плитка, раковина и целая батарея кастрюль... В комнате стояли туалетный столик на укороченных ножках, письменный стол для пишущей машинки, складной стул, задвинутый под стол, комод — все в расчете на рост двенадцатилетнего ребенка».

70 % семей в Токио располагаются в однокомнатных квартирах, из них 27 % — на 4—5 татами размером 1×2 м. На них они и спят (лишь 6 человек из 100 спят на кроватях).

80 % всех городских домов не имеет канализации, многие — горячей воды, парового отопления («обогреваются солнцем и дыханием, а вентилируются сквозняком»). Очень популярны повсеместно фуро — глубокие деревянные чаны с очень горячей водой, которые выставляются около домов: в них забираются, предварительно намылившись и ополоснувшись, чтобы «набраться тепла». Иногда эти фуро рассчитаны на несколько семей. Распространено мнение, что «средний японец обеспечен электробритвой лучше, чем одеждой, одеждой лучше, чем едой, едой лучше, чем жильем».

Японцы жалуются: «С жильем очень плохо... Люди живут буквально друг у друга на голове... В комнате... часто спят шесть человек. И за такое жилье платят тридцать тысяч иен в месяц! Приличный заработок составляет пятьдесят тысяч иен, но конторским служащим платят гораздо меньше».

Интерьеры жилищ во всех странах отражают общий стиль, национальные особенности и индивидуальный вкус или отсутствие его — у хозяев.

Одних в первую очередь занимают проблемы престижности. Например, полинезийцы фунафути, следуя моде, ставят

в хижинах столы с табуретками, деревянные или металлические кровати с перинами, одеялами и подушками, а сами сидят на полу и спят на циновках: «и достаток продемонстрирован, и привычный образ жизни не потеснен...»

Других больше всего волнует дело, которым они живут, отношения между собой. Так, престижные соображения совершенно не смущали Мари и Пьера Кюри. Они категорически отказались от мебели, предложенной им отцом Пьера: каждый диван, каждое кресло — только лишний предмет для вытирания пыли. «У Мари нет ни сил, ни времени для этого», — вспоминает потом их дочь Ева. В квартире голые стены, книжный шкаф, стол из простых досок и два табурета. Мари, говоря о своей квартире, рассчитывает «сохранить в ней стиль, не вызывающий никаких хлопот и не требующий ухода».

Исключительно скромной была обстановка во всех квартирах Ульяновых, дома Пушкина в Михайловском, квартир Чехова и Маяковского в Москве.

Можно отметить три распространенных в настоящее время у нас типа отношения к жилищу.

Дом-храм, в который проникают лишь избранные, где каждая вещь полна священного для хозяев смысла, где старательно оберегается принятый стиль жизни, традиции. Такие дома более характерны для людей старшего поколения, у которых эти традиции уже сформировались и круг близких сузился. Такое отношение можно не принимать молодым для себя, но его нельзя нарушать, травмируя старших.

Дом — обитель для хозяев — пространство, где более или менее радостно протекает их жизнь и где главное — это сама жизнь, и все в доме приспособлено для нее. Такого типа дом, судя по книге В. Пришвиной «Наш дом», был у М. Пришвина.

И третий тип: дом-гостиница, более свойственный молодежи. Такой дом, по воспоминаниям очевидцев, был у М. Светлова. Здесь всегда много народу. А стены и крыша нужны для того, чтобы сюда можно было привести друзей. Большинство пожилых людей утомляется такой обстановкой и требуется немало взаимного уважения и такта, чтобы, живя под одной крышей, пожилые не лишали молодых радости общения, а молодые не злоупотребляли терпимостью старших. Иначе возможны взрывы.

В убранстве же домов заметна общая тенденция: редко кто сохраняет мебель, с которой начал самостоятельную жизнь, большинство стремится обзавестись модной.

И если американец хорошо приспособился к своему стерильно-автоматизированному жилищу, англичанин приспособил малокомфортабельное к себе, японец растворился в обстановке «эстетической наготы», то во многих современных наших домах зачастую чувствуешь себя как в гостиничных номерах, которые слегка отличаются расцветкой ковров и датой выпуска мебели: у одного полированная, у другого — уже нет, а третий свозит из комиссионных то, что уничтожить не успели. Тема эта достаточно обыграна юмористами и в литературе, и в кино.

В квартире А. П. Чехова вспоминаются слова М. Горького о том, что Антон Павлович глубоко и всесторонне чувствовал значение труда как основания культуры, что это выражалось «во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накоплять их, не устает любоваться ими как продуктом творческого духа человеческого». В. Пришвина пишет о дудинском доме Михаила Михайловича: «Внутреннее убранство дома трогает каждого человека, впервые в него входящего, ощущением уюта и душевного тепла... Что еще удивляет обычно людей — скромность обстановки и самих составляющих ее вещей. Это смотрится как-то необычно и даже странно в доме известного писателя и в наше благополучное время... Тем он был и силен, что весь без остатка отдавался внутренней работе, не снисходя к слабостям, не размениваясь на поиски излишнего... Он как бы укреплялся и внутренне освежался строгостью в быте и привычках. М. М. Пришвину было свойственно особое содружество не только с человеком, не только с животными, но и с самой материей — с вещами, ему служившими, сохранение им верности и благодарности». Интерьер дома для Пришвина — это не просто удобный и красивый быт, а особенный, новый мир, сотворенный человеком в содружестве с материей, одухотворенной им, наполненной его жизнью, с тем, чтобы войти существенным явлением в эту жизнь.

Для молодой семьи обычно проблема не в убранстве, а в отсутствии самой квартиры. Несмотря на грандиозное строительство и повышение комфортабельности жилищ, положение остается острым. Лишь за 1971—1974 гг. в стране построено более 11 млн. современных квартир общей площадью 544 млн. $м^2$ и число это все увеличивается. Расходы государства на содержание жилищ, не покрываемые квартирной платой, составили в 1977 г. 5,6 млрд. руб., т. е. больше, чем в 1940 году в 56 раз. В 70—80-е годы у нас в стране активно застраиваются в больших городах новые микрорайоны, реконструируются маленькие города и большие села (домами как традиционного, приусадебного, так и городского типа со всеми удобствами). А квартир все не хватает.

Согласно социологическим исследованиям, большинство молодых хотело бы жить отдельно от родителей (рядом, но не вместе). Как пишет В. Переведенцев, если разделить 110 млн. $м^2$ жилплощади, которые вводятся ежегодно в Киеве на 2,5 миллиона возникающих за этот период новых семей, то каждая могла бы получить квартиру жилой площадью 24 $м^2$. Но нуждаются в жилье не только молодожены. Фонды необходимы и для улучшения условий многодетных семей и тем, кому после 30 не удалось создать семью, что не лишает их права на «личную территориальную независимость», и для ветеранов труда, заслуживших право на благоустроенную старость.

И кому нужнее в первую очередь — вопрос не такой уж простой.

«Как же мы,— иногда говорят пожилые,— в молодости жили: по несколько семей в одной комнате, которая к тому же была в коммунальной квартире. Да на селе — испокон веку со стариками, детьми в одной горнице. И ничего, не разводились, детей рожали, растили, друг друга почитали. И никому в голову не приходило требовать иного».

Это верно. Но возможности растут, а с ними и потребности. И если это разумные потребности, то социалистическое государство ставит перед собой задачу удовлетворить их. Потому изыскиваются пути для улучшения условий всем, кому это необходимо. А молодым семьям квартиры необходимы. На ближайшее время предусматривается увеличение сети семейных общежитий, пересмотр жилой площади среди семей, ставших малочисленными, предоставление кредитов для постройки кооперативных квартир молодоженам, их непосредственное участие в постройке домов и другие меры.

«Разумеется, — пишет В. Переведенцев, — можно сказать: надо больше строить жилья. Но средства для жилья берутся из того же кармана, что и на школы, больницы, детские учреждения и т. д. Увеличить затраты на жилье — значит уменьшить их на что-то другое».

А пока остается одно: исходя из объективных условий, принимать субъективные решения.

Если страх перед трудностями удерживает от самостоятельных поисков новых дорог и молодые соглашаются остаться в отчем доме в надежде, что родители рано или поздно что-нибудь придумают, вряд ли им удастся избавиться от опеки. Во всяком случае свое поведение необходимо будет согласовывать с укладом, сложившимся в доме. Иначе конфликты почти неизбежны.

Но что весьма утешительно: по данным исследований, приведенным в печати И. Родзинской, ссоры между молодыми возникают независимо от того, живут они с родителями или без них, а вот разводов, как это ни удивительно, меньше у тех, кто живет с родными. И. Родзинская объясняет это тем, что, во-первых, далеко не все молодые супруги выдерживают проверку полной свободы, во-вторых, они слишком «замкнуты» друг на друге, что толкает их на переключения, хотя бы в сторону добрачных друзей, возвращения в досемейную компанию, и в-третьих, молодые не умеют самостоятельно справиться с бытовыми обязанностями. Так что только улучшение квартирных условий не обещает укрепления семьи. Более того, как показывает статистика, рост разводов совпал с улучшением материальных условий, в том числе значительным улучшением жилищных условий в молодых семьях. Крыша нужна, но счастье под нею мы создаем или разрушаем сами.

Очутившись после свадьбы в новой обстановке, соответственно ей приходится кое-что видоизменять в своем поведении.

Если же обстановка прежняя, но в ней появился еще один, избранный вами, человек — значит, придется немного потесниться (даже если площади вокруг — с избытком), чтобы создать в

доме свой микромир, атмосферу, в которой легче всего дышится.

В отношении к своей квартире главное — определить, какой дом вам нужен: ведь вы будете создавать его, а он исподволь будет влиять на вас.

Бывают квартиры, более или менее интересно оформленные, которые воспринимаются как декорации, в которых может действовать любой состав исполнителей. Но есть квартиры, которые не только отражают жизнь ее обитателей, но раскрывают саму их суть.

К примеру, А. Блок — для всех, знающих его жизнь и творчество — человек исключительно тонкий, поэтичный, эмоциональный. Жизнь его, как и жизнь немалого количества артистических натур, была не очень организованной. А вот в доме своем он создавал «фантастический порядок», который помогал «собрать себя, сосредоточиться, переработать полученные впечатления», который каждой вещи отводил строго определенное место. «Этот порядок необходим, как сопротивление хаосу».

«Вот вы все ходите, это ничего,— говорил он Н. А. Павловичу, — но у вас нет почвы, нет дома. Я тоже бродяга, но я всегда и отовсюду приходил домой. Без дома вы сами себя потеряете».

Думайте об атмосфере, среде, где вы будете жить, творить, отдыхать. А вещи — их количество, качество, расстановка — это лишь одно из средств создания этой среды.

> Люблю дома, где вещи — не имущество,
> Где вещи легче лодок на причале,
> И не люблю вещей без преимущества
> Волшебного общения с вещами.
> Нет, не в тебе, очаг, твое могущество:
> Хоть весь дровами, точно рот словами,
> Набейся — я и тут не обожгусь еще,
> Не будь огня меж камнем и дровами.
>
> *Н. Матвеева*

Обычно молодые забирают в новый дом часть старой мебели, которой они пользовались в родительском доме: в их жизни так много нового, что мебель может оставаться старой. Пока не встанут на ноги, не подрастут дети — этого вполне достаточно. И можно только приветствовать тех, кто не хочет захламлять дом ненужными вещами.

В доме главное не то, какая мебель, а то, как она служит человеку — удобна ли, не теснит ли его. Есть ли «бабушкино кресло», уголок ребенка, место для инструмента хозяина, спортивного инвентаря и т. д.

Если все интересы учтены, квартира, как правило, выполняет свое назначение.

В доме молодых лучшим украшением является не мебель (поскольку она характеризует больше покупательные возможности родителей, что не лучший повод для гордости детей) и

даже не книги (поскольку их наличие не служит гарантией начитанности хозяев, а может быть и данью моде, и доказательством добытческих способностей, что больше компрометирует, чем делает честь).

Самым интересным в доме является обычно то, что отражает жизнь хозяев (в том числе это могут быть и книги, конечно, и красивые вещи).

Лыжи, удочки и резиновые сапоги, инструменты для ручной работы можно рассматривать не как хлам, который нужно куда-то пристроить, а как вещи, которые могут придать интерьеру жилой, привлекательный, неповторимый вид.

Если при этом каждая вещь знает свое место, а не валяется где попало, дом вместо сохранения стандартного уюта (иногда даже стесняющего обитателей) будет жить вашей жизнью, сохранять тепло вашего присутствия.

Самое строгое требование этикета к дому — его чистота, поскольку от нее в значительной степени зависит здоровье.

Чехов писал о воспитанных людях: «Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу...»

Обычно хозяева делают два раза в год — весной и осенью большую уборку, раз в неделю — тщательную и ежедневно поддерживают порядок.

Перед сном окидывают взглядом комнату — все ли лежит на своих местах.

Утром постель лучше заправлять после зарядки, оставив ее на это время проветриваться. Незаправленная же на день постель пылится, придает квартире неаккуратный вид.

В прихожей пальто вешают на плечики, обувь аккуратно ставят на место.

На туалетном столике, в ванной комнате, как и на расческе, не оставляют волос — они вызывают неприязнь окружающих.

Ванную моют перед и после пользования ею.

У хороших хозяев на кухне все блестит. Если плиту вытирать сразу после приготовления еды, посуду мыть и полы подметать, встав из-за стола, поддерживать порядок нетрудно. Если распределение обязанностей таково, что посуду постоянно моет кто-то один, поев, все равно прибирают после себя со стола: он после еды должен быть оставлен чистым, без единой крошки.

Цветы в квартире оздоровляют воздух и оживляют интерьер, из них можно создавать самые разнообразные композиции.

Балкон — продолжение квартиры. При эстетическом к нему отношении, балкон украшает дом, как костюм человека. И долг хозяев позаботиться о нем: посадить многолетние вьющиеся растения (дикий виноград, плющ

и т. д.), весной высаживать однолетние. На балконе не должно быть хлама. Летом там могут стоять кресла, стулья, журнальный столик. Выстиранное белье, особенно нижнее, лучше сушить в ванной комнате, если нет специальных помещений.

Дом, в котором мы живем, — это и подъезд, и лестница, и подвал, и лифт, и двор. Все это должно содержаться в образцовом порядке. Надписи на стенах, сломанные насаждения, мусор — компрометируют каждого жильца. Двор — общее достояние всех его обитателей. Не случайно так естественны получившие распространение в последнее время апрельские субботники по озеленению, уборке наших городов и сел: обывательская упрятанность в своей квартире несовременна.

Внешний вид. Приходится согласиться, что окружающая среда — хотим мы признать это или нет — формирует наше поведение. Принимаем ли мы во внимание мнение о нас окружающих или нет, в определенной степени говорит о нашей культуре: даже когда человек становится независимым от того, «что скажет Марья Алексевна», мы ведем себя в соответствии с навыками, которые складывались, начиная с детства. А они неизбежно учитывали присутствие других людей, в которых мы, по словам К. Маркса, смотримся, как в зеркало. И не просто смотримся, а сознательно или бессознательно стремимся произвести определенное впечатление. Мотивы могут быть самые различные, как высокие (потребность в общении, красоте, стремление подчеркнуть свою мужественность или женственность), так и неэтичные (желание выделиться, потешить тщеславие).

Человек украшал себя и все вокруг, чтобы радовать глаз, умащивал маслами тело, сжигал ароматические вещества — чтобы ублажать обоняние. И делал это, как и многое другое, с учетом эталонов красоты своего времени, которые тоже историчны, социальны, национальны, а в рамках этого уже — индивидуальны. Мода — совокупность наиболее распространенных вкусов и привычек — существует на все. Даже, как ни смешно это звучит, на тип тела, его движения, жесты, мимику.

Вынужденный бегать за животными и от них первобытный человек был строен, легок в походке, сдержан в жестах. Чтобы произвести впечатление на окружающих, избранницу — украшал себя, чем мог: татуировкой, зубами убитых животных, перьями экзотических птиц, замысловатой прической. В женщине почитали мать, способную приносить роду-племени продолжателей, и потому ценили большой живот, объемную грудь, мало интересуясь лицом, его выражением.

Косметика («искусство украшать») возникает уже в первобытном обществе: в пещерах ледникового периода находят помаду, похожую на краску, правда, кому она принадлежала — мужчинам или женщинам, или тем и другим — неизвестно. Помада не у всех красная: в Индонезии предпочитали черные губы.

В классовом обществе на эстетические идеалы оказывают влияние дворы правителей.

В Древнем Египте, где династии фараонов из-за кровнородственных браков приобретают черты вырождения, красивой считалась вытянутая в затылке голова (чтобы придать ей такую форму, на голову младенцев надевали специальные дощечки). Ценились широкие плечи, узкие бедра для мужчин и женщин, длинные руки и ноги, где ни икры, ни пятки не выдаются, узкие ладони и ступни ног. Женщины начинают уделять своей внешности большее внимание, чем мужчины (пришла Ее пора завоевывать Его). К тому же заметили уже, что Ее организм запрограммирован природой на более раннее увядание, с чем согласиться женщина никак не может. Египтянки носят сложные парики, красят брови, веки, губы, ногти. И мужчины, и женщины пользуются ароматическими составами; в гробнице юного Тутанхамона сохранились изысканные ложечки для туалетных масел. Появляется литература по косметике: первое пособие — «О лекарствах для лица» приписывают легендарной царице Клеопатре.

Стройность осанки и пластичность движений вырабатывались на занятиях танцами, которым уделялось достойное внимание.

Каноны красоты отражаются в искусстве и в значительной степени утверждаются и распространяются поэзией, живописью, скульптурой.

Царица Нефертити, ее властная соперница Тия, путешественница и созидательница Хатшепсут, как и другие египетские красавицы (чьи изображения воспроизводились с предельной точностью, без идеализации), несмотря на индивидуальные особенности, похожи своей пластичностью, хрупкостью.

Мужчины менее однотипны, канонизированы: изображаются высокими и невысокими, тонкими, широкоплечими, приземистыми, с оплывшими телами.

Греция славит красоту тела здорового, натренированного спортом, по сравнению с нашими современными канонами, пожалуй, несколько тяжеловесного. Фигура тяготеет не столько к треугольнику, сколько к прямоугольнику, слегка расширенному кверху у мужчин и книзу — у женщин. Прически незамысловаты — короткие подстриженные волосы, закрывающие лоб, у мужчин и длинные, собранные в узел, у женщин.

Спорт, танцы вырабатывали стройность осанки, устойчивость походки, сдержанность жестов.

Открытая взору на площадях и в храмах, которые посещали все, скульптура формирует вкус. На фрагменте центрального храма Афинского Акрополя — Парфенона изображены юноши и девушки. Скульптор показывал девушек стройными, неторопливыми, величавыми, а юношей — собранными, целеустремленными, стремительными.

В скульптуре Мирона «Афина и Марсий» автор пластически выражает нравственно-эстетические идеалы эпохи. И зритель,

умевший «читать» произведения искусства, любуясь мастерством исполнения, постигал истину, какой она виделась грекам. Все говорит в скульптуре о превосходстве воли, организованности над необузданностью страстей, все предупреждает о трагической развязке, которую навлечет на себя импульсивный житель лесов. Рядом с владеющей собой Афиной, не случайно аккуратно причесанной и одетой, с подчеркнуто стройной осанкой, сдержанной мимикой, жестами, особенно контрастен стоящий на широко поставленных ногах, с раскинутыми руками, взлохмаченный, обнаженный Марсий, весь поглощенный предметом своих желаний. И хотя у сегодняшнего зрителя, как правило, Марсий вызывает сочувствие (очарован-то он не чем-нибудь, а флейтой!), миф, а вместе с ним Мирон, предупреждают: учитесь властвовать собой, умейте видеть все во взаимосвязи, не нарушайте меры ни в чем — это опасно. (Читавшие миф помнят, как возгордившийся приобретением Марсий противопоставляет себя всем, чем обрекает себя на поражение и гибель.)

Рим, завоевав Грецию, был покорен ее культурой, заимствовал поначалу у нее все, даже идеалы красоты. Но, наступая на соседей, богатея, римляне уходят все дальше от классической естественности греков, что отражается и на их внешнем облике. Обильное питание и нездоровый образ жизни приводят к тому, что тело, походка тяжелеют. Состоятельные женщины заимствуют у захваченного Египта искусство украшать себя — носят сложные парики, много внимания уделяют гримированию. Позы патрициев продуманны, выражение лица высокомерно. Особое внимание уделяется жесту, его отрабатывают, как актеры перед выходом на сцену.

В раннем средневековье красивой считалась женщина высокая, темнобровая, златоволосая, с узкой талией. Однако когда в результате губительных эпидемий и бесконечных войн население Европы резко уменьшилось, беременность стала престижной. Женщины, изображая ее, ходят, выставив живот вперед, откинув спину назад и сложив заботливо на животе руки. Голову они покрывают специальными уборами, чтобы каждому было ясно, что у них уже есть постоянный покровитель. Девушки носят косы.

Монументальный мужчина эпохи раннего феодализма, щеголяющий прической «под горшок» или «под Христа», в период готики стремится обрести стройность. Если собственные его ноги не способствуют этому, он обращается к помощи пакли, которую подкладывает под чулки.

Возрождение, открывая человека, принимает индивидуальность каждого. Пышнотелая, золотоволосая (во вкусе венецианцев) красавица, дочь Тициана, позировавшая для большинства его полотен, леонардовская грациозная, гибкая дама с горностаем (который помогает увидеть ее сходство с хищным зверьком), монументальный властный Хольцшуэр А. Дюрера — все они соответствуют духу времени и потому органически воспринимаются глазом и умом людей Ренессанса.

Человек — открыватель, деятель, мыслитель — разглядывается с жадным вниманием, что приводит к выделению в самостоятельный жанр портрета, в котором посадка головы, поза, жест — весь внешний облик раскрывает внутренний мир людей Возрождения.

Леопардовская Джоконда привлекает внимание человечества в течение пяти столетий не столько своей улыбкой, сколько волнующей глубиной женского образа. Полная достоинства поза, спокойно сложенные руки, глаза, так понимающе смотрящие на вас, улыбка, в которой каждый читает, что может,— все вместе говорит о таком богатстве жизненного опыта, такой способности думать, чувствовать и понимать, что и сегодня эта, едва ли красивая по нашим эталонам женщина волнует мир.

Зритель, широко знакомый с произведениями великих мастеров, переводя взгляд с полотен, скульптур, со сцены на окружающую жизнь, видел себя в ней яснее и мог соответственно собственному усмотрению формировать свой внешний и внутренний облик (хотя и в то время люди понимали, что эта взаимосвязь совсем не проста и не однозначна).

В XVI—XVIII веках ансамблевость в архитектуре, изобразительном и прикладных искусствах включает в общий стиль — как ни кощунственно это звучит — и человека.

На богатых тучных землях Фландрии, где процветает барокко, мужскому типу литературного спутника Уленшпигеля — Ламме — соответствует созданный в живописи тип рубенсовских красавиц.

Во Франции в общий стиль вносятся воля и прихоти короля и его фавориток. Тут сплошной причудливый калейдоскоп. Мужчины то наступательны и неугомонны (мушкетеры), то жеманны и кокетливы (стиль роккоко), то носят двойные или даже тройные усы, то «локон любви», который теребят при приближении возлюбленной, пудрятся, мажутся, красят губы. Женщины предпочитают то фигурные мушки величиной до гривенника на лице, то прически «боевой конь», то парики, на которых умещается все, что угодно, вплоть до изображений собственных любовников, сражающихся на дуэли.

Людовику XV приходится издать декрет, в котором говорится: «Та женщина, которая будет покушаться при помощи белил или румян, духов, разных эссенций, искусственных зубов и волос, ботинок с высокими каблуками и т. д. вовлечь в супружество подданного его величества, будет признана чародейкой и, как таковая, будет наказана».

При всех национальных различиях этого времени общим было вопиющее — с нашей точки зрения — отсутствие гигиены. Со времен средневековья вплоть до XIX века Европа утопала в грязи в самом прямом смысле этого слова. Вещь заслонила человека. Блистая тканями, драгоценными камнями и металлом, носили их на теле, редко омываемом. К воде питали отвращение. «Король-Солнце», «купаясь в славе и обожании», от купания в ванне отказывался. Омовение лучезарного сводилось к тому,

что утром лакей лил несколько капель духов на его руки, а вечером королю на золотом подносе подавалось полотенце, смоченное с одного конца, которым он протирал лицо и руки.

Испанская королева Изабелла Кастильская заметила, что приняв купель при рождении, она второй раз омылась перед свадьбой. Генрих Наваррский просит свою возлюбленную: «Не мойся, милая, я буду у тебя через три недели».

Чтобы заглушить запахи, красавицы и красавцы обливались духами. Версальский двор назван «Двором духов», которые расписаны были на все случаи жизни: один призывал «Приди, приди», другой откровенничал «Вот почему я люблю Розину».

Запахи распределялись строго по сословиям: придворный щеголь «носил» запах «платок настоящего мужчины», дама полусвета «демонстрировала» аромат мускуса («благоухающие яблочки» мускуса, оправленного золотом или серебром, носили на цепочке на шее постоянно, как украшение).

Массовая гигиена получает распространение лишь со второй половины XIX века. Начинают изготовлять мыло промышленным способом и стоимость его оказывается доступной многим.

Русь шла аналогичным путем. Петр I издавал указы о необходимости мыть телеса, хотя в народе, на селе любили баню (получившую впоследствии название «русской»).

«Повесть временных лет» передает рассказ одного из чужестранцев: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут нагие, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя бьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье».

Но ни в одном из прославленных дворцов Европы, России среди сотен комнат не было ни одной ванной.

Петр I, взявшись догонять Европу, «не мытьем, так катаньем» прививал новое, не оставляя без внимания и внешность. Держишься за старомодную бороду? Держись! Только за удовольствие платить надо! И платили, получая за это медаль, которую гордо вешали на шею. Ухватятся ретивые петровы соратники за мужское украшение, чтоб отхватить его, а боярин медаль выставит и ходит довольный. До конца года. А там вновь платить надо. Да сумма такая, что и разориться с бородою запросто. Так и перевелась мода, оголились лица.

Движения боярина были неторопливы, жесты замедленны, садившись, руки на колени клал (все это потом заимствовало купечество). Большим достоянием считался живот, его всячески выпячивали и подчеркивали (для чего и опоясывались ниже пояса). Шел боярин, закинув голову назад. Боярыня с подведенными сурьмой бровками (соболиными!), подкрашенными свеклой щечками (что розы алые!) за ним чинно выступала павою со всеми своими чадами и домочадцами.

Крестьяне двигались неторопливо, живота впереди себя не носили, голову вниз клонили смиренно, при разговоре в глаза не смотрели, дабы за дерзость не сочтено было.

А дерзкий царь любил дерзких, лишь бы разумны да рачительны были. Сам смахнул с себя все старое и других заставил. Даже походки изменились: вприпрыжку или галопом вслед за неугомонным царем помчались. Парики, как и все в просвещенной Европе, надели. Хоть любил Петр простоволосым ходить, да понимал,: другим велишь, так и самому надо.

Дворянам эпохи Петра книги советуют: «Никто не имеет повеся голову и потупя глаза вниз по улице ходить, или на людей косо вглядовать, но прямо а не согнувшись ступать, и голову держать прямож, а на людей глядеть весело и приятно с благообразным постоянством...» Обращаясь к «младому отроку», рекомендует то, что приемлемо и для девиц: «Обреж свои ногти да не явится ко бы оныя бархатом обшиты, умои руки и сяди благочинно, сиди прямо...»

А для девиц то, что немаловажно и для отроков: «...надлежит и в походке остерегаться, ибо по тому об них разсуждается».

На смену открытым лицам и свободным жестам петровского времени приходят густомазанные маски тяжеловесных красавцев бироновских и елизаветинских времен.

Особое пристрастие питают к парикам и мушкам, каждая из которых — со смыслом: на левой щеке — есть предмет, у правого уголка рта — предмет отсутствует, объект свободен и т. д.

В конце XVIII века в России популярны как женские, так и мужские светские изящные фигурки, отточенная грация движений, жестов, поз, выразительное кокетство, легкость загадочной полуулыбки (названной потом по имени художника этого времени рокотовской).

Пушкинская эпоха, наполненная отвагой героев Отечественной войны, возвращает тип мужчины мужественного, гордого своей силой и отвагой. Он носит свои, без всяких париков, волосы, лихие усы и пышные бакенбарды. Женщины эпохи классицизма легки в движениях, пышны в груди и тонки в талии. Ценятся маленькие носики и шелковистая кожа. Обнаженная грудь внимания не привлекает. Зато волнует выглядывающая из-под длинной юбки ножка.

Идеалы эпохи блестяще представлены портретной галереей О. Кипренского, В. Тропинина, декабриста Н. Бестужева.

А. Пушкин рисует свой идеал (созвучный эпохе) по аналогии с тем, что говорил Микельанджело о скульптуре: создавая образ, надо убрать все лишнее:

> Она была нетороплива,
> Не холодна, не говорлива,
> Без взора наглого для всех,
> Без притязаний на успех,
> Без этих маленьких ужимок,
> Без подражательных затей...

Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut [1]

. . . .

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar [2]

В «Евгении Онегине», не случайно названном энциклопедией русской жизни, есть и такие строки:

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?..
Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.

Светский этикет предписывает в поведении — отчуждение, на лице,— по словам Л. Толстого, «выражение равнодушия и скуки». Хотя сам Л. Толстой, как и все передовые люди его времени, ценил теплоту и непосредственность общения. Как выразительно он противопоставляет живое лицо Анны Карениной, Наташи Ростовой холодным маскам Бетси, Шерер.

Н. Чернышевский, говоря о классовости чувства прекрасного, отмечал, что для аристократа прекрасной будет бледная, томная красавица, в то время как для крестьянина — крепкая, с румянцем во всю щеку, сильная и здоровая девушка.

В начале XX века идеалы красоты складываются под гипнотизирующим воздействием волшебного фонаря — кино. Все стремятся быть похожими на Веру Холодную, Лину Кавальери. Подражают их манере двигаться — во многом неестественной из-за несовершенства техники, вздыхать, заламывать руки, закатывать глаза.

Стилю модерн с его унынием, тоскою соответствует грустная дама с пышными, поднятыми вверх волосами, напоминающая

---

[1] Благородство
[2] Вульгарное

ломкий оранжерейный цветок (В. Серов, правда, уподобил светскую львицу Орлову не теплому цветку, а изысканной, но холодной фарфоровой вазе). Воображение волнует демоническая женщина-вамп: худая, с длинными ломкими руками и проникновенным взором. Ей соответствует мужчина бледный, со взором, устремленным вдаль, часто — взлохмаченный.

Мировая война, русские революции встряхнули старый мир вместе с его идеалами. Сквозь острую боль гражданской войны, нищенскую сытость нэпа формируется к 30-м годам новый тип мужчины.

Полный жизненных сил, широко улыбающийся, проходит Он упругим шагом под мелодии Дунаевского по всей стране — от края и до края.

Рядом с Ним (как в скульптуре В. Мухиной «Рабочий и колхозница») такая же спортивная, крепкая и стремительная Его подруга. Они почти не пользуются косметикой, носят простые прически (лихой чубчик или волнистая прядь у Него, кокетливая челка или мелкие кудряшки у Нее).

После второй мировой войны Он, истосковавшийся по женскому теплу, тяготеет к Ней, которая появляется подчеркнуто женственной на киноэкранах, сценических площадках, страницах журналов мод, а также на улицах городов (село тогда еще существенно отставало от моды). Небольшая, плотненькая, с округлыми формами, подкрашенными сердечком губами, выщипанными в ниточку бровями, Она готова сделать все возможное, чтобы понравиться Ему, такому мужественному и сильному.

Начиная с 50-х годов к 80-м Его облик меняется. Мужчина постепенно становится не столько сильным, сколько гибким. Тонкому стану соответствует легкая до неустойчивости походка (особенно, когда Он встает на каблуки). Даже голоса модны не мужские, а «легкие», юношеские — тенора.

Женщина привлекает не столько красотой, сколько уверенностью в себе и решительностью. Она держится независимо, как мужчина (даже пошатываясь на высоких шпильках или широких платформах), готова носить прическу, как у взъерошенного мальчика. Жесты ее раскованны. Она не прочь быть своим парнем (с сигаретой в руке), которого можно обхватить на улице за плечи и ниже. Но при этом Ей очень хочется напомнить, что Она еще и женщина. Она с готовностью встает на час раньше (красота требует жертв!), чтобы выкрасить веки тенями, а ресницы тушью, губы помадой, ногти рук и ног ярким лаком. Старательно ищет тонкие духи.

Чтобы удовлетворить современных ценителей ароматов, парфюмеры колдуют над пятью тысячами душистых веществ, из которых лишь около 400 натуральны, остальные созданы искусственно. Духи, мыла, шампуни, кремы, предложенные современному покупателю за рубли, любителями прошлого оценивались бы как драгоценнейшие благовония. Правда, они, как утверждают специалисты, показались бы нашим предкам слишком тонкими, но о вкусах не спорят. Во всяком случае, у каждого на-

рода — свои каноны красоты, распространенные привычки. В племени батока, например, вырывали верхние резцы, чтобы было, как у милых сердцу коров; на Малайском архипелаге, стесняясь белых, как у собаки, зубов, красили их черной или красной краской; индейцы в Парагвае, чтобы не быть «как лошади», выщипывали брови и ресницы; новозеландцы, не уважая бороду, провозглашали: «Нет жены для волосатого мужчины!», в то время как во многих других племенах холят и лелеют бороду.

В США в штате Массачусетс по существующему законодательству можно носить бородку клином только в том случае, если платишь за нее налог. Надо полагать, его никто, несмотря на бороды, уже не платит, но параграф существует!..

У американца при разговоре глаза, брови помогают воспринять то, что говорят губы, в то время, как лицо японца не выражает ничего. Улыбается он полуулыбкой, тогда как американец оценивает положительно только широкую открытую улыбку. В Нью-Йорке, по сообщениям газет, в специальном институте за 200 долларов могут научить «очаровательно» улыбаться. Кто видел американский фильм «О, счастливчик!», помнит, как, стегая героя по щекам, его учили улыбаться, складывая губы, как при произношении слова «сыр». Американцам, как и европейцам, смех многих народов Африки («черный смех») кажется бессмысленным, потому что они не знают: там смехом принято выражать изумление, замешательство, удивление.

Л. Толстой, описавший разнообразие многочисленных улыбок, смеха, замечает: «Есть люди, у которых одни глаза смеются — эти люди хитрые и эгоисты. Есть люди, у которых рот смеется без глаз — это люди слабые, нерешительные, и оба эти смеха неприятны». Можно не соглашаться с этим высказыванием, но приходится учитывать, что люди, оценивают друг друга, ориентируясь на внешность и манеру держать себя.

А. Макаренко, о котором К. Чуковский писал, что он всегда разговаривал «без лишних жестов и суетливых улыбок», вспоминал о коллегах: «Я им рекомендовал держать себя всегда с достоинством, искренне, весело, бодро, серьезно, но с большим торможением мускулов лица».

Наш этикет предписывает во внешности исходить из того, что способствует здоровью человека, и ценить больше всего то, что говорит о хорошем самочувствии — стройную осанку (правда, моды на сутулых никогда не было), легкую походку, блеск волос и глаз, гладкую кожу, белые зубы, улыбку на лице.

Независимо от моды (а в 80-е годы она возвращается к более округлым женским и более устойчивым мужским фигурам) приходится исходить из того, что подарила нам природа, хотя это не исключает и некоторого вмешательства. Во всяком случае бессмысленно чувствовать себя несчастным только из-за того, что она не одарила такой внешностью, которой бы нам хотелось.

Во-первых, потому, что красота — не гарантия счастья, во-вторых, внешность обостренно воспринимается лишь в начале

общения, после чего глаз адаптируется и к красоте, и к ее отсутствию, и отношения зависят от сути человека, а значит, от самих нас, нашего отношения к себе и окружающим. И в-третьих, испокон века, независимо от модного типа, любили разных: во времена Рубенса — худеньких и маленьких, во времена Иды Рубинштейн — беззащитных дам с собачками, а также пышных кустодиевских красавиц. Вкусы различны. И люди независимые ориентируются на них, а не на моду. Мог же А. Южин — как вспоминает Н. Луначарская-Розенель — «большой эстет и ценитель женской красоты» — в период моды на бледных, слабых женщин заметить возмущенно актрисе, которая при коллегах похвалилась, что похудела на двенадцать фунтов: «Потерять двенадцать фунтов такого добра?! Это непростительная рассеянность».

Современная медицина советует во имя здоровья соблюдать меру: в наш торопливый век носить лишние килограммы — обременительное излишество, но и терять во имя моды необходимое для нормальной работы организма неразумно. Во всяком случае, большинство врачей, как правило, говорит об индивидуальном подходе и предостерегают от крайностей.

Понятие красоты очень относительно даже в определенную эпоху. Как отмечает один из ведущих наших модельеров: нет красавцев, в которых все было бы совершенно, как нет и людей, у которых не было бы чего-нибудь красивого. Каждому дано изучить себя, скрыть или хотя бы смягчить недостатки и подчеркнуть достоинства. При этом следует учитывать, что психологи доказали: глаз и сознание человека в первую очередь воспринимают основной силуэт, крупные детали, то есть сначала видится стройность или бесформенность фигуры, пластичность или неуклюжесть походки, постановка головы, прическа и т. п., и лишь потом — мелкие формы — нос, глаза,— как раз то, что мы разглядываем наиболее внимательно, глядя на себя в зеркало, редко оценивая себя объективно. И если человек решит, что он некрасив, это сразу же сковывает его, а значит, и в самом деле делает неловким, мешает стать привлекательным.

Точно так же, как самовлюбленность, самонадеянность в каждом движении вызывают либо насмешку, либо неприязнь.

Помимо нашего отношения к себе и людям внешность отражает душевные качества, уровень культуры, широту или узость интересов — все, чем жив человек. И бывает, трудно сказать — красив человек или нет. Вроде бы черты и далеки от совершенства, а человек кажется неотразимо прекрасным. Так, например, отзывались о Пушкине, Полине Виардо. Не случайно, наверно, все чаще употребляется выражение «нестандартная красота» в наш век, когда стандартного так много.

К тому же красота сопровождает человека не всегда. Одних она балует в детстве, юности, к другим приходит в зрелости и даже в старости. Бывает, после встречи с бывшими одноклассниками или одноклассницами удивляются: куда девалось былое очарование, почему его не видно, несмотря на модную одежду

и ухоженный вид. Пустота или суетность прожитых лет оставили свой след. А труд души — оставляет свой. Скульптор С. Коненков писал, например, о поразительной разнице между юношескими и поздними портретами А. Чехова. Требовательность, с которой Антон Павлович относился к себе, и сочувствие, с которым — к людям, превратили его из Антоши Чехонте во всемирно ценимого писателя и сделали его ординарное грубоватое в молодости лицо одухотворенным и изысканным.

Не случайно французы говорят, что если ты некрасив в 17 лет,— это твоя беда, но если остался некрасивым в 30,— это твоя вина. И естественно, что одной косметикой и стрижкой привлекательность не обретешь. Ведь замечают многие, как богата красивыми людьми Болгария, хотя там почти не пользуются косметикой: пластичность, стройность фигур, здоровый цвет лица, живой блеск глаз, теплые, приветливые улыбки красят и малых, и старых.

Сократ заметил как-то молодым людям: если они видят себя в зеркале красивыми, не следует разрушать эту красоту безобразным поведением и неблаговидными поступками. Тот же, кто видит себя в зеркале некрасивым, должен стремиться исправить недостатки природы прилежанием и разумом.

> Независимо от моды, от вкусов красивым в настоящее время считается полное жизненных сил, здоровья, тренированное тело, содержащееся в абсолютной чистоте.
>
> Французский еженедельник «Эрклер» советует своим читателям. Чтобы быть опрятным, надо:
>
> каждый день мыть или обтирать все тело; устранять запах, если подвержены потливости, специальными составами;
>
> чистить зубы утром и вечером, а после каждой еды прополаскивать рот;
>
> содержать руки в порядке, для чего достаточно иметь крем для рук, ножницы и пилку для ногтей;
>
> снимать лак с ногтей, как только он начинает покрываться трещинами.

К этому можно добавить, что грязную работу многие делают в перчатках. И если женщина, которой длинные ногти порядком мешают, оберегает и холит их, то делает она это не только из-за стремления придать руке изящество, но и из желания, несмотря на всяческие заботы, сохранить привлекательность, показать, что ей все эти бытовые хлопоты нипочем. Длинный же ноготь на мизинце, которым щеголяют некоторые мужчины, выглядит несовременно: в наш век популярна трудовая мужская ладонь. Само собой разумеется, что как для мужчин, так и для женщин грязь под ногтями не служит украшением. Чтобы она не попадала туда во время грязной работы, можно потереть край ногтей о влажный кусок мыла. Как и во времена Руссо, Пушкина, и праздные, и деловые люди, думая «о красе ногтей», не должны заниматься ими

на людях. Даже рассматривать их (как, впрочем, и любую другую часть своего или чужого тела) считается неучтивым.

Оставаясь наедине с зеркалом, самое пристальное внимание уделяют прическе. Лаборатория конструирования и моделирования стрижек, учитывая общий стиль, подсказывает модные силуэты. Каждый же выбирает для себя свою прическу, учитывая структуру волос, форму головы, тип лица, длину шеи, форму плеч, рост, возраст, стиль одежды, образ жизни и собственный характер.

Для женщин классическими, подходящими для большинства случаев, считаются простые стрижки и длинные волосы, собранные на время работы.

Для мужчин классической считается стрижка (не требующая большого ухода, поскольку мужчины не слишком привязаны к зеркалам).

Женщины, которые не расстаются с зеркалом целый день, позволяют себе более сложные варианты, не забывая, что прическа, как и одежда, бывает рабочей, домашней и праздничной. Первая, чтобы не отвлекать от дел и не создавать внутреннего напряжения, несложна. Последняя может быть более замысловатой. Домашняя же — какая душе угодно, кроме неряшливой: нельзя, чтобы самые дорогие люди видели нас в самом неприглядном виде.

Если верить героине пьесы Л. Зорина «Варшавская мелодия», то женщины — немножко обезьянки, все увиденное — прически, жесты, платья — примеряют к себе: подходит ли.

Какая бы прическа ни была выбрана, она украшает и женщину, и мужчину только, если волосы опрятны, не лоснятся от жира, если голова не покрыта перхотью. Сейчас выпускается достаточно средств, чтобы не позволять себе этого.

Расческой, щеткой для волос, как и зубочисткой, пользуются индивидуально, не забывая их чистить: зубную щетку — оставляя намыленной на ночь, расческу — отмывая мылом, специальной мочалкой, прочищая спиртом.

И если Овидий советовал не красить лица, но расчесывать волосы при любимом, то советский этикет обращает внимание, что при посторонних ни того, ни другого делать не принято.

Пользуясь косметикой, не стоит забывать, что чистая кожа тоже дышит, участвует в обмене веществ, убивает микробы, и потому не стоит мешать ей исполнять свое назначение. И — какова бы ни была мода и пристрастие к ней — в косметике, как и во всяком искусстве, больше всего ценится чутье, умение не переступить тот порог, за которым вместо красивого получается вульгарное, а человек превращается в ходячую рекламу парфюмерного магазина.

Признаком хорошего вкуса всегда считалось умение пользоваться красками незаметно, подчеркивая достоин-

ства и затушевывая недостатки с учетом того, что дневная косметика менее интенсивна, чем вечерняя, из расчета на электрическое освещение.

Питая пристрастие к духам, учитывают, что обоняние обостряется весной и летом. И потому в теплое время года духами пользуются сдержаннее. Собираясь на работу, в гости, театр, пользуются духами также умеренно, поскольку в теплом помещении запах становится более резким. А принимая во внимание влияние на аромат духов запаха кожи, для молодых выбирают более нежные духи, чем для пожилых, для мужчин с более сильным запахом, чем для женщин. Но и те, и другие наносят духи, как и дезодоранты, только на чистое тело. Дезодоранты — у источников запаха, одеколоны — после бритья, духи — там, где они дольше всего держатся — за ухом, у запястья (на ткань не рекомендуется, так как могут остаться пятна). Пользуются духами, как и косметикой, в соответствии с правилом: «Лучше меньше, чем больше». Нельзя, чтобы окружающие задыхались от чьих-то излишеств.

Правильная ритмичная походка, равномерные движения важны не только для нормальной работы внутренних органов, но и для настроения. Как отмечают психотерапевты, ровная спина, расправленные плечи, голова, посаженная прямо — так, словно затылок упирается в небо, свободное дыхание, улыбка (если некому рядом, то самому себе) — все это поднимает настроение, снимает угнетенность, которая даже на глаз читается в опущенной голове, ссутуленных плечах, тяжелой походке.

Угрюмое выражение не красит никого. Самый привлекательный вид лица — приветливый.

Кстати, именно такими мы видим себя в зеркале. Ведь как бы ни были сердиты на себя, все равно, поворачиваясь к зеркалу, знаем, что увидим сейчас в общем-то хорошего человека. И смотрим на него (на себя то есть) вполне доброжелательно. Вот так и рекомендуется смотреть на окружающих. Будто все они — ближайшие друзья или среди них находится тот, кто вам милее всех. Такой взгляд и человека делает красивее и вызывает доброжелательное отношение к нему.

Если улыбка красит каждого, о смехе этого не скажешь. Слишком громкий смех, привлекая внимание, вызывает обычно иронию, как и всякие раскачивания тела, движения руками при этом. Смеясь, рот рукой давно уже не прикрывают. Его, вместе с носом, прикрывают платком при чихании и кашле, стараясь производить, как и при чистке носа, поменьше шума. Нос чистят только с помощью платка. Плевательниц, существовавших когда-то, давно уже не выпускают: сплевывать или сморкаться на пол, на тротуар считается грубейшим нарушением правил.

Одежда. В своем желании нравиться человек не ограничивался тем, что протыкал нос и уши, добивался косоглазия, де-

формировал голову и ноги. Естественно, что он и одежду использовал для того, чтобы производить впечатление.

Отражая уровень развития общества, одежда постоянно меняла свой вид соответственно моде.

Мода — от французского «манера» — способ носить или употреблять что-либо, явление далеко не такое простое, как это иногда кажется. Бальзак не случайно писал, что глуп тот, кто в моде видит только моду.

Мода существует на все, даже на идеи. Но заметнее всего ее владычество в одежде. Хотя господство моды и здесь весьма обусловлено: она зависит не только от климата, но и от материальной, духовной культуры общества, его социального, экономического, нравственного, эстетического развития.

Объясняется мода естественной, психологически обоснованной потребностью человека и в новизне, и в подражании. Определяется она достижениями науки и техники: появление иглы, ткацких станков, синтетических тканей и т. д. открывает новые страницы в истории одежды. Мода ограничивается общим стилем — относительно устойчивым направлением, в котором создаются произведения архитектуры, искусства, литературы, вещного мира. В ней находят отражение события, волнующие общество: победа и поражение революции, полет человека в космос, олимпийские игры и многое другое. На нее влияют популярные произведения литературы и искусства, выдающиеся личности («боливар» времен Онегина, строгие платья в подражание Ермоловой, свитер — Хемингуэю и т. д.). Не обходится мода и без игры воображения художников-модельеров, которые должны предугадывать характер завтрашнего дня. Все это заставляет видеть в моде явление не случайное, а закономерное, отражающее глубинные процессы, происходящие в обществе.

Но в то же время ее нередко называют легкомысленной, вздорной, пустой. Не только потому, что человек пользуется ею, чтобы самоутвердиться, а порою и выделиться, и не потому, что, бывает, ею правит случай (жилет «спенсер», например, возник из-за рассеянности графа Спенсера, задремавшего у камина и отрезавшего после этого прогоревшие фалды фрака.) Но иногда она являет миру нечто весьма далекое от здравого смысла: от моды на тесные корсеты болели чахоткой, из-за легких прозрачных тканей в неподходящее время года простуживались и умирали, из-за высоких платформ ломали ноги. Как говорят специалисты, бывает и плохая мода, и мода на плохое. Ее использовали не только для того, чтобы продемонстрировать свою красоту и красоту одежды, но и собственную власть, богатство.

Появившись как покров от непогоды, одежда в классовом обществе сразу же одних противопоставляет другим, превращается в «товарный знак» на человеке, говорящий о его месте в системе общественных отношений. Как пишет Е. Киреева в книге «История костюма», уже в Древнем Египте костюм (к которому ученые относят, помимо одежды, обувь, украшения, аксессуары, прическу, косметику) носит классовый характер.

Теплый климат, совершенные строения и вещи оказывали влияние на одежду древних греков: она была простой, удобной и изящной. Костюм напоминал стройные колонны храмов. Особого разнообразия в нем не было: мужчины и женщины набрасывали на тело льняные или шерстяные ткани, закрепленные у плеча, на ноги надевали сандалии.

В древнем Риме, ненасытном в своем стремлении к роскоши, приходилось издавать закон, чтобы ограничить жадное стремление перещеголять друг друга в одежде, украшениях.

В средневековье, культивируя ангельскую бесплотность, тело всячески упрятывали под ткань. В романский период в соответствии с архитектурой, искусством одежда массивна и тяжеловесна. Символичность, характерная для средневековой культуры, сказывается и на цвете костюма: знать носит светлые тона, народу оставлены темные. Белый цвет означал чистоту и веру, черный — скорбь и верность, голубой — нежность и т. д.

Впервые появляются штаны. Они понадобились знати, воевавшей на лошадях.

Активное развитие ремесел, формирование цехов приводит к появлению сословных костюмов. С XIII в. издаются законы о рангах в одежде.

С конца XII — начала XIII веков — в период готики — одежда становится облегченной, графичной, с преобладанием вертикальных линий и острых углов. Вслед за появлением у рыцарей опознавательных значков, превратившихся со временем в гербы, одежда аристократов начинает делиться, аналогично полю герба, по вертикали, горизонтали и окрашивается в разные цвета. Обувь соответственно может быть разной по цвету. По длине она достигает 50 см. Впоследствии этот костюм сохраняется только у шутов.

Женщины украшают себя островерхими колпаками чуть ли не метровой длины. Появляются новые детали одежды — воротник и вшивной рукав.

В XV веке при самом богатом бургундском дворе одежда крайне экстравагантна: ее отделывают бубенцами, украшают кинжалами и кошельками. Не случайно период этот назван карнавалом мод. Опять появляются постановления, налоги, направленные против роскоши и излишеств в одежде, которые вызывают осуждения настолько, что автор одной из средневековых хроник связал с ними даже поражение Франции в войне: «Бог послал эту напасть на нас за грехи наши потому, что тщеславие Франции было велико и несообразность одежд и разного платья переходила из одной крайности в другую: одни носили платья, имевшие вид зубчатого лоскута, до того короткое, что если одетый в него нагибался, то стоявшие сзади могли видеть его панталоны и то, что ими прикрыто. И панталоны были так узки, что надевать их без посторонней помощи было невозможно. Другие одевались, как женщины, в длинные платья со множеством складок и в штаны, одна половина которых была не похожа на другую: рукава висели до земли, так

что эти люди были похожи скорее на шутов, чем на честных людей, а потому и не удивительно, что за подобные безрассудства, превысившие всякую меру, бог наказал нас бичом своим — королем Англии».

В эпоху Гуманизма человек из ангела во плоти или дьявола в человечьем обличье превращается в личность — ловкую, предприимчивую, порою беспринципную или даже коварную, но полную человеческого достоинства, любви к земной жизни, художественно образованную. И потому одевается он ярко, в умеренную по длине и ширине одежду. Лишенная какой бы то ни было утрировки, она подчеркивает человеческие пропорции, формы. Исчезает все, что говорило о непричастности к труду: длинные рукава, шлейфы, затянутая талия и т. д. Мода помогает теперь выразить не сословное, а имущественное положение человека.

Появившиеся в средневековье перчатки пользуются в эпоху Возрождения большой популярностью. Знать так активно уничтожает друг друга ядами, что порою рискованно прикасаться рукою к книге или какому-либо другому предмету.

Впервые входят в употребление носовые платки, а также нижнее белье, чулки.

В XVI веке тон в моде задает уже не Италия, переживающая кризис, а Испания. Освобождение от восьмивекового мавританского владычества и превращение в могущественную морскую державу, гнет католической церкви, инквизиции — все это находит косвенное отражение и во внешнем облике испанцев. В нем в первую очередь читаются демонстративное чувство собственного достоинства и строгая подчиненность догмам этикета.

Аристократия носит черные одежды, чтобы подчеркнуть белизну кожи, отличной от мавританской. Костюм, созданный по строгой схеме, придает горделивость осанке, медлительность походке, наглухо упрятывая все тело. Фигура аристократки уподобляется двум равнобедренным треугольникам, соединенным вершинами, что достигается специальными подкладками и металлическим или тростниковым каркасом (нечто подобное надевают на Офелию в фильме М. Козинцева «Гамлет»). Вниз надевается одно платье, поверх — другое, юбка которого, натянутая на каркас, называется вертюгард — «хранитель добродетели».

Во второй половине XVI века впервые появляются каблук и складной веер, который в руках испанки превращается в активное средство общения: не открывая рта, она способна передать веером очень многое.

Французский этикет менее строг. Но он обязывает каждого светского человека иметь по крайней мере 30 костюмов, чтобы в течение месяца ежедневно появляться в новом. Генрих IV спешит издать очередной указ об ограничении излишеств. Воспринимая жизнь свою как сплошной маскарад, аристократы ходят на улице в масках. Женщины щеголяют новинкой — часа-

ми, которые вешают на поясе рядом с изысканными блохоловками, также очень популярными в это время, поскольку насекомые всякие вокруг человека лепились роем

В моду входят туфли с высокой (до 30 см) подошвой.

Английский костюм не менее наряден. И не менее пышен — судя по тому, что из-за панталон, набитых ватой, в парламенте приходилось расширять места для сидений.

Шляпы — по постановлению Елизаветы — предназначаются только для дворянских голов.

В XVII веке во Франции выходит эдикт о роскоши, на этот раз подписанный Ришелье. Но изменить положения он не может. Франция, упиваясь праздностью, становится законодательницей мод для всей Европы. Пока не появились первые журналы мод (1672 г.), ежемесячно посылаются в ряд стран (в том числе и Россию) две куклы — Большая Пандора , одетая в придворное платье новой моды, и Маленькая Пандора, знакомящая с «неглиже».

После Французской буржуазной революции костюм постепенно перестает быть классовым. В XIX в. существенна разница между городским, подверженным быстро меняющейся моде, и сельским, сохраняющим народные традиции, костюмом

Мужской городской костюм становится все более сдержанным, деловым и к 70-м годам приобретает характер, который продержится потом без существенных изменений около ста лет, почти до наших дней.

Праздная женщина на фоне занятого делом мужчины продолжает роскошествовать.

В середине века женщины носят столь яркие одеяния, что по словам современника, приведенным в «Истории костюма» Е.Киреевой, одного упоминания о них было достаточно, чтобы привести в ярость всех быков Андалузии.

Начиная с середины века борьба за независимость женщины развитие спорта приводят ко все большему упрощению и женского костюма.

На моду оказывают влияние литературные герои, модные авторы, театр, который становится доступным городскому населению.

Появление электричества привело к тому, что предприимчивые ювелиры изготовляют, а модники носят золотых зайцев, бьющих в барабан, птиц, машущих крыльями, черепа с движущимися челюстями, которые приводятся в действие при помощи батарейки.

Народному костюму, даже нарядному, всегда свойственна целесообразность и рациональность силуэта и деталей. Он устойчивее во времени, самобытен.

Есть народы, где этикет предписывает и мужчинам, и женщинам ходить в юбках (Бирма) или брюках (Вьетнам). У одних народов неприличным считалось появляться на людях с непокрытой головой, у других — с неприкрытой ногой, у третьих — с открытым лицом. А. Дридзо и Л. Минц в книге «Люди и обы-

чан», говоря о своеобразии правил приличия, рассказывают о народах Меланезии, живущих в одинаковых климатических условиях и находящихся на одной ступени развития. Там есть племена, где и мужчины, и женщины носят набедренные повязки, но есть и такие, где ни те, ни другие не носят их. Есть племена, где прикрытыми ходят только мужчины, и племена, где прикрываются только женщины — мода хозяйничает уже тут, а нравственным считается то, что общепринято в данном обществе, не противоречит сложившимся убеждениям.

В Бразилии, как и Таиланде, считается неприличным носить тропический шлем: жители этих стран убеждены, что у них не настолько жаркое солнце, чтобы прятаться от него.

Европейские женщины, следуя моде, обнажают временами грудь. Японка в национальном костюме, который и теперь очень популярен, стремится сделать грудь плоской и, закрыв ее, обнажить шею, поскольку место, где шея переходит в спину, издавна считается в Японии особо привлекательным.

Рассказывая об англичанах в «Корнях дуба», В. Овчинников отмечает, что они, безусловно, не делают культа из одежды. Во всяком случае, никак не считают ее мерилом благосостояния. Английский модельер (о ней вспоминает Л. Васильева в «Альбионе и тайне времени») Пегги Грант решительно заявляет: «Я считаю, в наше время чем люди культурнее и образованнее, тем меньше они заботятся о туалетах... Но кто стремится быть одетым моднее других? Тот, кто, в общем-то, духовно не развит. Пытается заменить духовный вакуум внешним видом. Вот и все. Довольно просто».

Нечто аналогичное пишет об отношении к одежде американцев в «Летающих тарелочках» Ю. Нагибин. Он говорит об их безразличии к своему костюму при повышенном внимании к чистоте своего тела, которую они доводят до стерильности.

Французский писатель Андре Моруа в «Письмах к незнакомке» определяет стремление женщины нравиться как добродетель и воздает дань тем из них, которые с уважением относятся к моде, но заставляют ее считаться с собой. Вот что пишет он об умеющей одеваться француженке: «Женщина со вкусом на тему, предложенную модой, создает бесчисленное количество вариаций. Какой-нибудь яркий цвет, косынка, изящно продернутая через пояс или повязанная вокруг шеи с умелой небрежностью, какое-нибудь украшение или полное отсутствие безделушек — вот что ей нужно...» Демонстрировать богатство считается безвкусным уже в большинстве стран.

Русский костюм начиная с X—XII веков мало менялся на протяжении столетий: татаро-монгольский гнет, польское нашествие вызывали потребность оградить себя от влияний извне, сохранить национальную самобытность, что отразилось и в приверженности к традиционному наряду.

Мужчины носили льняные или домотканые шерстяные (сермяжные) рубахи, порты и лапти или сапоги, которые особенно распространены были в городе (при раскопках в Новгороде

на девять пар сапог приходятся одни лапти, хотя о них говорят, как об удобной обуви, но городская мода предпочитала сапожки).

Мужской костюм обязательно дополнялся шапкой.

Женщины носили такие же рубахи, только более длинные — до ступни и тоже покрывали голову разнообразнейшими уборами. Девушки ходили с непокрытой головой, волосы заплетали в косу.

Посадские люди и бояре поверх этих одежд надевали более нарядные, многоцветные, вначале по одной, а со временем, богатея, дошли и до пяти-шести. Груз носили на себе немалый: боярин до 15—20 кг, а царь и до 80.

От царя до крестьянина все носили зимой шубы — мехом внутрь, снаружи покрытые — при возможности — тканью. Одежды украшали мехом, вышивкой шелком, жемчугом. Любили всевозможные украшения из эмали, финифти, черненого и зерненого металла.

Петр, велев отказаться от старого, обязывал бояр да дворян одеваться по европейской моде. «Зерцало житейского обхождения» поучает: «По платью такожде примечается, что в ком есть благочинства, или неискусства: легкомысленная бо одежда, которая бывает зело тщеславна...— показует легкомысленной нрав...»

При Екатерине II уже издаются ограничивающие постановления об одежде.

А. Герцен писал об оставшейся со времен Петра приверженности к европейским образцам: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей,— с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая».

Светский костюм ориентируется на французский вплоть до революции. После нее пробуют категорически отказаться от всего, что связано со старым бытом — галстуков, шляп, шелковых чулок, украшений. Но моды совсем без традиций не существует, хотя в XX веке она существенно отличается от всего, что создавáлось раньше.

Учитывая дух времени, она приобретает все более спортивный характер. Женщина впервые обнажила ноги, мужчина — тоже впервые после античности — руки. Делает Он попытку обнажить и ноги, но это почему-то вызывает возражение у окружающих, и шорты Он позволяет себе пока лишь в походах и на курортах. Зато женщина, завладев брюками, пользуется ими — к великому своему удобству и пользе — везде и всюду, закрываясь зимой от холода и летом от солнца.

Обмен одеждами продолжается. Отдав брюки, мужчина берет у женщины рубашки с цветами, кружевами и рюшами. Потом добирается до каблуков. Но с ними у женщины так много связано: и пружинящая походка, и изящество ноги, и — главное — некоторая, едва заметная неустойчивость. Эдакий деликатный намек на необходимость поддержки.

Смирившись с тем, что теряет мужчину в качестве опоры, женщина стремится завладеть Его вниманием с помощью нового изобретения. Она отхватывает ножницами часть подола и предстает перед Ним в мини-юбке, которая так идет к Ее дерзким манерам, широкой походке и залихватским жестам, модным в это время. Через несколько лет выяснится, что по замыслу художника женщина с обнаженными ногами «сама того не подозревая, символизировала устремленную ввысь ракету». Почему-то. Но, видно, и не подозревая, Она своим женским чутьем что-то такое чувствовала, потому что готова была вылететь из юбки совсем. И когда вылетать уже оказалось не из чего. Она остановилась в растерянности. По мнению одного из ведущих наших модельеров, женщина стала слишком «легко читаемой», «ее пришлось выводить из тупика» и через «неудобное макси» и «некрасивое миди» приводить к «красоте классического стиля».

Современная мужская мода, переболевая «подростковый период» с его метаниями, готовностью к подражанию, к борьбе, обретает постепенно уравновешенность зрелости. Специалисты отмечают, что сформировалось несколько направлений современной мужской одежды: классическая — костюм с галстуком, молодежная — тяготеющая к яркости и разнообразию, некоторой экстравагантности, и деловая — свитер, куртки, джинсы и т. д.

Больше всего проблем с молодежной — как мужской, так и женской модой.

Мы одеваемся не так, как наши родители, а их одеяния не похожи на то, что носили наши бабушки и деды. Наши дети выглядят не так, как мы. И сетовать на это не приходится. Мы убедились уже, что изменения неизбежны. И откликается на них первой молодежь, у которой нет еще сформированных стереотипов, острее потребность новизны и экстравагантности, которая при малейшем нарушении меры легко превращается в вульгарность. В связи с этим встают и личные, и общественные задачи: в семье (а потом и самостоятельно) формировать вкус, а пропаганде и промышленности уделять молодежной моде серьезное внимание.

Как правило, при достаточных нравственных ориентациях эстетические оценки костюма со временем приобретаются. Не случайно модельеры говорят о «возрасте элегантности», определяя его где-то к 30 годам. Хорошие образцы одежды доступны, благодаря кино и телевидению, жителям любых точек страны. И если не ставить себе целью демонстрировать непременно импорт или дефицит, то можно спокойно, как это и делает большинство, хорошо одеваться, а не наряжаться, что требует уже неоправданных в условиях современной жизни затрат времени, душевных сил и материальных средств.

Современная мода, как никогда раньше, разнообразна и уступчива, готова к содружеству со своими почитателями. Более того, она призывает к соавторству: предлагая «заготовки» в виде свитеров, брюк, юбок и т. д., ждет творческого их использования.

Она с уважением относится к индивидуальности каждого, давая возможность всем выглядеть соответственно своему внешнему виду, вкусу, что свидетельствует об ориентации на возросшую культуру. И еще одна тенденция говорит об этом: современная мода с интересом обращается к национальному костюму, что тоже связано с выросшим самосознанием, стремлением сберечь все ценное, созданное в прошлом.

Мода, забегая в завтрашний день, постоянно при этом оглядывается назад. Впечатление такое, что, задумав ошеломить новинкой, она поглубже запускает руку в свою копилку, где хранит все, бывшее в употреблении, извлекает пригоршню, отбирает более подходящее случаю и, не желая повторяться, приклеивает, отрывает или деформирует что-либо в своей находке. После чего отправляет ее на конвейер. Дальше судьба новинки зависит от текстильной, швейной, обувной промышленности, от торговых организаций. Ведь мода сегодняшнего дня ориентирована на массовый пошив, чего не наблюдалось в прошлом.

Она стала демократичной. И потому, что обслуживает рабочего человека, и потому, что обращается за образцами, бытовавшими среди трудового народа: широко использует береты, куртки, свитера, джинсы, сапоги и т. д. Она в одинаковой степени принадлежит всем, без учета их положения. Лишь бы был интерес к ней.

Но даже будучи безучастными, мы все равно одеты в модный наряд — если не сегодняшнего, то вчерашнего дня.

Всегда были и будут люди, которым все надоедает и потому не терпится поскорее обновиться, быть впереди других в освоении моды. И в то же время всегда находятся люди, которые не любят перемен. Они привыкают к моде, когда она уже исчерпав себя, уходит. Все крайности бросаются в глаза, но шишек больше достается первым: новое активнее привлекает внимание. К тому же моду, как правило, первой осваивает молодежь, у которой не всегда еще сформирован вкус, а желание быть замеченным приводит к преувеличениям (из-за которых и возмущаются иной раз старшие).

Да и сама новая мода ведет себя на первых порах с демонстративной дерзостью, которую со временем теряет (художники-модельеры пишут о сознательном намерении «вызвать шок», чтобы привлечь внимание к новой моде). И глаз со временем привыкает к новым формам, и сознание реагирует на них спокойнее: то, что казалось странным, кажется нормальным.

В связи с этим специалисты говорят о моде завтрашнего дня (которая, может быть, и не получит признания, распространения), современной (той, которая распространилась среди большинства), отсталой (от которой большинство уже отказалось) и классической (элегантной, независимо от предложенных ежесезонных образцов).

Каждый выбирает для себя такую, которая больше соответствует его культуре, вкусам.

Молодые супруги, чтобы сохранить привлекательность друг для друга, учитывают вкус и своей половины.

Если Его раздражает увлеченность, с которой жена листает журналы мод и бегает в поисках новинок, может быть, имеет смысл несколько приостановиться, чтобы в бегах не утерять Его привязанности.

Если же Ей хочется, чтобы муж выглядел элегантнее, наверное, не стоит сопротивляться и упрекать Ее за это. Пусть Она даст возможность увидеть всем, как неотразим Ее спутник. Хотя лучше не надо. Не потому, что так спокойней. Но ведь супруга выбирают для себя, и чувство уважения к Нему, как и чувство собственного достоинства, делают несущественными чужие оценки Его внешнего вида, если Вас устраивает в Нем все остальное. Во всяком случае, не рекомендуется смотреть на мужа, как на куклу, которую хотелось бы принарядить: большинство нормальных мужчин не терпят такой роли. И с этим приходится считаться. Известная актриса Е. Кузьмина в книге «О том, что помню» рассказывает, как М. Ромм ни за что не соглашался на новый костюм, пока старый не протирался до дыр, и на ее сетования по этому поводу говорил:

«У каждого человека должна быть какая-нибудь странность. Будь довольна, что она безобидна...»

Ф. Кривин заметил в одной из своих «полусказок»: «Запонки очень изящны, они придают Рубашке элегантный и даже изысканный вид.

Но они мешают ей засучить рукава. А это в жизни так необходимо...»

Пусть они будут — и изящные запонки, и изысканные рубашки, только пусть не отвлекают, не мешают жить.

Все мы утверждаем себя в молодости (а иногда и много дольше), добиваясь признания по-разному — делом, знаниями, красотой, вещью, которую сумели достать. И от того, чем человек утверждается, его соответственно и оценивают, и воспринимают. Если тем, что на поверхности, если заботы лишь вокруг того, что купил и где достал, оценка невысока: сейчас общий культурный уровень так повысился и материальный настолько возрос, что эти заботы выглядят несущественными по сравнению с тем, чем может жить человек.

Наши бабушки вполне обходились немногими нарядами. И не только работницы и крестьянки, которые хранили выходное платье в сундуке, а в будни носили чаще всего одно-единственное. Но и аристократки не бывали расточительны. У Л. Толстого в «Анне Карениной» Долли дома ходит и даже в гости к Анне едет в залатанной кофте. Не потому, что была неряхой, но для большинства дворян «культ вещи» заключался в бережном, уважительном к ней отношении. Даже Анна — светская красавица, обдумывая свой гардероб к новому сезону, не в магазин едет за обновами, а решает, как освежить да подновить свои платья. Хоть и деньги были, и уделяла внимание своему внешнему виду, и выглядела безукоризненно. Характеристика ее

внешнего облика и сейчас повсеместно приводится, когда говорят о хорошем вкусе: «Прическа ее была незаметна... Ее прелесть состояла именно в том, что она всегда выступала из своего туалета, что туалет никогда не мог быть виден на ней. И черное платье с пышными кружевами не было видно на ней; это была только рама, и была видна только она, простая, естественная, изящная и вместе с тем веселая и оживленная».

Кстати, Вронский, желая дать Анне максимум счастья, окружает ее роскошью, но счастья новые платья ей не приносят. Как, впрочем, и никому другому они принести его не могут. Радость, чувство удовлетворения — другое дело. И то ненадолго: к вещи быстро привыкают. А тут у соседки или знакомой что-то новое появилось. И опять есть чему завидовать, если страдаешь этой болезнью. Так в постоянной лихорадке и держит зависть свои жертвы, давая недолгие радости и вечное напряжение, а то и раздражение. У Л. Толстого, как и у других писателей, не только значительные личности, но и просто хорошие люди вещной страстью не болеют. Не случайно, видно, и сам Л. Толстой, протестуя против паразитизма и роскоши, носил предельно простую одежду. Среди занятых делом, увлеченных людей щеголи редки: на несколько страстей сразу человека обычно не хватает. Да и когда есть в жизни что-то серьезное — дело, любовь к супругу, жене, детям — появляется иная шкала ценностей. И даже при тяге к красивому заботы о нарядах отступают, что никак не может влиять на изысканность внешнего вида.

В семейной жизни нельзя допускать, чтобы вещь вытеснила человека; она, как тень, должна знать свое место. Никакие одежды — даже из натуральных мехов — не согреют больше, чем тепло человеческого отношения. Когда одинокий человек развлекается покупками — это объяснимо. Но в семье ссоры по поводу того, что кому надеть, купить ли новый костюм несерьезны. Если молодой муж не будет забывать, что женщины, как правило, испытывают большую потребность в эстетическом оформлении и потому уделяют этим вопросам больше внимания (особенно радуясь Его участию, подаркам), а молодая жена учтет, что есть источники значительно больших радостей, чем наряды, они смогут найти ту золотую середину, когда средства, эмоции и время будут реализованы наиболее отрадным образом. Кстати, обычно так и бывает: в молодых семьях наблюдается спад интереса к нарядам, который с возрастом возвращается, особенно у женщин.

Свойственная молодости стройность осанки, упругость походки, живой блеск глаз, свежесть кожи полны такого очарования, что не нуждаются в усилениях. Неизбежно настанет время, когда свежесть станет не столь очевидна и тогда понадобятся «ленты, кружева, ботинки» — все, чем полна коробушка моды. А за это время придет трезвое понимание достоинств и недостатков своей внешности, умение использовать одежду, чтобы незаметно подчеркнуть первое и затушевать второе, чувство меры, независимости — все то, что связано с хорошим вкусом.

Когда-то В. Маяковский писал: «В моде каждой так положено, что без пуговицы нельзя, а без головы можно». В современной моде и без головы нельзя. К красивым вещам привыкли. От человека требуется больше того, что может дать наряд. В одеждах нет такой силы, чтобы поддерживать теплоту отношений, пусть ими хоть вся квартира завалена будет.

К тому же современные квартиры на завалы и не рассчитаны. В связи с этим и с возросшими возможностями семьи определилась сегодня новая неожиданная моральная проблема. Ратуя за экономию на производстве, многие выбрасывают (некому отдать) продукты этого производства — обувь, платья, костюмы, которые хороши во всех отношениях, кроме того, что вышли из моды. Не тот каблук или носок, не тот крой или фактура — и уже нет желания надевать вещь. Выбрасываются не только свои деньги, труд многих людей, но и природные ценности. Хотя знаем уже, что возможности природы не бесконечны и во многом зависят от нашего разумного или потребительского отношения. Появилось даже выражение «моральный» износ вещи, с которым согласиться трудно: вещь не несет в себе ничего ни морального, ни аморального. Таким может быть только наше отношение к ней.

Конечно, никто не станет призывать донашивать вещи обязательно до дыр. Но опять становится понятным, почему важно вырабатывать хороший вкус, который помогает приобретать вещи не только модные, но и удобные, способные быть полезными долго; почему нужно и в этих вопросах воспитывать чувство меры, умение приобретать необходимое и не обзаводиться лишним. Еще довольно часто шкафы у многих напоминают хранилище ненужных вещей, которые выбросить все-таки жалко,— совсем не сношены, а надевать не хочется — появились новые.

Зато когда дело доходит до украшений, тут порой не избегают излишеств. Когда-то в городах, сплошь застроенных деревянными строениями, женщина надевала на себя все, что могла: часто случались пожары, так что она представляла собой ходячую сберкассу. На Востоке, где основным наследником был старший сын, главным достоянием женщины были ее украшения. Она надевала на себя все, что дарил ей муж, щеголяла, демонстрируя все свои сокровища. Живой рекламой мужниных покупательных возможностей была и русская купчиха. Купеческий этикет поощрял соперничество, хвастовство, а отсюда — спесь и зависть.

Известный военный дипломатический деятель А. А. Игнатьев в своих воспоминаниях «50 лет в строю», рассказывая о каком-то дореволюционном параде драгоценностей, с чувством стыда говорил о тех русских богачах, которые, не умея увидеть художественной ценности, горделиво несли на себе украшения, довольные их стоимостью, размерами и количеством.

Случается и сегодня, что демонстрируют украшения, надев все, чем богаты, даже в будни, в рабочей обстановке.

От того, что надето на человеке, во многом зависит его состояние, настроение, поведение — неудачный костюм сковывает, удачный — придает уверенность, раскрепощает, парадный — приподнимает настроение, дает ожидание праздника. А удачный — это далеко не всегда модный (который для данного человека может оказаться неудачным), а тот, что подходит, украшает, выявляет достоинства.

Народная артистка СССР Т. Макарова заметила как-то, что самое интересное в одежде — на грани узаконенного модой и незаконного. Она пишет: «Каждый год на приемных экзаменах во ВГИКе я вижу десятки совершенно стереотипных девичьих фигурок. Они продуманно, часто даже удачно одеты, причесаны, подкрашены. Но начисто лишены индивидуальности, словно сошли с одного конвейера. Редко-редко мелькнет в этом стандартном потоке ни на кого не похожий, свой собственный облик. Мелькнет — и сразу невольно остановит внимание. К слову сказать, и на экзамене, с чисто профессиональной точки зрения, именно эти, непохожие, чаще всего заставляют говорить о себе». Заметьте, сказано не «свой собственный, на других не похожий наряд», и даже не «внешний вид», а «облик» — как проявление внутреннего мира, личности...

Мнение Т. Макаровой не исключительно. Его разделяет и один из ведущих советских модельеров В. Зайцев. Пропагандируя моду всеми доступными средствами, он писал в популярной газете: «Порой я с ужасом и тоской смотрю на тех, кого, кажется, должен был бы боготворить, — на верных приверженцев моды. Все-то у них есть — и дубленки, и замшевые пиджаки, и кожаные юбки, и сапоги на «платформе», но как же нелепо они выглядят во всем этом! Не люди, а какие-то манекены: костюм отдельно, его видно, а человека нет... Поэтому для меня, например, некоторые слишком дефицитные атрибуты моды являются символом антимоды, безвкусицы, дурного тона». По ним становится видно, что человек живет вещью, гордится ею, готов вне всякой меры тратить на нее свои силы, время, внимание.

Советский этикет предполагает оценку костюма, основанную не только на гигиенических и эстетических качествах. Костюм, как и все остальное, показывает отношение человека к себе и окружающим.

Уважение к себе в данном случае проявляется в том, что человек оформляет одеждой себя, а не несет всем на показ свои покупательные или доставательные возможности, что он руководствуется не только уличным («как все»), но и личным вкусом, своим образом жизни, внутренним миром.

Уважительное же отношение к окружающим проявляется в том, что учитывается их восприятие и потому демонстрируется обязательная для каждого опрятность и желательная эстетичность костюма. Неаккуратность в одежде свидетельствует не только о неуважении к окружающим, но и о несобранности человека. И хотя бывают случаи, когда она — проявление большой внутренней сосредоточенности (существует даже термин

«профессорская рассеянность»), чаще все же это признак небрежности. Не случайно известный полярный летчик В. А. Кречетов причину некоторых авиационных катастроф объясняет «неглаженными брюками пилота» как показателем его безалаберности.

Первое требование, предъявляемое к одежде, — аккуратность. Она всегда должна быть опрятной, выглаженной, без дыр, булавок, распоротых швов и оторванных пуговиц. Неприглядное впечатление производят стоптанные или нечищенные туфли; спущенные, перекрученные чулки (французы говорят: «Лучше две морщинки на лице, чем одна на чулке»); сумка, в которой нет порядка; мятый или несвежий носовой платок (особо предупредительные мужчины носят даже два носовых платка: один для себя, другой — во внешнем кармане костюма — для Нее. Вдруг понадобится извлечь соринку из Ее глаза или что-нибудь в этом роде).

До самого недавнего времени считалось дурным тоном ходить (тем более разговаривать с женщиной) в незастегнутом пиджаке, пальто.

Предпочитает Он пиджак, свитер или что-либо иное, брюки Его не должны напоминать гармошку, а шляпа первый блин.

От умения носить головной убор во многом зависит впечатление, которое Он производит на окружающих.

Современный советский этикет в вопросах одежды ориентируется не только на моду, но и на рекомендации медиков. И потому неприличной считается всякая одежда не по сезону, когда во имя моды, красоты человек готов рисковать здоровьем: летнее женское белье и капроновые чулки зимой, легкие туфли и непокрытая голова в морозы и т. д. Одежда должна находиться в прямой зависимости от погоды; англичане не случайно говорят, что нет плохой погоды, есть плохая одежда.

Обуви всегда уделялось особое внимание: от нее зависит не только осанка и походка, но и самочувствие.

Высокий каблук, столь притягательный для женщин и девушек, вреден в подростковом возрасте, пока не окрепли кости таза: он, как и тесная обувь, может оказать пагубное воздействие на здоровье.

Удобной домашней обувью считаются аккуратные, по размеру ноги тапочки, которые дают возможность отдохнуть ноге, при ходьбе не шлепают, не стучат.

Молодежь, стремясь к разнообразию, переменам, одевается в менее дорогую одежду, чем люди в возрасте. Дорогие или массивные украшения оставляют на более поздние годы. В будни украшения (независимо от возраста обладателя), как и одежда, должны быть неброскими, скромными, чтобы не отвлекать своего и чужого внимания от дела и выглядеть гармонично окружающей обстановке.

Особая атмосфера театра — его архитектура, освещение — обязывает к самому нарядному одеянию, сюда, как и на официальные торжества, являются во всем блеске.

На семейных праздниках предоставляют возможность выглядеть наиболее нарядно виновникам торжества.

В поездки берут минимум одежды, причем наиболее удобной, это касается и обуви.

Пижамы и пеньюары предназначаются только для спальни, халаты без пуговиц — для дома и пляжа. Появляться в такой одежде в иных местах (во дворе, поезде и т. д.), как и принимать в ней гостей, не принято.

Подчас мода неожиданно опрокидывает привычные понятия: подтяжки, например, как и майки, были той частью мужского костюма, которые скрывались от посторонних взоров. В конце 70-х годов подтяжки превращаются в украшение, а майки, правда, несколько другие по виду, начали носить вместо летних рубашек. Однако то, что пока еще относится к нижнему белью (мужскому или женскому), не демонстрируют посторонним. Женщинам, чтобы не выглядывали из-под платья бретельки, еженедельник «Эрклер» советует к внутренней стороне плечевого шва платья без рукавов пришивать планку из тесьмы, закрепляя ее с одной стороны наглухо, с другой — на кнопку.

Приходя домой, переодеваются. Рабочую одежду, обувь чистят, приводят в порядок, если надо, проветривают и вешают или ставят в шкаф.

В семейном кругу каждый носит то, что находит нужным. Одежда может быть и экстравагантной, и старой, перешитой, комбинированной — какой душе угодно. Главное, чтобы она была гигиеничной, удобной и красила, а не деформировала человека, как вытянутые на коленях, локтях и прочих местах костюмы. Не следует носить также то, что «на люди» надеть стыдно, а выбросить жалко: перед самыми дорогими людьми стараются предстать в привлекательном виде.

Умению красиво одеваться, элегантности учат не только журналы мод, но и искусство — телевидение, кино, театр, литература.

Еда. «Пшеница — это нечто большее, чем телесная пища, — заметил А. Экзюпери. — Питать человека не то, что откармливать скотину. Хлеб выполняет столько назначений! Хлеб стал для нас средством единения людей, потому что люди преломляют его за общей трапезой. Хлеб стал для нас символом величия труда, потому что добывается он в поте лица. Хлеб стал для нас непременным спутником сострадания, потому что его раздают в годину бедствий».

Человек изголодавшийся ест совсем не так, как проголодавшийся, для которого имеет значение, что, как, с кем он ест.

Известно, что первобытный человек питался крайне неравномерно: когда удавалось добыть что-либо. После удачной охоты наедались впрок, сколько вмещалось.

Уравновешенные греки в будни не уделяли еде особого внимания. Ели, когда захочется, на ходу, хлеб, овощи, фрукты — сырые, сушеные. Раз в день обжаривали на вертеле мясо или рыбу, выкладывали кушанье на общее блюдо, отрезая ножом себе куски. Ели их, держа в руках, запивая овощными и фруктовыми отварами, вином, разбавленным водой. Греческая керамическая посуда, лишенная каких бы то ни было лепных украшений, до сих пор восхищает совершенством своих форм.

Римляне в первой половине дня тоже ели на ходу фрукты, овощи, хлеб с медом, сыр. Обед же у знатных нередко превращался в пир, который затягивался заполночь. Стол покрывался скатертью, на него ставилась пышно декорированная посуда. Подавалось до 50 разнообразных блюд, из которых соловьиные язычки — не единственное, чем тешилась пресыщенность невоздержанных патрициев.

В средневековых городах завтракали когда и чем придется, к обеду же собирались всей семьей. Ели из металлической или деревянной посуды, которая изготовлялась ремесленниками со всей тщательностью и художественным вкусом, как произведения искусства (не случайно ее относят, как и многие из вещей, что служат человеку, к прикладному искусству).

Правила поведения предписывали друг у друга кусков не перехватывать, двумя руками мясо не держать.

Вокруг стола бродили собаки, которые питались здесь же. Руки вытирали об их шерсть, о скатерть или об одежду.

Организованный труд, требовавший все большей регламентации, упорядочивает день, в том числе и питание: завтраки, обеды, ужины в XVII веке становятся регулярными.

Начинают готовить супы и жаркое. В связи с этим на стол выставляются вилки, ножи, ложки, бокалы, стаканы и тарелки. В буржуазных домах пользуются фаянсовой, стеклянной, металлической посудой, которая в зависимости от общего стиля делается лаконичной по форме или пышно декорируется.

Не случайно в XVII веке зарождается новый жанр живописи — натюрморт, в котором художники с предельной тщательностью воссоздают на холсте посуду, фрукты, овощи, дичь, приучая человека не просто пользоваться дарами природы, а получать от их красоты, как и от совершенства творений рук человеческих, эстетическую радость.

В народе наиболее распространенной посудой начиная с первобытных времен была керамическая и деревянная. И та, и другая делалась не только удобной, но и красивой.

С появлением машинного производства, удовлетворившего потребности в предметах первой необходимости, народные промыслы на время потеряли свое значение. И ожили в наши дни, когда, привыкнув к красоте серийных вещей, люди потянулись к неповторимости вещи, сделанной человеческими руками, вещи, в которой отражается мастерство, а порой характер и даже — настроение другого человека. Хоть и опосредованное, а общение...

Непосредственное же общение за столом определяется, как и индивидуальное поведение, правилами этикета. Они хотя и зависят от образа жизни, средств питания, но в основе своей более рациональны, чем, скажем, мода в одежде, и потому меняются во времени не так значительно. В этом нетрудно убедиться, прочитав наставления почти трехсотлетней давности: «вилками и ножиком по тарелкам, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть, и не стучать», «... не дуй в ушное чтоб везде брызгало, не сопи, егда яси, первой не пий, будь воздержан и бегай пьянства, пий, и яждь сколько тебе потребно, в блюде будь последний, когда часто тебе предложат, то возми часть из того, протчее отдай другому... не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем... не грызи костей, но обрежь ножем,.. хлеба приложа к грудям не режь,.. над ествою не чавкай... и головы не чеши, не проглотя куска не говори,.. около своей талерки не делай забора из костей, корок хлеба и протчаго».

Более, чем исторические, заметны различия классовые (обед Потемкина отличался от обеда его крепостного, и их поведение за столом было, соответственно, различным), сословные (аристократы, например, разрезали яблоко на кусочки, купцы пили чай из блюдечка, крестьяне подставляли хлеб под ложку с супом, когда несли ее от общей миски ко рту).

Существенны национальные различия в том, что едят (одни народы любят еду, о которой другие и слышать не хотят), и в том, какими правилами при этом пользуются (папуасы Новой Гвинеи, например, в знак дружбы протянут обглоданную наполовину кость, что в европейских странах покажется предосудительным).

Немало пишут о хлебосольстве нашего народа, который любит и много, и вкусно поесть; о гурманстве французов, которые ценят вкусную, но в небольших количествах еду; об ограниченности стола англичан с их традиционной ежедневной овсяной кашей на завтрак и пудингом с индейкой на рождество; о деловой рациональности питания американцев, с детства привыкающих к консервированным продуктам. В Японии невзыскательность, безразличие к еде культивировались веками как добродетель; и сегодня миска с горячей лапшой — типичный обед большинства, независимо от служебного положения.

Проблемами питания в различных странах мира занимаются в системе ООН Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО). По их данным, одна треть человечества имеет достаточное по калорийности, хорошо сбалансированное по составу питание, а две трети находятся на грани недоедания и голода. На Всемирном продовольственном конгрессе в Риме в 1974 году отмечалось, что хронически остро голодает 462 млн. человек. Из них 40 % детей.

Вторая тревожная проблема современного питания — переедание, влекущее за собой немало бед и даже трагических последствий.

В еде, как и во всем, безусловный показатель культуры — мера. Разумеется, индивидуальная для каждого.

Диетологи разных стран разрабатывают научно обоснованные рекомендации полноценного питания, в котором количество и качество продуктов соотносятся так, чтобы соблюдался энергетический баланс, восполнялась энергия, затраченная организмом в процессе его жизнедеятельности. Затраты энергии зависят от климата, возраста человека, пола, роста, обмена веществ, характера труда и отдыха.

Полноценное питание обуславливается разнообразной пищей, в которой имеются в нужном количестве белки, жиры, углеводы, витамины и минеральные вещества. Питание может способствовать здоровью, лечить болезни, но может и вызывать их.

В печати появляются самые разнообразные системы питания — от усложненных по набору продуктов до полного голодания. Институт питания Академии медицинских наук СССР рекомендует для большинства ежедневную четырехразовую еду в определенное время.

Если семья питается дома, желательно составлять меню на несколько дней, чтобы избежать однообразия; готовить еду так, чтоб максимально сохранить полезные свойства продуктов, подавать пищу на стол с учетом эстетического вида ее. Есть основания полагать, что со временем мы ежедневно будем пользоваться услугами общественного питания. Но пока еще оно по своему качеству, а порой и по цене не всегда способно соперничать с домашним. И поскольку от полноценного питания во многом зависит здоровье, в семье ему приходится уделять серьезное внимание. Экономить за его счет на покупки, сбережения неблагоразумно. Экономить нужно за счет рациональной покупки, сбережения, приготовления продуктов. Этому необходимо учиться у родителей, по книгам, у более опытных хозяек.

Многие специалисты по семье отмечают, что нормально налаженное питание — одна из основ стабильности семейных отношений: голодный мужчина (впечатление такое, что и женщина тоже) становится раздражительнее. С этим можно не согласиться, но кормить семью надо заботливо. Причем раньше эту обязанность делили: мужчина давал средства, женщина, оставаясь дома, заботилась о приготовлении пищи. Сейчас средства в основном приносят оба, а с обедами управляются в каждой семье по-разному. Кто-то всерьез, понимая, что это важно для здоровья, кто-то превращая и эту первейшую потребность в удовольствие, а кто-то беспечно питаясь как, когда и чем придется — оба не умеют или не хотят заниматься кухней.

Хотя время уплотнено сейчас у всех предельно, экономить его за счет еды — легкомысленно. Если из-за учебы, работы не удается наладить совместные завтраки, обеды или ужины в будни, неплохо в те выходные дни, когда семья не отправляется за город, собираться вместе за обеденным столом в положенное время, сделав его и временем отдыха и приятного общения.

Если молодые живут отдельно, но в том же населенном пункте, время от времени приглашают родителей на воскресные обеды к себе, а не только ходят к ним. При этом много блюд не готовят, стараясь, чтобы все было вкусно приготовлено и в рациональной последовательности подано так, чтобы насыщение пришло лишь с основным горячим блюдом. Приглашают на завтрак, обед, ужин, на чай, кофе.

В будни обедают сейчас чаще всего на кухне, поэтому необходимо сохранять в ней не только чистоту, но и уют, чтобы всем членам семьи было приятно находиться здесь, а еда приносила пользу и доставляла удовольствие.

Во время приготовления пищи дверь кухни прикрывают, чтобы запахи не распространялись по всей квартире. После приготовления кухню проветривают, стол, плиту сразу же приводят в порядок, освобождают от ненужной посуды, моют, складывают ее на место, подметают или протирают влажной тряпкой пол.

Нередко бывает, что у старших есть свои привычные места за столом, своя посуда. Молодым в новом доме не мешает осведомиться об этом.

В будни в большинстве семей пользуются непокрытым столом или покрытым клеенкой. В выходные дни и праздники его накрывают скатертью или салфетками.

Многие имеют посуду, предназначенную для гостей: приятно, когда праздничный стол выглядит нарядно. Но уважая себя и близких не меньше, чем гостей, в будни тоже с вниманием относятся к сервировке стола. Так как в обычные дни готовят блюд меньше, то сервировка, естественно, проще.

Все приборы самой сложной сервировки рассчитаны на то, чтобы помочь человеку наиболее удобным способом справиться с едой, доставляя при этом эстетическое удовольствие окружающим или уж, на крайний случай, не портя им аппетита.

Предметы кладутся и ставятся таким образом и в такой последовательности, чтобы ими удобно было пользоваться: ножи, вилки, ложки ручками к сидящим, чашки, соусники, молочники и т. д. — ручкой вправо, ложки и ножи справа, вилки слева тарелки, ножи острой стороной лезвия к ней, ложки и вилки выпуклой стороной вниз.

Заранее выставляют на стол хлеб, закуски, специи, фрукты. Если праздничный стол велик, их группируют так, чтобы всем удобно было достать и чтобы невысокие цветы, которыми украшают стол, никому не мешали, никого не заслоняли. Посуда с общими закусками, первым, вторым, десертом снабжается ложками, вилками, лопатками. Помимо удобных в пользовании бумажных салфеток, иногда кладут (на закусочную тарелку или отдельную, стоящую справа) и льняную, которую можно положить на колени. Если не поданы бумажные, ею промокают

губы и обтирают пальцы при необходимости, после чего, не складывая, смятой кладут на стол, а смятые бумажные — на тарелку.

Салаты, заливные блюда выставляют на стол как в общих салатницах, блюдах, так и порционно. Сыры, колбасы и колбасные изделия выкладывают на мелкие тарелки, оставляя в будни на них и неразрезанный кусок, чтобы не вставать за ним, если понадобится добавить. Так как будничный стол менее заставлен, на него выставляют, по возможности, всю холодную еду (в центре стола), чистую посуду, которая может понадобиться (около хозяйки), компоты, кисели в чашках на блюдцах, стаканах, муссы, желе в специальных вазочках или чашках, стаканах (справа около каждого прибора). Если место позволяет, выставляют и супницы, миски для жаркого, покрытые, чтобы не остывало их содержимое, сухим кухонным полотенцем или специальной матерчатой грелкой (часто — в виде матрешки на пышных теплых юбках).

В праздники все, что понадобится хозяйке, можно поставить на маленький столик возле нее.

Если в будни рядом с мелкой тарелкой, на которой стоит закусочная, кладут вилку, нож, ложку, то на банкетном столе вилок и ножей может быть до 4 пар: ближе к тарелке большая пара для второго, рядом поменьше, нередко и пошире, с короткими зубцами — для рыбы, с краю еще меньше — для закусок. За тарелкой могут лежать десертная вилка, нож и ложка. Столовую ложку в таком случае подают, если приносят суп.

Бывает и иная банкетная сервировка: оставляют по два ножа и вилки. А две ложки — столовую и десертную кладут за тарелкой. Слева от закусочной тарелки ставится маленькая пирожковая для хлеба и пирожков.

Рюмок на банкетном столе может стоять до пяти штук за тарелкой перед десертными вилкой, ножом, ложкой: в первом ряду справа налево маленькая — для водки или коньяка, рядом чуть побольше — для крепкого вина и крупный фужер для воды; во втором ряду цветная рюмка — для белого вина и бокал для шампанского.

Чаще ставят три рюмки: маленькую для крепких напитков, побольше — для вин и бокал для шампанского или воды.

Водку, как и крепкие вина (мадеру, портвейн, херес), закусывают острыми и пряными мясными закусками. Коньяк — лимоном, балыком с лимоном; его подают к кофе и фруктам. Красные столовые вина — к мясным блюдам, белые — к рыбе, птице, салатам, сыру. Мускаты, токаи, кагоры — к сладкому. Шампанское полусухое — к овощным блюдам, птице, сладкое — к фруктам, мороженому, сухое — ко всяким блюдам, кроме соленых и острых закусок.

Принято есть, запивая вином, а не пить, закусывая, поэтому нельзя требовать, чтобы после тоста рюмку осушали до дна, ее содержимое можно потягивать сколько угодно.

Чтобы полностью раскрылся букет и почувствовался тонкий аромат вина, крепкие и десертные вина перед подачей охлаждают до температуры 14—16°, белые — столовые марочные — до 10—12°, ординарные — до 8—10°. Красные столовые вина подаются комнатной температуры — 15—18°. Для охлаждения бутылку погружают вертикально в воду со льдом так, чтобы горлышко оставалось сухим.

Игристые вина охлаждают до 6—7°: при этой температуре их качества проявляются наилучшим образом. Поэтому бутылки с шампанским не рекомендуется охлаждать в холодильнике, где температура значительно ниже.

Все вышесказанное об алкогольных напитках имеет отношение к праздничным застольям. В будни же пьют соки, минеральную воду, фруктовые напитки.

Существующие правила этикета рассчитаны на то, чтобы еда приносила наибольшую пользу, а застолье доставляло эстетическое удовольствие всем, кто разделяет его.

За столом сидят спокойно, прямо. Не принято облокачиваться, класть на стол локти, отставлять мизинец, жестикулировать, играть вилкой, ножом, читать во время еды. Едят неторопливо, тщательно пережевывая пищу.

Детсадовское правило — не разговаривать за столом — в семье не соблюдается: во время еды тихо и неторопливо обмениваются новостями, рассказывают о своих делах. Правда, неприятные разговоры оставляют на время, когда все выйдут из-за стола, с голодным человеком отношения не выясняют.

От еды отказываются, если ее не хотят, поблагодарив и не объясняя, что это вам вредно или не нравится. Но если блюдо нравится, стоит сказать об этом.

Не принято говорить, что оно лучше, чем у вас дома, или хуже, чем в местах, где вы бывали (это правило относится и к домашней, и к любой другой трапезе).

Естественно, что разговаривают негромко, неторопливо, не с полным ртом. Жуют, не раскрывая его, тоже неторопливо, беззвучно, кладя в рот небольшие порции.

Чтобы не протягивать руку над тарелкой соседа или перед его лицом, просят передать блюдо, если оно далеко, или положить с него порцию. Блюда с едой и тарелки берут снизу, поддерживая большим пальцем за край так, чтобы не касаться кушанья; рюмки берут за ножку; вилки, ножи, ложки протягивают ручкой вперед.

Если что-либо упало со стола, лучше не создавать беспокойства окружающим, не наклоняться. Поднять можно, когда будут выходить из-за стола. Если на столе что-либо

опрокинуто, разлито, на это не обращают особого внимания. Если облит костюм и надо привести его в порядок, можно выйти из-за стола. Если же Вы что-то разбили в чужом доме, при случае подарите аналогичную вещь.

Когда порция была положена заранее, едят, сколько могут. Из общей посуды на свою берут понемногу. Вторую порцию не просят, пока все не получили по первой.

Не имеет смысла есть ложкой то, что можно вилкой, которую, как и нож, держат над тарелкой под небольшим углом, не нажимая сильно, чтобы они, соскользнув, не разбросали, не разбрызгали содержимое тарелки. Нож ко рту никогда не подносят. В вилку и ложку набирают немного, чтобы не ронять, не проливать из них. Суп едят с боковой части ложки. После еды ложку, вилку, нож, чтобы не испачкать скатерть, кладут на тарелку. Помешав чай, кофе, чайную ложку кладут на блюдце.

Если поданы маленькие бутерброды, их переносят специальными вилками на свою тарелку и съедают, не разрезая; большие на своей тарелке разрезают на маленькие куски с помощью вилки и ножа.

Хлеб, если к нему не положена специальная вилка, берут руками, а не своей вилкой, кладут на тарелку или салфетку, отламывают небольшой кусок, а не откусывают от большого ломтя. Но предпочтительнее сразу нарезать небольшие тонкие куски. Их тогда ломать не надо. На маленькие кусочки намазывают и масло, паштет, икру, которые берут специальным ножом с общей на край своей тарелки, а оттуда переносят на хлеб уже своим ножом.

Сыр берут специальной общей вилкой, и если не делают бутерброды, то едят, отрезая небольшие кусочки на своей тарелке.

Колбасу перекладывают в свою тарелку тоже общей вилкой. Сосиски в целлофановой упаковке подают очищенными. Сосиски, сардельки в натуральной упаковке очищаются на тарелке: после того как отрезается кусочек, вилкой придерживается край кожицы, а ножом снимается с нее мясо.

Ливерная колбаса тоже подается в кожице и очищается в своей тарелке аналогичным способом.

Холодные закуски нарезают на куски сразу; горячее мясо отрезают небольшими кусочками, чтобы оно не остывало.

Отделяя мясо от кости, его придерживают вилкой, а ножом отделяют кость. Когда едят птицу, мясо, по возможности, также отделяют при помощи вилки и ножа, а остатки едят, взяв косточку в руку. Даже большим любителям не рекомендуется ее потом разгрызать. Иногда ставят на банкетный стол или подают после горячего мяса чаши с ароматизированной водой для того, чтобы смочить пальцы, после чего их вытирают салфеткой.

Если не поданы специальные вилка и нож, рыбу едят с помощью одной вилки, которую держат в правой руке, и — при необходимости — кусочка хлеба, который держат в левой. В некоторых местах рыбу едят с помощью двух вилок. Косточки от рыбы, как и от мяса, компота, выкладывают на поднесенную ко рту вилку, ложку, а оттуда — на край тарелки. Соус можно собирать кусочком хлеба, положенным в тарелку и наколотым потом на вилку, но лучше весь соус съедать с основным блюдом.

Картофель, овощи, омлет, котлеты и т. п. мягкие блюда нет необходимости резать ножом, их едят с помощью вилки, как и вареный рис, густые каши, в отличие от жидких, для которых подаются ложки.

Яйца, сваренные всмятку, ставят на стол в яичной рюмке и едят с помощью ложки. Яйца, сваренные вкрутую, едят и из тарелки, где они, предварительно очищенные, разрезаются вдоль на куски.

Пирожные, кусочки торта, пирога берут на свою тарелку специальными лопатками или вилками; мягкие едят с помощью чайной ложки, твердые держат в руке, как и пирожки, булочки, конфеты.

Варенье, мед перекладывают из вазочки в свою розетку общей ложкой.

Фрукты берут рукой. Апельсины, мандарины, надрезав кожицу, очищают руками. Дольку лимона можно съедать вместе с кожицей.

Ягоды, чтобы они не мялись, обычно подают отдельными порциями вместе с чайными ложками.

Арбузные дольки, положенные на тарелку, отделяют от корки, разрезают на небольшие кусочки, которые подносят ко рту вилкой.

За столом принято ухаживать за женщиной, сидящей справа. В ресторане, кафе, столовой карточку меню первой передают женщине; если женщин несколько, то старшей. Расплачивается муж, а не жена.

И дома и вне его после окончания еды мужчины встают, отодвигая (бесшумно!) стул, на котором сидела женщина, чтобы ей удобно было выйти из-за стола.

После еды дома принято прополаскивать рот, мыть руки.

Зубы, стараясь не производить звуков, прочищают зубочисткой в ванной комнате. Если приходится делать это на людях, рот обязательно прикрывают платком или салфеткой.

Еда — повседневная процедура, которую целесообразно организовать так, чтобы традиции семьи в этом плане доставляли удовольствие самому человеку и окружающим его. А это связано не столько с достатком, сколько с хозяйственностью и эстетическими потребностями супругов.

Держаться красиво и естественно за столом трудно научить

в школе, училище, институте. Самые удобные условия для этого — семейная обстановка.

Отдых. Труд и отдых, такие неразрывные понятия, веками были оторваны друг от друга, и это сформировало к ним противоречивое отношение.

Меньшинство, томясь от безделия, с отвращением смотрело на труд тех, кто давал им жизненные блага, поскольку труд выжимал из человека все силы, опустошая его физически и духовно.

Большинство же, работая до полного изнеможения, мечтало об отдыхе как ничегонеделании, чтоб лежать на печи и все, как у бар, по первому хотению само собой совершалось (правда, даже Емеля в фантазиях не эксплуатирует других, все образуется с помощью тех, кому он добро сделал).

Т. Мор, мечтая о социалистическом будущем, писал в «Утопии»: «Все время, оставшееся между часами работы, сна и принятия пищи, представляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лености, а чтобы на свободе от своего ремесла по лучшему уразумению удачно применять эти часы на какое-либо другое занятие».

Трудно было говорить о свободном времени, когда лишь в 1883 г. в Англии (самой передовой стране того времени) был принят законодательный акт об ограничении рабочего дня до 12 ч (подростков!).

В России в результате упорной борьбы удалось добиться в 1898 году законодательного ограничения рабочего дня до 11,5 часа.

В. И. Ленин писал: «Для рабочего надо то, чтобы он работал не более 8 часов в сутки, имея время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами как человека, как семьянина, как гражданина».

Уже на четвертый день Советской власти в исключительно трудных условиях был издан декрет о 8-часовом рабочем дне.

В СССР в настоящее время самая короткая рабочая неделя в мире. А свободное время взрослого человека по сравнению с 1929 г. увеличилось в 3 раза (за счет улучшения жилищных условий, работы транспорта, перепланировки городов и сел, сети предприятий бытового обслуживания и т. д.). Государство ставит задачи максимально увеличить свободное время советских людей для учебы, повышения квалификации, общественной работы, исполнения домашних обязанностей, отдыха, занятий любимым делом — для удовлетворения всех физических, социальных и духовных потребностей каждого человека, для наиболее полного развития его способностей. Но для этого надо, чтобы человек умел отдыхать, использовать продуктивно свободное время, хотел совершенствовать свои способности и таланты.

К. Маркс в «Капитале» писал, что человеку «необходимо время для удовлетворения интеллектуальных потребностей, объ-

ем и количество которых определяется общим достоянием культуры». Он назвал это время мерилом богатства будущего общества, богатством личности. Не вещным богатством, а «абсолютным выявлением творческих дарований человека», находящегося «в абсолютном движении становления».

В большинстве высокоразвитых стран досуг — свободное от всех профессиональных, гражданских и семейных обязанностей, оставшееся от сна, еды, ухода за собой и других тому подобных потребностей время — организовывается самым различным образом; здесь заметна зависимость от идеалов общества, национальные традиции. Известно, например, как повсеместно распространено увлечение садоводством в Англии, спортом — в Германии, художественной самодеятельностью — в Болгарии. В Японии, культуру которой называют «цивилизацией пустяков», многие увлечения носят традиционно общесемейный характер. Японцы, у которых веками, наряду с другими свойствами и чертами, культивировалась способность видеть радость и красоту в обыденном, не столько заполняют, сколько украшают досуг. Неторопливые и изысканные чайные церемонии, сложное и многозначительное искусство составления букетов — икебана, выращивание хризантем, живопись, стихосложение, любование цветущей вишней, которое увлекает всех от мала до велика и воспринимается как особый праздник. Все эти фурю — «изящные досуги» — достояние не только избранных людей. Японца, который пренебрегает такими досугами, считают недостойным уважения. Потому-то, побывав в США, японцы удивляются, что там даже среди богатых людей мало кто уделяет свободное время художественным увлечениям. Так же, как мы удивляемся безучастному отношению к книге.

Трудно выделить наиболее распространенное увлечение в нашей стране (даже для определенной социологической группы — для молодых семей).

Стадионы, парки, турбазы, клубы, Дворцы культуры, библиотеки, музеи, театры, дискотеки — все это, как и до создания семьи, продолжает привлекать молодых супругов. По данным академика С. Струмилина, время пассивного отдыха все сокращается, а активного увеличивается. Вероятно, причина тому меньшая физическая загруженность, возросшая культура, большая оторванность от природы, к которой люди испытывают тяготение, лучшая организация службы досуга и т. д. Особенно тянутся к активному отдыху молодые.

Возросший темп жизни, напряженность труда, увеличение требований к человеческой личности заставляют высоко ценить досуг, дающий полноценный отдых от производственных и домашних забот, расширяющий кругозор, повышающий физическую и нравственно-эстетическую культуру.

Тут безусловна взаимная связь: с одной стороны, уровень культуры влияет на времяпровождение, а с другой — досуг обогащает (или опустошает) человека. Большинству не хватает времени, хотя есть и такие, кто не знает, как его «убить». И вот

два человека со своими, уже определившимися интересами, увлечениями, привычками должны все это соединить в единое целое, устраивающее обоих.

У одних большинство интересов совпадает — им проще решить, что делать в свободное время: сегодня на каток, завтра в музей, а послезавтра посидеть дома с книгой и магнитофоном. У других увлечения разные — тогда они расширяют кругозор друг друга: Она начинает со временем находить удовольствие в футболе, а Он перестает засыпать на симфонических концертах. На крайний случай тот, кто инициативнее или сильнее, увлечет второго, и Она начнет вслед за ним ходить в горы или Он бросит туризм.

Если интересы у молодых супругов разные, по возможности учитывают увлечения обоих, стараясь понять их, а значит, и своего спутника. Со временем (во всяком случае, к этому стремятся) вырабатываются общие «совместимые» привязанности, что не исключает своих личных любимых занятий.

Но если Он ходит в горы, а Она ездит на соревнования по фигурному катанию, и оба довольны своими занятиями, и при этом еще довольны друг другом, то родителям за них можно только радоваться. Даже если мама сидит с вязанием, в то время как папа возится с техникой, и оба они не могут понять, что за отношения у детей, и очень тревожатся, что добром это не кончится. Конечно, спокойнее, когда молодые вместе сидят дома, но такое редко встречается. К тому же в ближайшие годы они будут больше привязаны к дому, когда в нем появится малыш. А пока они и отвыкают от старого, и привыкают к новому положению. Даже если это необходимо, за один день все перестроить мало кому удается.

Планируя сегодняшний вечер или завтрашний выходной, стоит учесть, что первые годы — это время, когда складываются традиции семьи. Традиции, которые скрепляют ее или расшатывают. И в связи с этим приходится пересматривать свои прошлые привычки, сознательно формировать новые, полезные, которые дадут здоровье, бодрость, хорошее настроение обоим.

Досуг — это, помимо отдыха, общение. Однако если один из супругов помимо работы учится или просто более занят, чем другой, бессмысленно упрекать его в невнимании, обижаться, чувствовать себя заброшенным. Лучше помочь, чем можно, чтобы освободить хоть немного времени. Тот же, кто более занят по работе, реже бывает дома в кругу семьи, должен постараться (как и близкие его) сделать совместный отдых ярким, запоминающимся надолго.

Давно известно: самый лучший отдых — это перемена занятий.

Продумайте совместно, как проводить свободное время. Обычно более инициативный следит, чтобы ежедневный, воскресный, отпускной отдых вносил в жизнь новые впечатления, не проходил бесследно. Походы в лес, лыжные прогулки, посещение театров, кино, поездки к родным или знакомым в деревню

или ближайший город — это доступно большинству. Записывайте, фотографируйте, зарисовывайте — ведите «летопись» наиболее интересного, культивируйте радость совместного отдыха. Все это нити, которые украшают ткань совместной жизни. К тому же, такой досуг помогает восстановить силы, утолить «сенсорный голод» — потребность в новых впечатлениях, которую все мы испытываем в большей или меньшей степени, не всегда даже осознавая это. Поэтому широта интересов не только делает человека привлекательным для окружающих, но и помогает ему самому работать и отдыхать. Однако есть определенный «предел вместимости» (у каждого свой), за которым начинается судорожная суетность, не столько дающая отдохновение, сколько утомляющая. И в вопросах развлечений тоже нужно чувство меры.

Хотя неожиданные решения порой могут доставить огромное удовольствие, но, как правило, и отдых приходится продумывать заранее (порой оговаривая, что исполнение этих планов менее обязательно, чем других). Но хоть приблизительная согласованность необходима.

Увлекающейся натуре, которая способна, занявшись своим делом, забыть о договоренности, не следует позволять такую забывчивость слишком часто, понимая, что вторая половина вправе обидеться на невнимательность. А «обиженной стороне» в данном случае лучше не объяснять это отношением к себе, быть снисходительнее к такой слабости: увлеченность не худшее из свойств характера.

Вполне возможно, что один из супругов тяготеет больше к пассивному отдыху, чем второй, ему чаще хочется просто полежать на диване с книгой или посидеть у телевизора. Иногда ему это просто необходимо. И ничего предосудительного в этом нет. Правда, если пассивный отдых входит в привычку, молодые супруги рискуют не только пропустить много интересного, но и быстро надоесть друг другу.

> Не спите поздно. Поднимайтесь рано.
> С трамваем первым. С первой птичьей фразой.
> Вставайте раньше. Пейте кофе крепкий.
> Займитесь вместе с солнцем рубкой, лепкой,
> Раскраской, сушкой — сотвореньем мира.
> Вставайте раньше. Душно или сыро,
> Мороз иль жар — вставайте, дела много!
> Работайте. Восторженно и строго.
> День напролет. Весь день. Он так не вечен.
> Работайте. Друзьям оставьте вечер.
>
> *Н. Снегова*

Чаще всего обиды и конфликты возникают из-за тяги к добрачным друзьям и компаниям. Иногда для этого и в самом деле есть основания. Но даже и в таком случае требовать ссориться — не лучший выход. Куда результативнее присмот-

ретьсяк этим друзьям и, если не войти в компанию, то подружиться с кем-нибудь из нее. Если же несовместимость полная, приходится противопоставить (не воинственно, агрессивно, а постепенно) что-нибудь более интересное. Как правило, после свадьбы происходит естественная «перегруппировка» сил: кто-то из прежних друзей отсеивается незаметно, кто-то остается, появляются новые друзья.

Поскольку окружение важно не только для отдыха семьи, но определенным образом влияет на ее характер, не случайно многие относятся к этому вопросу серьезно, стараясь, чтобы дело не ограничивалось только совместным времяпровождением, а все влияние друзей на семью было благотворным.

Где бы вы ни отдыхали: в лесу, в театре, у телевизора, на танцах, будьте внимательны друг к другу и заботливы ко всему окружающему — природе, которую нельзя засорять, соседям, которых запрещается оглушать, спутникам, которых не рекомендуется раздражать, родителям, которых вы не имеете права волновать.

Домашнее хозяйство. Количество свободного времени у взрослых людей в значительной степени зависит от искусства организации домашнего хозяйства, навыков самообслуживания и обслуживания семьи: уборки дома, приготовления пищи, стирок, покупок и т. д. Культура семьи сказывается и в умении организовать свой быт так, чтобы оставалось как можно больше досуга и каждый мог отдыхать в семье душой и телом. Доказывая, что «интеллигентность проявляется и в умении организовать семейную жизнь», М. Плзак пишет: «...смею утверждать, что в супружестве хорошая организация дома не менее важна, чем любовь». Даже если это утверждение вызывает протест, все-таки нельзя не согласиться, что правильная организация быта очень способствует укреплению семейных отношений.

Разделение труда на женский и мужской существовало уже в первобытном обществе: мужчина брал на себя более тяжелую работу, оставляя женщине определенную ей природой тяжесть вынашивания, рождения и воспитания детей и те дела, которые можно было выполнять, не отходя далеко от дома. У Него — охота, у Нее — одомашнивание животных, у Него — сражения, у Нее — поддержание огня в очаге. Во время перехода племени на новое место Она несла и детей, и поклажу. Он — одно копье и груз ответственности за их жизнь, которую, если нападали враги, защищал ценою собственной. Она шла спокойно, Он — в максимальном напряжении.

Правда, иногда наблюдалась и иная картина. В «Повести временных лет» летописец поведал о законах гилий: «жены у них пашут, и строят дома, и мужские подвиги совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями и повелевают ими».

Не только у гилий, но и у других народов: если женщина несла большую тяжесть ответственности и забот, она пользовалась большими правами, почтением и независимостью.

А. Райт свидетельствует, что горе тому злополучному мужу, ирокезу племени сенека, «который был слишком ленив или неловок... Сколько бы ни было у него в доме детей или принадлежащего ему имущества, все равно он каждую минуту мог ждать приказания связать свой узел и убираться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление: дом превращался для него в ад...»

Инка Гарсиласо де ла Вега рассказывает, что в государстве инков искусству управлять своими домами учили девочек и мальчиков в школе. А потом, когда девушки в возрасте 18—20 лет, а юноши в возрасте 24 лет и старше женились, судьи посещали их дома, чтобы наблюдать, достаточно ли внимательно и заботливо относились к своим семейным обязанностям как мужчины, так и женщины. Тех, кого обличали в неряшливости, били плетьми по рукам и ногам. Считалось великим позором и бесчестием, когда кого-нибудь публично наказывали за безделие.

В классовом обществе и в быту меньшинство эксплуатировало труд большинства — рабов, крепостных, наемной прислуги. Причем особого разделения на мужскую и женскую работу не существовало: приобретали продукты и готовили еду как повара, так и кухарки; раздевали, одевали господ, прибирали в комнатах как лакеи, так и горничные; занимались с детьми как гувернеры, так и гувернантки.

В трудовой среде — среде крестьян — сохранились естественные нормы разделения домашних работ: тяжелую работу (хату починить, дрова запасти и т. д.) брал на себя мужчина, оставляя женщине более легкую (в хате прибрать, обед приготовить и т. п.). Когда из села потянулись в город на заработки, Его домашних дел поубавилось, Ее же — по традиции остались, хотя в городе Она вместе с Ним пошла на фабрики и заводы. Правда, платили Ей значительно меньше, так что Он оставался основным кормильцем. Но нагрузка у Нее получалась бо́льшая: после рабочего дня, равного с мужским, приходилось печи топить, воду таскать, мыть, стирать, латать, готовить.

Причем еще в прошлом веке зажиточная европейская горожанка, которая не работала на производстве, загружена домашними делами была от зари до зари. Ей приходилось прясть, ткать, белить холст, шить белье и платье на семью, варить мыло, готовить свечи, отрываясь от нескончаемой вереницы дел лишь по воскресеньям.

Ту же работу за деньги, обслуживая других, делали и мужчины: Горький мыл посуду и пек хлеб, Джек Лондон гладил белье. И они были не единственными.

Зарабатывая деньги на производстве, и сейчас мужчины и женщины нередко делают одинаковую работу. Хотя не везде за это одинаково получают. Конвенция Международной орга-

низации труда о равном вознаграждении мужчин и женщин за равный труд не ратифицирована в таких странах, как США, Англия, Канада и др.

В Японии по закону заработная плата жены не может превышать 1/5 заработной платы мужа (превышение облагается таким налогом, который практически уничтожает «излишек»). В ФРГ зарплата женщин на 30 % меньше зарплаты мужчин, в Италии на 27 %.

Во Франции средний годовой заработок женщин служащих не превышает 65 % заработка мужчин. Все это, естественно, определенным образом влияет на решение женщин идти на производство или оставаться домохозяйкой. О том, как сказывается принятое решение на семейных отношениях, французский исследователь А. Мишель приводит любопытные данные. Квалификация и заработок жены заметно влияют на Ее авторитет в семье. Чем они выше, тем больше равенства в принятии семейных решений и распределении домашних обязанностей. Удовлетворение (или неудовлетворение) обществом мужа, его любовью, согласием в семье одинаковы и у работающих, и у домохозяек. Но в целом удовлетворение супружеством, взаимопониманием и уровнем жизни у работающих ниже, чем у домохозяек, среди которых выше и престиж мужа (все это, вероятно, объясняется большими запросами работающих жен). При этом цели семьи — будь то планирование рождения детей или материальные приобретения — достигаются лучше при профессиональной занятости жены, равноправии супругов и гибкой организации семейной жизни (правда, А. Мишель заметил, что они не выяснили причин равноправия — то ли профессиональная занятость жены, то ли меньший авторитет мужа, то ли его большая уступчивость...). Так что в целом, похоже, положение лучше там, где женщина работает.

Проблемы равенства мужчин и женщин актуальны сейчас во многих странах мира. В 1966 г. в США Б. Фриден организовала НОЖ — Национальную организацию женщин, которая выступила за равноправие женщин во всех областях жизни, сфере труда, культуры. После этого возник ряд более острых, чем НОЖ, как пишет Ю. Рюриков в статье «Бунт «пленных жен», союзов — «За освобождение женщин», «Красный чулок», «Ведьмы» и др. Феминистки выступают не только за социальное равенство, но и против «патриархального деления домашних дел, когда женщине достается львиная их доля, а мужчине — воробьиная». Распространение в США и других капиталистических странах получает «брак-товарищество» («компаньоншип»), перед вступлением в который предлагается заключать брачные договоры, трудовые контракты, в которые четко заносятся все домашние дела и детально расписываются все семейные обязанности между супругами. Например:

«Стряпня. Завтраки в течение недели делятся поровну. Муж готовит их по уик-эндам (сюда входят покупки и мытье посуды)... Кто приглашает гостей, тот покупает, стряпает.

Уборка. Муж убирает во вторник, четверг и воскресенье; жена — в понедельник, среду и субботу.

Стирка. Жена стирает дома. Муж сдает одежду в чистку и забирает ее. Жена снимает постельное белье, муж надевает его» и т. д.

Ф. Энгельс писал, что действительное равноправие женщины и мужчины наступит лишь тогда, когда уничтожится социальная зависимость, а ведение домашнего хозяйства превратится в отрасль общественного производства. Как это представлялось, описал А. Бебель: «...благодаря центральному отоплению, электрическому центральному освещению исчезнут все работы, связанные с отоплением печей, уборкой ламп и других служащих освещению аппаратов. Водопроводные трубы, дающие не только холодную, но и теплую воду, сделают общедоступным умывание и купание... Центральные прачечные и центральные сушильни возьмут на себя стирку и сушку белья, центральные же заведения возьмут на себя чистку платья и ковров... Внутренняя обстановка домов — полы, обои, мебель — будут так устроены, чтобы все можно было чистить очень легко и не накоплялось пыли и бактерий». Вот так оно мечталось. Но получив все это и многое другое в придачу, современная женщина бунтует против домашних забот как никогда раньше.

И у нее для этого есть достаточно оснований...

Еще в 1920 г. В. И. Ленин горячо убеждал, что необходимо как можно скорее освободить женщину от подчинения, вырвать ее из «домашнего рабства», чтобы она не была угнетена «хозяйственным положением в отличие от мужчины». Ибо несмотря на все освободительные законы, она вынуждена заниматься «самым диким и самым тяжелым трудом», «ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство».

В. И. Ленин писал:

«К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: поскребите коммуниста — и вы найдете филистера. Конечно, скрести нужно чувствительное место — его психику в отношении женщины. Существует ли более наглядное доказательство этому, чем то, что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время, силы, работе в домашнем хозяйстве, на то, как их кругозор при этом сужается, ум тупеет, биение сердца становится вялым, воля слабой?

Очень немногие мужья, даже из пролетариев, думают о том, как сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в «женской работе». Но нет, ведь это же противно «праву и достоинству мужа». Он требует, чтобы у него был отдых и комфорт. Домашняя жизнь женщины — это ежедневное принесение себя в жертву в тысячах ничтожных мелочей. Старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде».

За годы советской власти социальное положение женщины изменилось разительно. В нашей стране самый высокий про-

цент работающих женщин — более 50 % всех рабочих и служащих. И материальное обеспечение далеко не всегда — главная причина желания работать. Исследования показали: чем выше квалификация, тем большее значение имеют увлеченность своей работой, нежелание менять ее на домашнее хозяйство, «сидеть дома», как бы высок ни был заработок мужа.

90 % работоспособных женщин в стране работает или учится, а это значит, что в домашнем хозяйстве возникают трудности и из-за нехватки рабочих рук, и из-за нового, вошедшего в сознание большинства понятия о справедливости, которое формировалось лучшими умами на протяжении столетий. «Прогресс человечества, — писал А. Бебель, — состоит в устранении всего, что ставит в зависимость и подчинение человека от человека, один класс от другого класса, один пол от другого пола. Не может быть оправдано никакое неравенство, кроме того, которое создано природою в виде различия между отдельными людьми. Но естественные границы не должен переступать ни один пол...»

Устранение неравного положения женщин в быту, сокращение времени на ведение домашнего хозяйства для более рационального использования этого времени определены нашим государством как одна из важнейших современных задач. Решается она тремя путями: за счет перенесения домашнего труда в сферу общественного (при обязательном усовершенствовании всех видов общественного питания и бытового обслуживания); за счет механизации, замены ручного домашнего труда машинами (все более удобными и дешевыми); а в рамках семьи — за счет более рационального его распределения и организации.

Объем бытовых услуг резко возрос за последние годы (с 1960 по 1975 год с 8,5 до 30 руб. на человека). Но качество обслуживания оставляет желать лучшего. И хотя оно постепенно меняется, но пока еще и сроки исполнения, и потери времени из-за отдаленности от дома и очередей, а порой и стоимости значительно ограничивают пользование общественными услугами.

Техника тоже входит в дома не так быстро и результативно, как хотелось бы, хотя производство бытовых электроприборов удваивается каждые 5 лет (при условии самой дешевой в мире электроэнергии в нашей стране). Но если холодильники, пылесосы и стиральные машины стали обязательными почти в каждой семье, кухонными агрегатами далеко не всегда пользуются. Как показывают исследования, использование машин зависит от материального положения семьи и уровня образования мужа и жены.

Но и материальное положение, и уровень образования растут а производительность домашнего труда — по расчетам академика С. Г. Струмилина — за сорок лет, с 1928 по 1968 год, не выросла и на 30 % (в то время как в промышленности она увеличилась более чем в 14 раз). И хотя — как предполагают

ученые — электрификация домашних процессов должна сэкономить в расчете на одну семью около тысячи часов в год, на практике время на ведение домашнего хозяйства не уменьшается, домашний труд по стране по-прежнему съедает около 100 миллионов человеко-часов: появляется техника, но на ее эксплуатацию тоже нужно время. С 1923 г. до сего дня затраты времени на ведение домашнего хозяйства не уменьшились в сутки и на час.

В среднем, по подсчетам социологов, получается, что на домашнюю работу женщина тратит около 40 часов в неделю (30—35 часов в городе и 40—45 в деревне) — время, приблизительно равное труду на производстве, что дает основание специалистам говорить о ее «совокупном» рабочем дне.

Затраты же времени у мужчин на домашний труд в 2—3 раза меньше, в среднем 15—20 часов, а общая трудовая нагрузка составляет 80—85 % общей нагрузки женщин. Это при условии, что физически Она — существо менее сильное: у Нее слабее и мышечная, и костная, да и нервная система, а силы составляют 60—65 % Его сил. Это в период расцвета, а в остальные периоды и того меньше. Поэтому Его спортивные нормы всегда выше, чем Ее. Поэтому в армии в мирное время у нас служит Он, а не Она, хотя научно доказано уже, что целый ряд операций Она проделывает быстрее и тщательнее.

Проведя опыты на производстве, А. Э. Котляр и С. Я. Турчанинова в книге «Занятость женщин в производстве» пишут о том, что производительность труда женщин на работах, требующих физических усилий, значительно меньше, чем мужчин. И утверждают, что «разработка научных основ дифференциации норм выработки для рабочих разного пола является одной из первоочередных задач на пути дальнейшего совершенствования занятости в условиях развитого социализма». Хорошо, если бы вслед за этим была проведена разработка «дифференциации норм выработки для рабочих разного пола» и в условиях семьи.

Пока же немалая часть мужей взваливает на Нее, любимую, всю тяжесть труда, желая, чтобы Она при этом сохраняла прежнюю легкость и очарование, радуя Его уступчивостью, мягкостью и нежностью.

Нередко после свадьбы Она из приветливого улыбчивого создания превращается в раздражительную вспыльчивую особу. И чаще всего не по своей вине. Она просто устает. По утверждению специалистов, за тот промежуток времени, пока хозяйка развешивает белье, Она теряет энергии больше, чем тракторист, работающий такое же время на тракторе. Час утюжки равняется часу работы (активной!) каменщика. Л. Великанова приводит данные польских социологов, из расчетов которых вытекает, что потребности в калориях на выполнение домашних работ равны потребностям в калориях работающего металлурга. В среднем тяжелый труд мужчины требует трех-четырех калорий в минуту, а в быту на глажение, жаренье, стряпанье тратится 2—3 калории, стирку белья вручную, мытье окон, натирку полов — 4—5

калорий, полоскание белья, его отжим вручную — 5—6 калорий и т. д. Не удивительно, что женщина, «посидев» какое-то время дома и окунувшись полностью в домашнее хозяйство, не дождется, когда вновь пойдет на работу, чтобы «передохнуть и почувствовать себя человеком». И не удивительно, что женщины, на которых продолжает лежать основной груз домашнего хозяйства, вдвое больше болеют, чем мужчины. То, что мужчины, в целом, живут меньше, чем женщины, не может не волновать, не заставлять беспокоиться о продолжении их жизни. Но, судя по всему, продолжительность эта не зависит от их трудовой нагрузки по сравнению с женской. Более того, есть основания предполагать, что определенной части мужчин (может быть, даже значительной) как раз недостает физических нагрузок, которые в переизбытке у женщин.

И если этики говорят (имея для этого все основания) об общем нравственном прогрессе, заключающемся в расширении и углублении гуманизма, демократии, равенства людей, то все это не может не отражаться и на семье. В новой, эгалитарной семье, где существует равенство между мужем и женой, не возможны порядки, которые существовали в патриархальной, где главенствовал муж, подчиняя и эксплуатируя бесправную жену. Трудность сегодняшнего дня в том, что к одинаковым правам уже привыкли, а к одинаковым обязанностям — еще нет.

Техническое оснащение быта началось с более тяжелых работ, и это привело к тому, что мужчина (в первую очередь горожанин) остался без прежних своих домашних забот. Все большая механизация производства дает возможность немалому проценту мужчин, как и женщин, проводить рабочий день, сидя на стуле. Придя домой, Она включается во вторую, домашнюю, смену, которая порой затягивается заполночь. А Он, придя домой, поев, нередко берет газету и ложится на диван отдыхать у телевизора. А отдохнув, справедливо укоряет Ее (вслух или мысленно): до замужества Она вся вспыхивала радостью, когда Он шел Ей навстречу. А теперь — вот подойди к Ней сейчас со своей любовью, Она, если вспыхнет, то скорее от раздражения. Какая уж тут любовь!

А ведь Он раньше как-то обходился без Нее и женился не из-за чистых рубашек (их можно сдать в прачечную) и даже не из-за вкусных обедов (проще уж питаться в общепите, чем из-за обедов терпеть неприятного человека рядом!). Большинство-то женятся, чтобы быть вместе с любимой, и Она вроде бы тоже из-за любви выходила замуж. А теперь, поди ж ты, на эту самую любовь у Нее ни сил, ни времени не остается.

С конца 60-х годов эта ситуация стала все больше привлекать внимание общественности.

Рождается новая семья, которую создают по взаимному согласию, по любви двое социально равных людей. Начиная с ясельного стульчика они были рядом плечом к плечу — поливали из леечки клумбу, сидели за партой, собирали макулатуру и металлолом. Правда, у них бывали разные нормы на уроках

физкультуры (которые явно недостаточно дали и Ей, и Ему этой самой физической культуры) да разные уроки труда (после которых далеко не каждый Он научился забивать гвоздь или чинить утюг и далеко не каждая Она обрела способность накормить обедом).

Сегодня мы корим школу. И школа принимает эти, как и многие другие, упреки. И понимая, что надо меняться соответственно требованиям времени, обязуется в ближайшее время улучшить подготовку подрастающего поколения к семейной жизни. И надо полагать, действительно улучшит, поскольку специалисты уже ищут формы и методы, анализируют имеющийся опыт. Что ж, говорит школа, наша работа — это необходимое, но не достаточное условие для успешного решения вопроса. Потому что есть еще семья, где дети воспринимают нормы поведения родителей. А родители старательно перечеркивают в условиях семьи даже то немногое, что сегодня дает в этом направлении школа. Например, в школе ребята учатся убирать свой класс. Родители редко поддерживают этот навык дома и не обязывают сына или дочь наводить порядок в квартире.

В программе начальной школы уже в 1-м классе и Ее, и Его учат пользоваться иглой. Так что уже через год каждый из них в состоянии пришить себе пуговицу, подшить подол, воротничок и т. д. Если в семье за этот же год научить Его и Ее чистить и гладить свою форму (чему трудно научить в школе) — вот уже и привит один из навыков самообслуживания, который так пригодится им обоим в будущем. В семье же не только не учат чистить и гладить, но, как правило, уничтожают и тот навык, который сформировала школа: за ребенка продолжают подшивать все и во 2-м, и в 5-м, и в 10-м классе. Так что Он, оказавшись вне дома, готов жениться на той, которая пришила Ему вешалку, а Она готова уйти от Него, когда Ей необходимо пришить Ему пуговицу к рубашке.

Это, конечно, преувеличение, но как часто потом, когда они создают свою семью, трудности психологического приспособления друг к другу усугубляются еще и бытовой беспомощностью, «бытобоязнью», привычкой пользоваться чужим трудом.

Правда, сельские ребята в большинстве своем оказываются более приученными к труду и приспособленными к жизни, чем городские. Но тут наблюдается новая проблема. Нередко родители, гордые тем, что дети приобрели дипломы, возмущаются: «Не для того учили, чтобы на кухне торчать!». И если сами вместо детей идут на кухню — это их личное дело. Ну, а если не идут, то как же быть с кухней? Общественные услуги редко кого избавляют пока от всех забот да и в будущем что-то придется, видно, делать и самому. Общее образование и отсутствие безработицы оставляют мало надежды на то, что найдется чужой человек, который ежедневно будет выполнять за кого-то эту самую домашнюю работу. Даже за очень приличное вознаграждение.

И получается, что холим мы и лелеем свое чадо, хоть не всегда прекрасное, но разъединственное (да и то, что их двое, трое, при теперешнем уровне благосостояния мало что меняет). И изо всех сил убираем с его пути все камешки. А то и просто на руках носим. В прямом смысле — пока физических сил хватает, а в переносном — и много позже. Иные родители и готовы уже поставить Его на ноги. А Он не хочет, не умеет сам стоять, быть самостоятельным. Да и на руках Ему не так уж плохо. Вот и носятся с Ним мамы — папы — бабушки (их много, а Он у них — один!). А рядом так же носятся с разъединственною Ею, пока не потянутся они с родительских рук друг другу в объятия. И сходятся — потому что хочется любить. А потом расходятся, потому что не хочется посуду мыть. Называется это чаще всего «не сошлись характерами». У Него такой сложился характер, что не может Он, когда Его не носят на руках. И Она не может. Посражаются они, посражаются, и если не удастся одному устроиться на руках другого, то возвращаются к родителям — так оно удобнее и спокойнее как-то.

Самое любопытное здесь в том, что родители вместо того, чтобы помочь им прийти к согласию, единству, перевоспитывая, раз уж не воспитали, в первую очередь свое чадо, с самого начала ревниво и пристально поглядывают, как бы его не обидели. И проникаясь раздражением и неприязнью при каждом «наступлении на интересы» их ребенка, охотно забирают его в отчий дом. Тем более, что в доме этом без него, дорогого, стало так пусто и скучно (или этот, чужой, в доме создает только напряжение — пусть уходит, без него спокойнее). Кто же больше, чем родители, понимать, холить и баловать сможет! Вот и еще одно доказательство, как они Ему (Ей) нужны. А пара найдется — разве проблема? Для нового брака или так, чтобы любовь вместе, а быт врозь. Очень удобный вариант, разве возразишь: никто никого не обременяет, а радость друг другу несут.

Только когда любишь, расставаться трудно. И обидно, если причины для этого мало уважительны. Любя, разве убоишься трудностей.

Конечно, большинство не расстается. Многие живут не только в согласии и нежности, но и дом ведут непринужденно, а то и с удовольствием. И мужья не считают участие в домашних хлопотах помощью, а делят с женами на равных семейные заботы.

По подсчетам социологов, у 20—25 % семей, живущих в больших городах, распределение нагрузок между супругами приблизительно равное, в маленьких городах таких семей несколько меньше. Чем моложе семья и чем образованнее муж и жена, тем справедливее они делят домашний труд. Разумеется, и недипломированные мужья отлично справляются с домашними обязанностями, в то время как и высокообразованные бывают полны предрассудков и считают ниже своего достоинства обращаться как с равной с не менее образованной супругой.

Женщина, получив гражданские права, сразу доказала свою способность решать наравне с мужчиной народно-хозяйственные задачи, и это уже никого не удивляет. Когда же Она предлагает Ему разделить с Ней семейно-хозяйственные обязанности, Он нередко удивляется, а то и оскорбляется.

Если во второй половине XIX века передовые мужчины и женщины боролись за то, чтобы ввести женщину в общественную жизнь, то во второй половине XX века стремления направлены к тому, чтобы приобщить мужчину к семейной жизни. Консерваторы прошлого века пугали, что женщина, отойдя от кухонного и обеденного стола к письменному, превратится в «синий чулок», став самостоятельной, утратит очарование женственности. Консерваторы сегодняшнего дня пугают, что стоит мужчине оказаться на кухне, как вместе с мужским достоинством он утеряет и мужественность. В 20-30-е годы в центре внимания общественности стоял вопрос: смогут ли женщины управлять производственными машинами, а через полсотни лет активно спорят о том, смогут ли мужчины управляться с бытовой техникой.

Конечно, большинство — как мужчин, так и женщин — всю эту непроизводительную домашнюю работу передали бы службе быта. Но приходится ведь исходить из реальной обстановки. А она на сегодняшний день такова, что многое еще приходится делать в домашних условиях, так как же оставить все это женщине, одной?

К. Маркс писал в «Капитале», что вовлечение женщины в производство создает новую экономическую основу «для высшей формы семьи и отношения между полами». Приходится согласиться, что сегодняшняя семья лишь на пути к этой высшей форме. И что эти новые формы рождаются небезболезненно.

Семья — это коллектив, живущий многогранной жизнью, в которой надо планировать, заниматься бюджетом, вести хозяйство, трудиться, организовывать отдых и развлечения, создавать благоприятную эмоциональную атмосферу, воспитывать детей. И одной женщине справляться с многочисленными обязанностями не под силу. А если она справляется, то нередко начинает задумываться: а зачем ей, собственно, еще и Он, «полугость», которого надо обслуживать и любовь которого, сквозь накапливающееся неуважение, раздражение и усталость, доставляет мало радости. И Ему начинает казаться, что Его здесь не поняли и хорошо бы очутиться рядом с такой, которая не будет ничего требовать, а будет просто рада, что Он любит Ее. И такая находится. Она искренне недоумевает, как можно не беречь и не ценить такого умного и милого. Да Она бы все для Него сделала, если бы Он был Ее мужем. А привыкнув к этому, когда Он оказывается рядом, Она чувствует, что одной Ей с утяжелившимся возом домашних забот справляться все труднее. А если сил столько, что запросто управляется и с работой, учебой, и с домом, то начинает себя чувствовать лидером, отводя мужу роли «бездельника-баловня», «подсобного рабо-

чего», «мальчика на побегушках», которые если и не беспокоят Его, то лишают должного уважения со стороны жены и детей. Когда-то мужчина, выбрав себе жену, предлагал Ей руку и сердце. Сейчас, даже если выбирает и Она, все равно Ей представляется, что одним сердцем дело не ограничится: Она надеется, что хоть в чем-нибудь Он будет Ей и опорой.

Семья — слово, происходящее от древнеславянского «семь» — работник, слуга, домочадец. Семья, как и общество, не может существовать без общей работы, взаимных услуг домочадцев. Другое дело, что работа эта в каждой семье носит свой, именно ей присущий характер.

Распределение обязанностей во многом зависит от профессиональной занятости мужа, жены. В семьях, где муж, например, военнослужащий, геолог и т. п., жена, естественно, не может ожидать от Него систематической помощи по дому. На это приходится настраиваться с самого начала и не устраивать потом скандалов. В семьях, где жена, например, хирург или пианистка, закономерно стремление мужа избавить Ее от тех работ, которые могут травмировать руки. Если у кого-то из супругов ответственный период на работе, в учебе, второй берет на себя часть его домашних дел, как и в периоды болезней, ожидания, рождения ребенка и т. д.

В распределении обязанностей многое зависит от индивидуальных установок, позиций членов семьи. Есть женщины, которые не терпят, когда муж появляется на кухне, считая, что Его дело — обеспечить семью материально, и есть мужчины, которые любят готовить еду. Есть мужчины, которые с удовольствием шьют, вяжут, но их жены стесняются признаваться в этом знакомым. Есть женщины, которые любят заниматься домашним хозяйством и предпочли бы не работать, а посвятить себя семье всецело. Но, безусловно, большинство семейных женщин устроила бы работа на полставки, которая дала бы возможность и быть в коллективе, и спокойно управляться с домом, и присматривать за детьми. К сожалению, руководство предприятий еще редко способно удовлетворить это желание: в ближайшие годы будет ощущаться нехватка трудовых ресурсов из-за так называемой «второй демографической волны», когда в самостоятельную жизнь вступят дети тех, кто родился во время второй мировой войны. Так что приходится рассчитывать на одинаковую производственную нагрузку. А значит, и семейную.

В каждой семье домашние работы распределяются по-своему. В одной — все предпочитают делать сообща: так супругам интереснее. В другой — обязанности четко распределены: Он, например, покупает продукты, Она готовит, Он делает работу, связанную с техникой (пылесосом, полотером, стиральной машиной), Она выполняет более кропотливую работу: шьет, гладит и т. д. Есть семьи, где работу делает тот, кто сейчас свободен (кто раньше пришел, начинает, например, готовить еду). Вариантов множество. И все они хороши, если удовлетворяют обоих. Это основное, к чему необходимо стремиться.

Не следует забывать, что значительная часть разводов происходит из-за разногласий по поводу участия в домашнем хозяйстве. Это подтверждается исследованиями минского ученого Н. Г. Юркевича, который пишет, что там, где «домашние обязанности целиком или почти целиком выполняет жена, неудачных браков почти в два раза больше, чем счастливых. Там же, где оба супруга несут одинаковую нагрузку, счастливых браков в одиннадцать раз больше, чем неудачных».

Правда, встречаются и такие оригинальные варианты семейного неравенства, когда исполнительность и добросовестность мужчины в домашних работах приводит к тому, что женщина быстро привыкает к своему господствующему положению и мало ценит «рабочую силу». Тогда уже мужу приходится доказывать ей необходимость «равенства». Но согласитесь, что такие отношения бывают довольно редко.

Умение не отравлять себе жизнь из-за мелочей, поскольку с ними связана огромная ее часть,— безусловный признак культуры. «Радость жизни, умение подняться над серостью будней и показать нам,— пишет о М. Пришвине его жена,— их смысл и красоту — все это не было дано от рождения, а создано нравственной волей этого человека, его убежденностью в добре жизни».

Способность радоваться «согревающей теплоте» будней, «поэзии пролетающих мгновений повседневной жизни» во многом зависит от эстетического воспитания молодых супругов. Здесь очень многое обуславливается не только тем, что, но и как они делают.

Очень упорядочивает семейный быт не только распределение обязанностей, но и — хотя бы нежесткое — планирование работ. Например записать: на этой неделе необходимо сдать белье в стирку, починить мясорубку, пересадить цветы. Многим помогает ежедневное планирование работ, когда с вечера записываются завтрашние дела, которые по мере выполнения вычеркиваются из списка. Это дает возможность ничего не упустить и избавить себя от напряжения, необходимости держать в голове бесконечную вереницу дел, которых никогда не переделать, выделить главное — минимум, который необходим на ближайшее время.

Целесообразно отметить, сколько времени уходит на то или другое дело и учитывать его при планировании дел, чтобы не спешить, не нервничать и успеть спокойно сделать все необходимое.

Рекомендуется совмещать дела, а не хвататься за все сразу, чтобы не возникало нервозности.

И главное: нельзя забывать, что все в доме делается для себя и тех, близких сердцу людей, которые находятся рядом. И потому сознание, что делаете кому-то одолжение, как и злой, насупленный вид, тут неуместны. Если трудно унять раздражение, рекомендуется думать не столько о де-

ле, сколько радоваться конечным его результатам (не нравится мыть посуду, зато как приятно выглядит прибранная после обеда кухня, не доставляет удовольствия прибирать квартиру, зато как хорошо в ней после уборки). Некоторые работы можно делать у телевизора, под любимую музыку — это переключает внимание на положительные эмоции, создает эмоциональную разрядку. Снимать усталость помогает и пение во время работы, и приятные воспоминания или мысли об ожидаемых удовольствиях.

Работу время от времени рекомендуется прерывать для отдыха, чтобы не доводить себя до изнеможения.

Мужу, который хочет завоевать авторитет и уважение в семье, приходится быть самостоятельным в выполнении каких-то обязанностей, потому что психологическое напряжение, вызванное необходимостью без конца «организовывать, толкать и разъяснять», утомляет и раздражает не меньше, чем физические нагрузки (поэтому многие женщины предпочитают делать все сами, чтобы не тратить энергию на преодоление Его активного или внутреннего сопротивления. А это, понятно, не улучшает Ее отношения к Нему).

Нельзя упрекать жену в неумении вести хозяйство; ей надо помочь не столько советами, сколько практически показав, как это делается.

Жене же, которая хочет справедливого распределения нагрузок, а помимо этого — мужественного мужа и авторитетного отца, нужно поначалу проявить терпение. Пока еще далеко не каждый мужчина подготовлен так, что умеет ловко и умело исполнять домашние обязанности. И если даже Она все делает быстрее и лучше, это не повод делать все самой. К тому времени, когда появится ребенок, нужно, чтобы его отец уже чувствовал себя самостоятельно. И потому предусмотрительнее отдать Ему, молодому мужу, часть дел, терпеливо ожидая, когда Он научится с ними управляться. Если же Он добровольно не берется за них, постарайтесь постепенно убедить Его, что отношения в семье улучшатся от его участия в домашних хлопотах. А чтобы дело шло успешнее, не скупитесь на поощрения — слова благодарности, улыбку. Не выражайте неудовольствия, пренебрежения, если что-либо у него не получается. Не принуждайте его делать то, от чего он категорически отказывается. Стесняется выносить ведро с мусором — пусть моет посуду или выбивает ковры.

Идеальный вариант для обоих — воспринимать и эту работу с удовольствием, как «игру интеллектуальных и физических сил». А если это не удастся, то организовать совместно ее так, чтобы она не давила на сознание постоянной тяжестью, а проделывалась как можно легче и безболезненнее, оставляя время, силы и хорошее настроение для главного — общения, отдыха и интересных для обоих дел.

Если же домашние заботы берут на себя родители, за это надо быть им благодарными. И к тому же обязательно следует им помогать, причем по собственной инициативе, не дожидаясь просьбы о помощи.

Конкретные советы о ведении домашнего хозяйства можно почерпнуть в книгах по домоводству, энциклопедиях домашнего хозяйства.

Экономика семьи. Основной задачей коммунистического общества является максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. Встречаются еще люди, которым кажется, будто это значит, что наступит такое время, когда можно будет прийти в магазин и унести оттуда домой все, на чем приятно задержаться глазу. Разумеется, это заблуждение. Не случайно для построения коммунизма необходимо не только создать соответствующую материальную базу, новые общественные отношения, но и воспитать нового человека — морально чистого, духовно богатого и физически совершенного. Высокий уровень производства в стране избавит общество от материальных затруднений. А духовное богатство и моральная чистота человека определят его потребности, здоровые, разумные, рациональные.

Задачи эти (хоть не всегда так быстро и так просто, как хотелось бы) решаются уже сегодня. И от семьи в немалой степени зависит, как скоро уйдет в прошлое человек «загребущий».

Подчинение материальных интересов духовным и душевным существовало испокон веков, хотя эксплуататорские общества формировали иные идеалы и нормы. Но уже в Древней Греции Сократ, имея возможность взимать плату со своих учеников, отказывался от этого и радовался, что кругом имеется так много вещей, ему абсолютно не нужных. А. Герцен венчается со своей Натали, зная, что у нее нет иного приданого, кроме созвучной ему, благородной души. Декабристки отказываются от всех привилегий и едут на каторгу вслед за мужьями. Да и декабристы, в большинстве своем самые благоустроенные и благополучные люди государства, пекутся не о своем благе, а о прозябающем в нищете и бесправии народе (который так далек от них!). Очутившись на каторге, они заботливо делятся деньгами, одеждой, продуктами с теми, кому не присылали ничего. А потом народники покидают свои благоустроенные дома и идут туда, где в беспросветной тьме живут — чужие по крови, культуре, интересам — братья, чтобы отдать им свои знания, силы, средства. Мы знаем уже, что это был бесперспективный путь, но ими двигала могучая потребность бескорыстно поделиться с другими всем, что имели. Как и А. Чеховым, не бог весть как благоустроенным и нередко ощущавшим нехватку денег, но постоянно оказывавшим помощь всем, кто в этом нуждался. Как и В. Гаршиным, которому непрерывно казалось, что у него завелись какие-то лишние, мешающие ему деньги, которые он стремился поскорее раздать. К. Брюллов не продает, а отдает портрет В. Жуковского на лотерею в царскую семью, которая не

подозревает, что вырученные деньги пойдут на выкуп Т. Шевченко из крепостной неволи. А потом спешно делает «Портрет турчанки», чтобы выкупить на волю у самодура-крепостника девушку, позировавшую для портрета. Г. Успенский, не задумываясь, отдает все — и пальто, и рубашку, хотя сам живет в беспросветной нужде. Постоянно нуждавшийся А. Саврасов продумывает, как бы ему деликатнее, незаметнее помочь своему еще более нуждающемуся ученику И. Левитану. Подобных примеров можно привести еще очень много. Бескорыстие, презрение к расчетливости были столь чтимы в России, что даже среди купечества, вся деятельность которого была основана на стяжательстве, накопительстве, находились такие, кто способен был бросить деньги, не считая, под ноги любимой, а то и просто на ветер, если «душа томилась». Конечно, нельзя идеализировать прошлое. Таких миллионеров, кто отдавал свои средства на искусство, а то и на революцию, было немного в обществе, где господствовало хищничество, где ценность человека определялась его состоянием, а отсутствие такового ставило человека в униженное, бесправное положение. И это обязывало самых светлых мечтателей и бессребренников не забывать о необходимости, о долге своем — заботиться о благосостоянии близких. Н. Чернышевский, например, незадолго до возвращения из ссылки пишет жене письмо, в котором сообщает: «В середине лета придет ко мне время переселиться отсюда, чтобы жить, как мне удобно. Вместе с этим будет мне можно зарабатывать деньги. Здоровье у меня крепкое, и достанет его очень надолго: ослабление умственной живости не замечаю в себе и надеюсь, что и в этом отношении до дряхлости мне еще очень далеко. Поэтому думаю, что ты будешь избавлена от неудобств, в которых виноват я тем, что не заботился прежде приобретать столько денег, чтобы оставался у тебя хороший запас их на бездоходное время.

Мог бы приобретать столько. Но был слишком беспечен...

Знаю теперь хозяйство — не сельское, разумеется, а домашнее: цену всякого найма, всякой вещи. Могу проверить всякий счет не хуже всякого другого.

Вот как усовершенствовался...»

В России не были повсеместно распространены хозяйственные книги, в которых систематически велся бы учет домашних расходов, как это было в большинстве европейских стран. Известно, что первой самостоятельной покупкой мадам Кюри, взявшей на себя хозяйственные заботы в своей новой семье, была тетрадь, на которой рукой талантливого физика было выведено: «Расчеты». В семье Гегеля такую тетрадь, где систематически записывались все полученные деньги и каждый расход, вел сам Георг Вильгельм Фридрих, всемирно известный философ. А вот в семье А. Экзюпери был заведен иной порядок: хозяин, получив зарплату, менял ее на мелочь и ссыпал в большую и красивую супницу, стоявшую на камине. Из нее все домашние брали кому сколько нужно. Несмотря на значительный заработок,

денег хватало обычно на полмесяца. Экзюпери был беспечен в этих вопросах, а чувство справедливости не позволяло ему требовать от других определенной организованности.

По свидетельству его друга и биографа М. Мишо, такой порядок заставлял Экзюпери постоянно испытывать затруднения, что в немалой степени омрачало жизнь и заставляло совершать поступки, продиктованные больше необходимостью, чем желанием, и потому сковывавшие и тяготившие его.

Японское телевидение в одной из популярных телепередач рекламировало изобретенный рачительной хозяйкой чудо-кошелек со множеством отделений с пометками: деньги на рыбу, на рис, электроэнергию, развлечения семьи и т. д.

В одной из серий бесконечно продолжающегося фильма о молодой замужней женщине Сазаэ-сан рассказывается, как она и ее союзница свекровь, возмутившись своими мужьями, которые «сорят деньгами», позволяя себе всякие вольности, решают и сами кутнуть. Взяв сумки, они отправляются с утра погулять по Токио. Остановившись у кинотеатра, женщины соглашаются, что не стоит тратить деньги, поскольку они смогут посмотреть этот фильм бесплатно через год-другой по телевизору. К полудню они чуть было не заглянули в кафе, но прикинув, какой угрозой кошельку явился бы этот шаг, достали из сумок неизменное «о-бэнто» (завтрак, «который всегда с собой»). К вечеру они подошли к универмагу, где шла распродажа несезонных (удешевленных) товаров. Договорившись встретиться через час, женщины кинулись к прилавкам. А встретившись, довольные, показали друг другу покупки — новенькие фартуки. Их прогулка не нанесла кошельку существенного урона.

И хотя наши женщины редко бывают столь экономны, но и им не мешает реально оценивать свои материальные возможности. И если большинство относится с презрением к скопидомству и скаредности, безудержному накопительству, загипнотизированности вещами и деньгами, то, к сожалению, не всегда еще воспитывается в семье отрицательное отношение к другой крайности — к бесхозяйственности, детской беспечности в обращении с материальными средствами. Не прививаются навыки самостоятельного хозяйствования, умения разумно тратить деньги.

И мальчики, и девочки должны быть научены спокойному отношению к свободным деньгам, умению не хватать по-детски каждую новую игрушку, а учитывать, что есть главное и второстепенное. Как бы ни были свободны ресурсы, покупать то, что берут все, например, едва ли разумно: иметь у себя все нельзя, целесообразно ограничиться тем, что действительно необходимо, нужно именно тебе. Все остальное тянут в дом или на себя от несамостоятельности, отсутствия личного вкуса, дешевой (сколько ни заплачено за вещь) престижности или тщеславного желания вызвать зависть у окружающих.

Научить с детства достойному отношению к материальным средствам (с одной стороны, уважительному, а с другой — спокойному) — задача родителей, потому что невнимание к этим

вопросам или тем более нездоровые навыки ощущаются потом в отношениях и к общественным и домашним ресурсам.

Учет средств, планирование расходов, разумная экономия, направленная на более полное удовлетворение здоровых потребностей,— все это помогает нормализовать жизнь семьи, избавить ее от лишнего напряжения, конфликтов, а порой и срывов — психологических или физических. Особенно важна такая организованность, когда в семье появляются дети. Но учиться этому лучше, пока их еще нет.

Потом, когда с годами придет опыт, да и благосостояние семьи станет выше (как это бывает у большинства), вести хозяйство можно будет уже по привычке, зная свои возможности, планы и запросы. А в начале семейной жизни приобрести такой опыт очень помогает хозяйственная тетрадь, куда систематически вносятся получаемые деньги, а также расходы на питание, бытовые услуги, отдых, развлечения, запланированные покупки, непредвиденные расходы, остаток, если он окажется, и т. д.

На первых порах полезен (особенно если молодые живут отдельно и ведут хозяйство самостоятельно) и учет расходов продуктов от зарплаты до зарплаты. Знание приблизительных норм позволит с зарплаты покупать продукты, которые могут лежать до следующего получения денег, иметь некоторый их запас, что избавит от затруднений в случае непредвиденных расходов. А также не покупать ничего лишнего из скоропортящихся продуктов, чтобы не приходилось ничего выбрасывать: небрежность предосудительна не только с точки зрения домашнего, но и народного хозяйства. На получение любого продукта тратится достаточно труда, чтобы относиться бережно к каждому куску хлеба, морковке, картофелине.

Вести такую тетрадь жене, мужу или совместно — в каждой семье решают по-своему, в зависимости от характеров, хозяйственности супругов. Главное, чтобы решение это было одобрено обоими и никто не воспринимал его, как покушение на свою независимость, чтобы не было угнетения, подчинения одного другим. «Я так хочу», «как мною решено, так и будет» звучит куда менее оправданно, чем, допустим, «мне кажется так, а тебе?» Если согласие достигается не сразу, целесообразно поэкспериментировать, опробовать разные варианты, чтобы убедиться, какой наиболее приемлем. Обычно после двух-трех месяцев картина проясняется и становится понятным, сколько денег на что уходит и каковы возможности молодой семьи.

Очень трудно начинать все с нуля. Пока мальчики, девочки юны, им, может быть, даже неприятна предусмотрительность родителей, откладывающих деньги или покупающих необходимые вещи для начала их самостоятельной жизни. Но потом, когда они начинают жить отдельно, своей семьей, такая заботливость родителей очень облегчает им жизнь. Так что, всячески порицая расчетливость молодых, вступление в брак из-за материальных соображений, упреки из-за отсутствия «приданого» у той или другой стороны, нельзя не приветствовать стремление родителей

помочь детям в начале самостоятельной жизни. Не случайно в последнее время получают все большее распространение и свадебные вклады на имя детей и свадебные страхования.

Если молодые до свадьбы уже не зависят от родителей, а самостоятельно работают, им тоже не мешает побеспокоиться о будущей семейной жизни и при возможности откладывать постепенно деньги, чтобы безболезненно обзавестись необходимым с самого начала семейной жизни. И чтобы ко времени, когда появится малыш, не экономить на питании и иметь возможность приобретать нужное для его обслуживания. Такая хозяйственность, дальновидность делает честь и парню, и девушке.

Эпикур заметил, что, если хочешь сделать человека богатым, надо не денег прибавлять ему, а убавлять желания. И те, кому приходится строить свою семью на пустом месте, и те, у кого сразу дом — полная чаша, и те, у кого промежуточный вариант, должны помнить: люди счастливы не столько тем, что имеют, сколько своим отношением к этому. Наверное, каждый встречал людей, погруженных в достаток, которых счастливыми никак не назовешь, и людей жизнерадостных при несколько стесненных материальных обстоятельствах. Итак, хорошо, если материальное благополучие — основа для нормальной жизни, но плохо, если оно — главный стимул усилий семьи.

Всепоглощающая тяга к комфорту обычно мало свойственна молодости. И ее стремление упростить свой быт должно скорее радовать, чем огорчать родителей: если молодые сохранят привычку обходиться самым необходимым, а это необходимое будет давать ощущение удобства и удовольствия, можно будет только позавидовать устройству их дома.

Но даже и тогда, когда молодые желают, чтобы родители им создали копию того, чем богаты и рады сами, едва ли стоит полностью удовлетворять эти желания: может быть разумнее, обеспечив основой, оставить какие-то стимулы и для самостоятельных достижений. Не случайно пословица предупреждает: если хочешь испортить человека, дай ему все, что он пожелает. А родители порой дают и больше того, что желают дети. Им, допустим, все равно, будет ли у них только шкаф или роскошный гарнитур, а родители нацелены на «высший результат» из-за ложно понимаемой престижности, из желания не уронить себя перед знакомыми. А позже удивляются, а то и обижаются, что дети не испытывают особой благодарности, не ценят и не понимают родительского самопожертвования. Чрезмерная опека, лишающая детей самостоятельности, вероятно, так же нездорова, как полная безучастность к их трудностям, при условии, что у родителей есть возможность помочь молодым (практика показывает, что первый вариант в нашей стране в отличие от большинства других более распространен, чем второй).

И хотя материальное благосостояние людей растет, а государство берет на себя все большую часть забот о жизненном уровне семьи (общественные фонды потребления возросли с 4,6

миллиарда рублей в 1940 г. и 27,3 миллиарда в 1960 г. до 105,4 миллиарда в 1980 году), растут и потребности. По исследованиям, проведенным в Латвийской ССР, каждая третья пара рассчитывает на материальную помощь родителей (на практике же ею, похоже, пользуются и того больше). Иногда эта помощь заключается в том, что родителям приходится почти полностью содержать молодых (например, студентов). Деликатность подсказывает обеим сторонам наиболее приемлемое в данной ситуации поведение. Родители не могут считать себя вправе по этому поводу подчинять молодых своей воле и руководить их жизнью, напоминая (если не словом, то отношением) об их зависимости.

Если обе семьи живут вместе, во избежание недоразумений удобнее всего сразу договориться, на какой основе будет вестись хозяйство. Если все деньги кладутся в «один котел» — на общее питание и домашние расходы, то и при самых скромных ресурсах старшая семья должна оставлять молодым определенную сумму для самостоятельных расходов, в которых они не должны отчитываться. Это не только дает необходимое молодой семье чувство независимости, но и учит планировать расходы. А при самых свободных возможностях целесообразно совместно планировать хотя бы крупные расходы, а не брать их родителям полностью на себя, чтобы у молодых, с одной стороны, не было чувства подавленности материальной зависимостью, а с другой — не исчезло чувство благодарности к старшим за заботы. Молодые же должны думать не только о себе, более того, о своих интересах думать после того, как будут удовлетворены интересы старших. А у молодых супругов порою настолько нет ощущения справедливости, что они безмятежно воспринимают и свое, как свое, и родительское, как свое, так, будто родителям уже ничего не может и не должно быть нужно. Порою эгоизм молодых кажется настолько естественным, что не вызывает даже чувства протеста у старших, и уж тем более не ждут они благодарности от молодых за заботы.

В большинстве случаев родители рады, что есть возможность чем-нибудь помочь детям, и делают это бескорыстно. Но хорошо, если дети при этом не смотрят на них, как на источник удовлетворения собственных нужд, а видят в родителях, пусть даже очень пожилых, людей, у которых есть свои потребности и которые имеют право на более комфортабельные и благоустроенные условия жизни.

Молодые, жившие до свадьбы самостоятельно, нередко удивляются: жили порознь — и ему, и ей хватало средств, а объединились — и сразу стало не хватать. А это сигнал пересмотреть новый бюджет и, возможно, вернуться к прежнему, досвадебному. Впереди — целая жизнь, и будет еще возможность обзавестись желанным. Время вещи еще придет, а после свадьбы самое главное — установить отношения в своей новой семье. Важно не надорваться, стремясь получить как можно больше сразу. Недоедания, сверхурочные работы, выматывающие силы ради вещей, настораживают: как бы ни был крепок организм,

резервы его не бесконечны. А потеряв здоровье, никаким вещам рад не будешь.

Очень часто двигателем побуждений является не необходимость, а пример других: «почему у таких-то есть, а у меня нет». Сравнивать с другими, соревноваться, а тем более упрекать — значит отравлять радость общения, создавать в семье напряжение, которое рано или поздно приведет к конфликтам.

Раньше принято было считать, что этой болезнью болеют преимущественно женщины: свойственное им стремление к уюту, ограниченность интересов концентрировали все внимание на убранстве себя и дома. Сейчас заметна такая озабоченность и у части мужчин.

Те, кто вступает в самостоятельную жизнь с пониманием, что будет всяко — и скудно, и пышно, что материальное благополучие, как правило, с годами повышается, отнесется к материальным сложностям начального периода как к необходимой школе хозяйничания, которая принесет свою пользу. Важно пройти этот этап с наименьшим напряжением, проявив такт и культуру, ориентируясь на взаимопонимание и взаимную снисходительность.

В первую очередь нужно научиться четко осознавать свои возможности и подчинять им свои потребности, распределять средства, выделив главное и второстепенное.

Нельзя экономить на питании, полноценном отдыхе. Неразумно отравлять себе жизнь из-за того, что у кого-то материальные возможности больше: в нашем обществе они не являются мерилом значимости личности, а счастье семьи далеко не всегда находится в прямой зависимости от ее средств.

Тот, кто с детства не научился регулировать свои расходы, должен постараться обрести это умение в кратчайшие сроки, поскольку молодая семья остро в этом нуждается.

Хотя сегодня муж и жена зарабатывают чаще всего одинаково, на мужчине лежит первичная ответственность за благосостояние семьи, поскольку женщина более привязана к заботам о детях, а нередко — и о доме, а сил у Нее меньше, чем у Него.

Никакие притязания молодых на материальную опеку непозволительны. Даже если живущие в материальном достатке родители не желают помогать детям в нелегкий период становления семьи, упреки со стороны детей в этой ситуации бессмысленны: юридически родители свободны от подобных обязанностей. Обязать их может лишь внутренняя потребность и чувство долга.

Со стороны родителей недопустимо, помогая детям, упрекать взрослых, но еще не самостоятельных подопечных в своих благодеяниях. Это вместо благодарности и признательности способно вызвать чувство горечи и даже протеста. Нет возможности — не следует помогать, но

нельзя угнетать и унижать напоминанием о своей помощи и заботливости.

Непозволительно жене укорять мужа малыми заработками: денег это почти никогда не прибавляет, а отношения портит. К тому же положение можно исправить увеличением собственного заработка.

Но и зарабатывая больше мужа, жена не должна терять чувства такта: эта ситуация сама по себе мало приятна Ему, а если еще и подчеркивать ее, вместо уважения можно добиться неприязни.

Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает.

Ф. Энгельс

Кто хочет узнать какой-нибудь народ, тот должен изучать его в семейном, домашнем быту.

В. Г. Белинский

Кто работает с любовью, тот вносит поэзию во всякую работу.

Н. Г. Чернышевский

Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически.

А. П. Чехов

Одно из самых удивительных заблуждений — заблуждение о том, что счастье человека в том, чтобы ничего не делать.

Л. Н. Толстой

Никакая внешняя прелесть не может быть полной, если она не оживлена внутренней красотой.

В. Гюго

Деньги, которыми обладаешь,— орудие свободы, деньги, за которыми гонишься,— орудие рабства.

Ж. Руссо

РАДОСТИ И СЛОЖНОСТИ ОБЩЕНИЯ

Наедине. Утро после свадьбы начинается с того, что, проснувшись, убеждаешься: ты уже не один.

Запоминайте свое состояние. Это поможет в трудные минуты. Потребуется немало способностей, чтобы преодолеть эгоцентризм. И в борьбе самолюбий, сутолоке будней не сломать, не затоптать любовь.

Радостной или тоскливой будет новая жизнь вдвоем, зависит и от объективных причин — окружающих условий, достоинств и недостатков избранника, и от субъективных — отношения к новой своей половине, способности видеть все в радужных или в пасмурных тонах, от подготовленности к браку, воспитания.

Психологи отмечают, что важнейшая задача воспитания — формирование правильных установок, разумных потребностей, которые, вслед за К. Марксом, делят на физические, материальные, необходимые для физического существования человека, социальные и духовные.

К первым относится и потребность в физической близости двоих, определяемая как потребность в продолжении рода и сексуального удовлетворения.

Бытует мнение, что именно в этом проявлении человек ближе всего стоит к своим бессловесным «меньшим братьям». И действительно, чувства влечения неподвластны разуму (хотя и могут корректироваться им), в минуты высших интимных наслаждений ощущения первичны, они завладевают человеком целиком.

Но именно в любви культура — Человеческое в человеке — важна более, чем где бы то ни было. Если мужчина и женщина ведут себя только как биологические особи, если ощущениями все начинается и с их удовлетворением притяжение кончается, тот, другой, воспринимается только как средство,— тогда неважно, кто рядом. Если к тому же и эти ощущения не бог весть как отрадны, то ничего удивительного нет, что семья распадается.

На Востоке культуре проявления чувств, эстетике любви обучали в школе. Вероятно, только в Индии можно услышать то, что говорит, например, об операции аппендицита доктор Сингх

в документальной книге В. Жукровского «Странствия с моим гуру»: «Шов зарастает, остается симпатичный шрам, который выглядит даже трогательно, особенно на теле женщины, и способен затронуть сердце, стать еще одним местом для поцелуев», доступным, естественно, только избраннику. В этой же книге гуру рассказывает своему европейскому другу о свадебных обычаях: «...деликатность не позволяет прикасаться к жене по меньшей мере три ночи. Тела должны освоиться, познакомиться, стать друзьями сна и мечты... У нас возлюбленная вступает на ложе супруга девушкой, ее следует уважать...», хотя теоретически она знает все из поэм, искусства.

Помимо названных в предыдущих главах книг о любви о ней подробно рассказывает и храмовая скульптура, которая выявляет не столько чувственность, сколько естественность и красоту земной человеческой любви.

Внимание к жизни тела помогло сделать немало открытий. Например, задолго до подтверждения этого наукой было замечено, что женщина, несмотря на свои пышные формы (столь ценимые ранее в Индии), существо психологически и эмоционально более тонкое; что в отличие от мужчины Она редко загорается сама по себе, чаще — в ответ на Его внимание. Было выявлено, что чувственная сфера женщины — инструмент более сложный, многострунный, настройка которого на лирический лад требует навыков, старания и времени. И если учесть, сколь заботливо была разработана система интимных отношений в Индии, можно предположить, что это самым благоприятным образом сказывалось на семейной жизни. Возможно, в уважительном отношении к жизни тела одна из причин того, что образ раздражительной, ворчливой жены значительно реже встречается в восточном искусстве, литературе, чем в европейском...

Древняя Греция тоже уделяла немалое внимание телу, его развитию и красоте. Если вспомнить высказывание К. Маркса о том, что греки были нормальными детьми, то можно сказать, что, как и всяких детей, чувственность мало тревожила их. Девочки и мальчики до возмужания играли вместе без всякого покрова. Юноши и девушки выступали обнаженными на соревнованиях. Тело считалось совершенным творением природы, в котором человек обязан сохранить здоровье. А здоровое человеческое тело не менее прекрасно, чем произведение искусства. Восхищение его красотой воспитывалось искусством, которое не только отражает жизнь, но и учит, передает опыт человечества каждому отдельному человеку.

Венеры — Милосская, Таврическая, Книдская, Зевс-громовержец и вся многочисленная вереница героев и человекоподобных богов не ведают о том, что им надо стесняться. В средневековье тело, как греховный сосуд, было предано анафеме. В живописи, скульптуре все бестелесны: одеяния есть, а тела под ним нет, все плоскостно, без объемов. И литература о теле тоже молчит. А в сознании людей и тело, и земная любовь опорочены так накрепко, что и спустя столетия, до сегодняшнего

ния мы иногда сталкиваемся с неестественным — ханжеским или циничным — отношением к ним.

Возрождение начинает культивировать плоть. В литературе любовь то платонична (Данте о Беатриче), то всепокоряюща (у героев Шекспира), то буйна до крайности (у Боккаччо).

Театр, учитывая, что действие представляют актеры, раскрывает тему более сдержанно.

В живописи человек гармоничен. Зов тела не заглушает голоса разума. Пиппо Спано, Ипполито Римипальди, Шарль Моретт, Эразм Роттердамский — такие разные — всегда многогранны, с легкочитаемой, богатой событиями и чувствами жизнью, интимная сторона которой остается в тени, не выносится на общее обозрение.

Со времен Возрождения изобразительное искусство вновь свободно поет о красоте обнаженного человеческого тела, особенно женского (Веласкес, Рембрандт, Гойя, Ренуар и др.). Постепенно в искусстве начинает появляться любовь двоих. Во второй половине XIX века широкую популярность получает серия скульптур о влюбленных, созданная О. Роденом. В наши дни подобную серию, интересную по замыслу и высокохудожественную по пластике, создал итальянский скульптор, лауреат Ленинской премии за укрепление мира между народами Д. Манцу.

На Руси даже язычество не культивировало эротизма, хотя любовь была естественной и самозабвенной, как у всех детей матери-природы. Христианство отмечено общей для всех стран строгой внешней благопристойностью при дикой разнузданности, встречающейся повсеместно. Нельзя, конечно, сказать, что все, принятое в то время, заслуживало осуждения. Оправданны, например, запрещения на интимные отношения во время уборки урожая, постов, что экономило силы, нужные на работу, давая в то же время возможность супругам соскучиться. Но в целом литература, начиная от «Летописи временных лет», включая документальную и кончая современными историческими романами, решительно опровергает сетования, что в старину-де нравы были чище. Почти каждое произведение о любви протестует против произвола власть имущих над бесправными, против купли-продажи в любви, против лицемерия одних и жертвенности других. При этом внимание не концентрируется на эротике, любовь одухотворяется.

Русские художники обращаются к изображению обнаженного тела также целомудренно и как бы вскользь.

На Западе в середине XX в. интимные отношения двоих попали в фокус внимания широкой публики, заговорили о «сексуальной революции». Секс стал одной из выгоднейших статей торговли. Им приправляют, а часто и полностью заполняют фильмы, спектакли, бестселлеры, фотожурналы.

Красота тела, интимные отношения стали предметом торговли, как когда-то во времена заката Древнего Рима. С той разницей, что тогда будить чувственность, разжигать страсти демонстрацией любви заставляли рабов, которые были подчинены

хозяину и лишены права на самолюбие, человеческое достоинство. Сейчас на это идут из-за денег. Когда «все на продажу», телом торгуют, как всяким другим товаром.

Мир чувственных восприятий небезразличен человеку. Особенно в молодости, когда мир этот лишь начинает открываться ему, когда кровь кипит, а разум не обогащен опытом. Потому так важно воспитание, которое и чувству, и разуму, и чувственности, и всем другим заложенным в человеке потребностям отводит соответствующее место. Важно развить в себе эстетический вкус, который поможет отличить естественность поведения от распущенности, цинизма, искусство от — пусть искусно выполненной — порнографии, смакующей непристойность, поможет увидеть, что в одном случае природа в человеке воспринимается бережно и это одухотворяет, возвышает его, а в другом — он доводится до уровня примитива, способного лишь на ощущения, которыми стремятся вытеснить все, чем может и должен жить человек.

В начале «сексуального бума» в западной литературе мелькала уверенность, что, получив научно разработанную, детально расписанную «технику секса», люди решат одну из сложнейших задач бытия. Но надежды не оправдались. Знания техники сами по себе необходимой полноты чувств, любви не дали: человек не автомат и существо не только биологическое. Он стремится к большему, чем минутные ощущения. Он живет прошлым и будущим, и потому ему необходимо, чтобы память не мучила, а радовала его и чтобы то, что дорого, приятно сейчас, не исчезло, а получило продолжение и развитие в будущем.

Но это никак не порочит теории. Знания нужны, чтобы преодолеть стыдливость, дать свободу в общении, сделать его отрадным для обоих с учетом индивидуальных особенностей каждого. И в этом, в необходимости знания индивидуальных особенностей, лежит одна из разгадок потребности в общении с одним человеком, одна из причин, приводящая человека к созданию семьи.

Однако наряду с потребностью стабильности, постоянства человеку необходима и новизна в отношениях вообще и интимных в частности. Но, как правило, потребность эта приходит не сразу, и в молодой семье поводов для эмоций скорее избыток, чем недостаток. Поэтому приходится больше заботиться о том, как наладить отношения, чем разнообразить их. При нормальном развитии семьи разнообразие сполна может обеспечить и один единственный спутник — при условии, что отношения ценны для обоих, что ни один из супругов не сомневается в его признании другим.

Научно доказано, что потребность в новизне нужна как мужчинам, так и женщинам. И за непостоянство расплачиваются также оба — разрушением здоровья, деформацией нравственности, притуплением чувственности, потерей способности любить. И ссылки на то, что женщине физическая близость не обязательна, в то время как мужчина не может обходиться без нее, также

опровергнуты наукой. Да и на практике отмечают, что все зависит от темперамента, воли, нравственных установок как одного, так и другого. В годы войны, в дни испытаний, напряженных рабочих будней и сознание, и организм помогают отключаться. Но сознание помогает человеку, как мужчине, так и женщине, и оправдывать свою невоздержанность, когда человеку хочется себе ее позволить.

XX век и в этих вопросах «уравнял» женщину с мужчиной. На протяжении столетий существовала убежденность, что женщина физиологически нечувствительна (фригидна). Чувственность, пылкость, свобода в интимной жизни связывались с легкостью поведения, распущенностью. «Порядочная» женщина демонстрировала холодность. Физическое влечение к кому-либо (в том числе и мужу) компрометировало ее. Считалось, что если Она дает ему радость близости, Он взамен должен давать Ей что-либо иное (положение, материальное обеспечение и т. д.).

Сейчас же научно доказано, что физическая близость необходима обоим, а неудовлетворенность ею влияет на здоровье, психологию, жизненный тонус обоих. И тем не менее существует печальная статистика, говорящая, что немалое число семейных пар страдает от дисгармонии в семейных отношениях. Эстонский ученый Э. Тийт отмечает: где в интимной жизни достигнута гармония, там больше общих интересов, оба выше оценивают положительные черты характера и внешность друг друга. Безусловна и обратная связь: чем больше духовное единство, тем легче достигается гармония во всех гранях совместной жизни. Достижение гармонии в интимной жизни, как доказывают ученые, зависит не от физических данных супругов: физическая несовместимость явление крайне редкое.

Гармония зависит от отношения друг к другу, грамотности в вопросах интимной жизни, от культуры — знания физиологии и психологии, умения вести себя, понимания, что Он и Она, даже став единым целым, остаются существами разными. При этом, конечно, не стоит тешить свое самолюбие и полагать, что твоя система совершеннее, как не имеет смысла и сокрушаться по поводу своего пола: у обоих есть свои преимущества, как и свои слабости. И чтобы сохранить естественность и максимально проявить лучшее, чем наделен каждый, свое поведение рекомендуется организовывать с учетом этих различий.

Они проявляются и в том, что потребность в ласке, нежности у Нее с самого начала острее, чем у Него: Она по природе своей более эмоциональна, трепетна (и если не будет трепетать от любви, начнет — от раздражения).

Специалисты отмечают еще одно различие, выраженное в популярном изречении: «мужчина любит глазами, женщина ушами». Это не значит, что мужчина безучастен к словам, а женщине все равно, как Он выглядит. Но многочисленные анкетирования подтверждают, что для Него особенно ценна Ее эстетичность, для Нее же — Его нравственность (Он — по сказкам — Добрый Молодец, Она — Красна Девица).

У Него любовь чаще начинается с физического влечения, и поэтому Ей необходимо сохранять привлекательность внешнего вида, эстетичность поведения. Ее же желание возникает как отклик на Его внимание, ласку, слова о Его чувствах, Ее достоинствах.

И. Сельвинский писал:

> А женщине, как всем актрисам,
> Что так талантливо нежны,
> Присущ особый артистизм,
> Но ей овации нужны.

Ему, как правило, достаточно знать, что Она любит Его. Ей необходимо вновь и вновь убеждаться в этом. Так что молодому супругу, радостно сжимающему в объятиях свое сокровище, не мешает помнить при этом, что Его радость не обязательно разделяется Ею.

Если Ему приятны объятия, Ей нужны при этом еще и ласковые слова. И если Он полон желания любить Ее вечером, то не мешает вспомнить, был ли Он к Ней внимателен утром, заботлив днем.

Если ему достаточно физической близости, Ей необходимы нежность, заботливость до близости и — что еще важнее — после нее. Лишь тогда Его отношение будет вознаграждено Ее признательностью.

Сделав женщину носительницей новой жизни, природа позаботилась, чтобы Она откликалась медленнее, как бы дала Ей время на раздумье, чтобы выбрать более достойного в отцы своему ребенку, того, в ком меньше эгоизма и больше человеческих качеств — способности помнить о другом, его чувствах, умения заботиться о других.

Культура проявления чувств предполагает умение оказать внимание, выразить благодарность, не скрывать радости, восхищения — все это обогащает физические ощущения. К чувству наслаждения прибавляются положительные эмоции, связанные с его ожиданием, убежденностью, что ты не просто человек, который находится рядом, когда появляется потребность физической близости, не тот, кто вынужден независимо от своей воли исполнять супружеские обязанности, а человек желанный, ценимый за свои исключительные индивидуальные качества. Не случайно в последнее время слова «исполнение супружеских обязанностей», столь распространенные некогда, вышли из употребления: современные супружеские отношения предполагают в интимной жизни не столько исполнение долга, сколько проявление любви. Выражение А. Экзюпери «человек приручает друга» — в интимной жизни приобретает прямой смысл. Теплота любимых рук «окольцовывает» и держит надежней росписей и штампов (которые, разумеется, делу не помеха, а помощь).

Культура мужчины в интимных отношениях проявляется в желании и умении дать максимум наслаждения женщине. Культура женщины — в умении не только вызвать желание, но и

сделать все, чтобы после его удовлетворения осталась благодарность. Правильно говорят: чтобы покорять многих — нужны способности, но чтобы одного всю жизнь — нужен талант.

Культура интимных отношений предполагает знание наиболее восприимчивых — эрогенных — зон и умение понять состояние близкого человека. Близость двоих лишь тогда доставляет радость, когда каждый думает об ощущениях другого и своим поведением вызывает его признательность. Не случайно А. Вознесенский писал:

> Плоть не против духа. Ибо дух
> То, что возникает между двух.

Принято считать, что в интимном общении Ему отведена более инициативная роль, особенно в начале. Да простят любящие свою исключительность, но не случайно, наверно, и в животном царстве Он токует, распуская хвост, танцует, побеждает соперника. Словом, любым доступным Ему способом демонстрирует свое желание очаровать и завоевать Ее расположение. Как не случайно говорят, что любовь — это «игра чувств». Она исключает деловое партнерство. Принуждение противопоказано ей, как и обязательность, и однообразие. Положительные эмоции ни упреками, ни увещеваниями, ни требовательностью не вызвать. Это своеобразная игра, в которой необходимо активное участие обоих. Хотя ничего нет противоестественного в том, что кто-то один «ведущий»: при нормальном развитии семейных отношений распределение ролей на протяжении жизни может не раз меняться. В этом, кстати, тоже одна из ценностей брачных уз — они дают возможность изменять отношения исходя из того, каков человек в данное время, и это поддерживает, развивает любовь.

Интимная жизнь в супружестве имеет еще и то преимущество перед случайными связями, что позволяет более раскрепощенному не спеша, постепенно пробуждать желания, будить чувственность второго, не предъявляя ему пока непосильных требований, своеобразия своих вкусов, что у человека неподготовленного может вызвать неприязнь и даже отвращение. Кстати, это еще один из поводов приветствовать воздержанность молодых до брака: если они свободны от предубеждений, ложной стыдливости, подготовлены теоретически, то практические навыки, приобретенные совместно, углубляют любовь. Радуясь своим открытиям и поощряя друг друга к новым, они испытывают все большую привязанность.

Любовь — это творчество двоих. Она всегда индивидуальна. И потому общепринятых правил этикета в этой области нет и не может быть. Но общие закономерности, основы существуют. И соблюдение их помогает наладить отношения.

Как и во всех сферах общения, в интимных отношениях необходима взаимная доброжелательность, заботливое отношение к женщине, признательное — к мужчине. И понимание, что интимные отношения неразрывно связаны со всей остальной жизнью

двоих, проходят на фоне их каждодневного общения друг с другом, зависят от общей атмосферы в семье.

В интимной жизни нет «стыдных» желаний, они должны лишь координироваться с желаниями другого. Медики утверждают: все, что доставляет удовольствие обоим, допустимо в отношениях. Безнравственным считается лишь то, что во имя чувственных ощущений унижает человека или перечеркивает все остальные сферы его жизни.

Недопустимо все, что противоречит желаниям другого, что угнетает его физически или морально. Если что-то из действий одного неприятно другому, настаивать, убеждать, просить бессмысленно. Приходится терпеливо пробуждать интерес у своей половины, помня, что эта сфера отношений не приемлет спешки, но создает те узы, которые все крепче привязывают друг к другу.

Скрывать свои ощущения — как положительные, так и отрицательные — не имеет смысла.

Все замечания высказываются самым деликатным образом. Абсолютно недопустима насмешка по поводу физических несовершенств друг друга. Не имеет смысла критиковать то, чего человек изменить не в состоянии, упрекать прошлым или говорить о том, что Вам с кем-то было лучше.

Даже самые любящие супруги не всегда с одинаковой готовностью откликаются на нежность. Укоры в таких случаях неуместны. Как и паника, страх, что охлаждение говорит об отсутствии любви, измене и т. д. Притяжение не может быть всегда одинаковым. Обычно оно идет волнами. Главное, чтобы «при отливе» сохранилась взаимная теплота, понимание. Помимо состояния здоровья закономерно и временное «пресыщение» друг другом, и рабочее напряжение, которое отвлекает внимание, забирает силы.

Одной любовью человек в реальном мире жить не может. А в начале совместной жизни проблем так много, что вопросы интимных отношений не играют ведущей роли. Пока главное, чтобы Она сумела не унизить Его мужского достоинства, не ранить Его мужского самолюбия.

Он же следит, чтобы бесцеремонностью, проявлением эгоизма не вызвать в жене обиды или, наоборот, неуверенностью поведения — неуважения. Своим вниманием Он укрепляет в Ней надежду и уверенность, что благодаря взаимной любви в их отношениях все наладится к лучшему.

С родителями. Занятые собой, молодые супруги порой бывают недостаточно внимательными к родителям. Иногда это невнимание принимает такой характер, что вызывает обиду старших.

Раньше решающей основой взаимоотношений была экономическая: ожидание наследства обязывало молодых к почтительности, а родителям давало над детьми, даже взрослыми, определенную власть. Сейчас отношения в основном строятся на нравственной основе — любви, уважении.

Общение нужно и младшим, и старшим не только тогда, когда одни помогают другим материально или по хозяйству. Чувства взаимной привязанности обогащают жизнь обеих семей. И большинство ценит и оберегает добрые отношения.

Конфликты же, которые возникают в семьях, редко носят принципиальный характер. При ближайшем рассмотрении обычно оказывается, что они могли быть безболезненно разрешены в самом начале, не превращаясь в долгую цепь недоразумений и обид. И решение этой важной психологической задачи в первую очередь лежит на молодых: помимо уважения к возрасту, жизненному опыту они демонстрируют и признательность за воспитание своей жены (мужа), благодарность за проявленные заботы о молодой семье. И главное — свое желание наладить добрые отношения, несмотря на первые сложности на этом пути.

Как свидетельствуют анкеты, напряжение чаще возникает между старшей из женщин (свекровью, тещей) и новым членом семьи — невесткой, зятем. Отцы в большинстве случаев спокойнее и доброжелательнее. Вероятно, потому, что менее эмоциональны, не так обидчивы и не столь тесно связаны с мелочами семейной жизни. Если же мать воспитывала ребенка одна, что нередко теперь случается, то ей еще труднее бывает «отрывать» его от себя. Особенно, если мысли о будущем связаны с одиночеством.

«Соперничество» невестки и свекрови возникает тогда, когда у молодого супруга не хватает такта уделить должное внимание и молодой жене, и матери. Наверное, не один молодой муж мог бы сказать о себе словами песни:

> Я ее окружал и теплом, и заботой.
> Не тебя, а ее я хозяйкою звал.
> Я ее целовал, уходя на работу,
> А тебя, как всегда, целовать забывал.

Невысказанные обиды матери, скапливаясь, вызывают раздражение, срывы по пустякам, которые кажутся непонятными и мелочными. Бывает, что срыв направлен не на невестку (которая, может, и нравится), а провоцирует ссору между молодыми, чтобы появилась возможность успокаивать, мирить, уговаривать молодых — то есть быть им очень нужной.

Разумная молодая женщина попытается найти общий язык с матерью мужа. У женщин столько общих забот и хлопот, что как бы ни разнились взгляды, вкусы и характеры, при последовательной настойчивости младшей они обязательно находят общие интересы. Во всяком случае перед тем, как сказать (вслух или про себя): «Не хотите — и не надо», не мешает оглянуться назад и тщательно проанализировать поведение обеих, чтобы быть уверенной, что действительно сделано все возможное и нет твоей вины в том, что отношения не сложились. Опыт показывает: редко какая свекровь оказывается совершенно «неподдающейся».

Отношения тещи с зятем, как пишут специалисты, часто строятся на сравнении Его с собственным мужем — заботливым к их девочке, солидным, умелым, уважаемым и т. д. (в данном случае фиксируется все только положительное, без воспоминаний о том, как все это формировалось). При таком сравнении зять, естественно, проигрывает. Если же собственный муж оценивается невысоко или мать воспитала дочь одна, то и дочь ее может воспринять убежденность: все мужчины одинаковы, ничего хорошего ждать от них не приходится, им только уступи, потом наплачешься. В этом случае мать с дочерью выступают как союзники в своем негативном отношении к молодому мужу. И тогда многое зависит от зятя: он должен убедить жену, что они могут строить отношения на иной основе. Увидев, что рядом с дочерью надежный человек, который умеет исполнять свои обязанности и ни ее, ни себя в обиду не даст, большинство матерей проникается в конце концов к такому зятю уважением.

Все родители мечтают о благополучии своих детей, переживают их семейную неустроенность, радуются и гордятся налаженными отношениями молодых между собой и с родителями. И потому, если возникают конфликты в жизни молодых, родители чаще всего готовы откликнуться на доброжелательность зятя, невестки. И это обязывает молодых, проявляя уважение и к себе, и к старшим, объединять общую семью. (Речь, естественно, идет о нормальных здоровых семьях, каждый член которых тем не менее всегда несет какое-то своеобразие, которое приходится учитывать, как мы делаем это в любом другом коллективе).

И не случайно оценивается как аморальное, беспечное, эгоистичное отношение молодых к родителям, которые остаются одни и потому нуждаются в их участии и внимании. Занятость сверх меры, важность выполняемой работы, нелюбовь к письмам, неумение писать их — и это, и все иное не может служить оправданием, когда где-то (далеко или рядом) ждут тепла наших слов, рук, улыбок те или тот, кто когда-то согревал нас.

Не забывайте слов А. Вознесенского:

> Матери сиротеют.
> Дети их покидают.
> Ты мой ребенок,
> мама, брошенный мой ребенок.

Брошенных матерей, отцов не должно быть так же, как и брошенных детей.

Человек в своей жизни прорастает сквозь три семьи: родительскую, где он усваивает основные нормы и правила общежития, собственную, где утверждает их, передавая детям, и семью дочерей и сыновей, в которой живет радостями и печалями детей своих. И все три семьи необходимы человеку, потому что каждая дает ему возможность испытать ни с чем не сравнимые чувства, пережить ничем не заменимые радости, без которых нет ощущения полноты жизни. Отцовская и материнская

любовь отличны от притяжения к Нему (Ней), нежность к детям отличается от привязанности к внукам. И если в детстве мы ищем опоры у родителей, то, вырастая, становимся опорой, а порой и главным источником эмоций для них, и как важно, чтобы эти эмоции были отрадными.

Но бывает, родители сами, при всей своей огромной любви к детям (точнее, именно из-за нее), устанавливают тон, который мешает нормальному общению, приводит к ссорам.

Часто обиды родителей возникают из-за того, что им трудно перестроиться, увидеть в своем вчерашнем ребенке сегодняшнего мужа или жену, пытаются по-прежнему опекать их, оберегать от любых нагрузок — физических и психических. Это, с одной стороны, хорошо, но с другой — сковывает инициативу молодых. В таких случаях родители не считают уже, что по отношению к новой семье у них право совещательного голоса, а не решающего, и пытаются установить в ней порядки, которые кажутся им наилучшими. Очень может быть, что они действительно наиболее благоразумны. Но если молодые сопротивляются, им надо предоставить возможность убедиться в правоте родителей самим. Проявив самостоятельность, они воспримут этот опыт как собственный, и тогда он будет иметь для них ценность.

В общении с молодыми приходится смотреть на них, как на равных себе, только менее опытных и умелых в чем-то (что естественно). Но с другой стороны — строить совсем на равных отношения с ними не приходится: молодые многого не в состоянии представить и понять, не пережив того, что пережито старшими. Опыт, мудрость приходят с годами. И именно мудрость старших — лучший регулятор отношений родительской и молодой семьи (что особенно важно и — нечего скрывать — сложно, если они живут вместе).

Свой собственный семейный опыт, как и наблюдения за окружающими, подсказывает родителям, что семья не создается в один день или месяц, что она складывается годами. И потому каждый конфликт нельзя воспринимать как утверждение, будто выбор неудачен и надо скорей защищать сына (или дочь) от пришельца. Ф. Кривин в «Карандаше и резинке» рассказывает, как поженились острый Карандаш и мягкая Резинка, после чего перья донимали Карандаш: где же твое мужское самолюбие, слова не успеешь сказать, а она его — насмарку. А бритвы, близкие Резинки, предупреждали ее: наплачешься ты со своей мягкостью, он тебе пропишет. Такие наставления сделали свое дело. И Карандаш, чтоб отстоять мужское достоинство, стал нести всякую околесицу, а Резинка, в целях самозащиты и укрепления семьи, стала стирать вообще все, что он ни напишет. Так и разошлись они, не прожив и месяца. А перья и бритвы, хоть и переживали распад семьи, утешались тем, что все случилось именно так, как они предвидели.

Вероятно, лучше всего вообще не включаться в раздоры. Некоторые, переждав, когда молодые успокоятся, делают порознь замечания своему ребенку и его спутнику: ведь в ссорах,

обычно, виноваты обе стороны. Но замечания зятю или невестке возможны только, если отношения доверительны и взаимно уважительны. Если родителям кажется, что их ребенка унижают или обижают, то и в этом случае высказать свое мнение следует так, чтобы не было разбирательств, выяснений, кто прав, кто виноват. Тон приемлем только спокойный и доброжелательный, чтобы молодые не сомневались, что здесь не только защита близкого, но и забота об интересах всей семьи и ее будущего.

Иногда же увлеченные ролью опекунов мамы-папы всю энергию направляют на устройство семейной жизни детей, и это приносит больше вреда, чем пользы молодым, поскольку приучает к нравственному потребительству, не вырабатывает ответственности за свои поступки и общую атмосферу в семье. Другими словами, лишает их опыта самостоятельной жизни, необходимого в их возрасте и положении: ведь молодые в скором времени сами станут родителями и к этому надо успеть подготовиться духовно. Особенно молодому мужу, поскольку женщина, став матерью, органичнее чувствует свою ответственность.

И родителям постепенно приходится перестраиваться, понимая, что как бы они ни любили и ни знали своих детей, в их новой роли — мужа, жены — они будут в чем-то проявляться по-новому. И если в этом проявлении нет ничего эгоистичного, безнравственного, родителям остается принимать этот процесс как неизбежный и закономерный. Естественно и то, что при самой безграничной привязанности к родителям они любят теперь и избранника. И — в норме — одно совсем не перечеркивает другое, хотя форма отношений с родителями обычно изменяется (кстати, бывает, и в лучшую сторону). Во всяком случае, как бы они ни любили детей, нельзя мешать тому, что должно в них осуществиться уже в новом их качестве. И вставать на пути этого — значит обеднять их в одном из существенных жизненных проявлений. Чтобы развести молодых, ни мудрости, ни жизненного опыта не надо. А вот помочь им строить отношения на взаимном уважении, не утрачивая привлекательности друг для друга и сохраняя привязанность к родителям,— для этого уже требуется немало стараний.

Обычно в семье больше внимания всегда оказывается тому, кто в этом в настоящее время нуждается. Так, если родители видят, как один из супругов (независимо от того, свой ребенок или Его (Ее) избранник) унижает другого, ничего удивительного нет в том, что старшие ищут формы воздействия на обоих.

И Он, и Она должны понять, что такие отношения не только осуждаются нашей общественной моралью, но не поддерживаются и в семье. При этом собственному ребенку достаточно чувствовать и знать, что он любим по-прежнему родителями, которые всегда помогут, но не будут слепо бросаться на его защиту — прав он или не прав, потому что ждут от него не только самостоятельности, но и порядочности. А невестке или зятю важно знать, что Ее (Его) всегда поддержат новые родители,

если Она (Он) будет права. Такая позиция старших очень помогает нормализовать отношения в молодой семье.

В том случае, когда родители убеждены, что их дочь (сын) любит больше, чем Он (Она), или избранник не достоин такого хорошего отношения, они, как правило, стараются «открыть Ей (Ему) глаза». Даже если они и правы в своей оценке, это не основание доказывать свою правоту. Не только потому, что их старания могут доставить страдание собственному ребенку, а иногда и ставят его перед выбором между дорогими людьми. Но, и не ошибаясь, мы можем просто видеть не то, что существенно и ценно для сына (дочери). Экзюпери отметил: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Так что, если Он или Она чем либо не нравится родителям, например ограниченностью, надо помочь дочери (сыну) пробудить у Него (Нее) интерес к культуре, ленивого — втянуть в общий труд, эгоистического — научить радоваться, проявляя заботу о ком-то.

Даже когда родителям не нравятся взаимоотношения молодых, вмешиваться все равно не рекомендуется: как бы хорошо ни знали они своих детей, каким бы примером ни была для младших жизнь старших, скопировать (даже с помощью родителей) ее они не могут. Во-первых, они сами не точная копия родителей, в них обязательно есть что-то незнакомое, что раскрывается именно с Ним (Нею), а во-вторых, и у спутника свое представление о семье. Там же, где молодые ценят самостоятельность (а иное и трудно представить себе), давление родителей может привести к разладам: покорности никто ни от кого требовать не вправе. (Правда, само собою подразумевается, что молодые уже осознают разницу между самостоятельностью, основанной на умении размышлять, убедительно обосновывать свое мнение, предвидеть последствия поступков, отвечать за них, исправлять вовремя ошибки, и упрямством, основанным на «как я сказал(а), так и будет»).

У некоторых народов существуют специальные правила, регулирующие отношения детей и родителей, невестки и свекрови, зятя и тещи. У нас в семье соблюдаются все правила, принятые в обществе между старшими и младшими. К ним добавляется только больше заботливости и тепла, стремления не обременять заботами и мелкими обязанностями.

Родители сейчас редко нуждаются в материальной поддержке, но нравственная им необходима, и тем больше, чем старше они становятся.

Оберегая родителей, стараются не нести им всю мелочь будничных неурядиц. Посвящая их в свои дела, планы, не забывают поделиться любой, самой малой радостью — она бесконечно дорога им. В разговоре стараются избегать не только лаконичных ответов «да» и «нет», но и тем, которые могут огорчить, вызвать неприятные воспоминания. С родителями по пустякам споров не заводят, поскольку старшие затрачивают на это нервы, здоровье.

Общаясь ежедневно, помнят, что люди с возрастом обязательно меняются, приобретая иногда качества, которых не имели раньше или они были менее выражены: повышенную обидчивость, мнительность, раздражительность. Иногда с возрастом люди становятся забывчивее или словоохотливее. Однако это не должно вызывать ответную недоброжелательную реакцию молодых. Многое во взаимоотношениях зависит от их умения успокоить старших, перевести разговор в более приятное русло, направить мысли в сторону положительных эмоций. Приглашайте их иногда с собой (или хотя бы берите билеты) в кино, театр, на концерты и т. д.

Старшие, в свою очередь, не забывают, что многое они воспринимают в молодых в зависимости не только от их качеств, но и от состояния своей нервной системы, от сложившихся представлений, внутренних установок: каждый человек может видеть и оценивать одно и то же явление по-своему. Не опекая в мелочах, не поучая на собственном опыте, помогают молодым обрести необходимые в семье привычки. Разговаривают между собой и с ними приветливо, разногласия и конфликты разрешают спокойно, без укоров, не повышая голоса. Пересматривают семейные традиции с тем, чтобы вредные не укреплялись в семьях детей, а хорошие получали там развитие.

Создавая семью. Как рвались когда-то женщины из тесных рамок семьи, как стремились к свободе, независимости, равенству! Но впечатление такое, что в пылу борьбы они захватили трофеев несколько больше, чем нужно. А почувствовав это, уже готовы были вернуть мужчинам часть из отвоеванного, но те почему-то не соглашались. И возникла ситуация, о которой Е. Евтушенко сказал:

> Как получиться в мире так могло?
> Забыв про смысл ее первопричинный,
> Мы женщину сместили. Мы ее
> унизили до равенства с мужчиной.
> Какой занятный общества этап,
> коварно подготовленный веками:
> мужчины стали чем-то вроде баб,
> а женщины — почти что мужиками.

Никто не отдаст завоеванного социального равенства, но в быту, в семье, в любви равенство это несколько относительно. И. Сельвинский в «Прозе о Прекрасной Даме» призывал: «При самом строгом соблюдении равноправия женщины нам нужен культ женского очарования».

В нем — этом культе — и заложенное природой стремление завоевывать Ее, и присущая человеку вечная тяга к красоте и доброте (без них — какое же очарование?). Это отношение к женщине выкристаллизовалось только потому, что *Она* — слабее, ранимее, зависимее от слова, тона, взгляда, без этого отношения Ей труднее ощущать себя женщиной, а значит — и воспринимать Его как мужчину, а Ему стать таковым.

«Чего же ты хочешь? — спрашивает иная пожилая женщина свою дочь.— Твой не пьет, не бьет, все деньги отдает. Чего тебе еще надо?». А дочь не понимает мать: при чем здесь «пьет», «бьет»? Она такого выгнала б давно. А Он — и ничего вроде бы, и все нормально, но нет радости в доме, будто чужие оба.

По лицу женщины, как писал Гете, видно, какой у нее муж. Обожание, восхищение делает женщину уверенной в себе, а значит, удовлетвореннее, спокойнее, ровнее и — счастливее.

Пусть не каждый согласится с А. Вознесенским, уверяющим:

Религий — нет,
Знамений — нет.
Есть женщина!

Но если видеть в Ней кухарку, прачку или даже больше — интересную спутницу, друга, но не видеть Избранную, Единственную, Любимую, Ей очень трудно стать такой. А ведь именно такая должна быть рядом.

Н. Чернышевский советовал смотреть на жену, как на невесту, тогда и через десять лет после свадьбы она будет вызывать такие же нежные чувства, как когда-то. Потому что, как бы Ее ни признавали на работе, в деле,— это важно, много, но — не все. Пусть там Ее ценят как сильного работника, а дома Ей надо, чтобы в ней видели слабую, нуждающуюся в помощи и сочувствии женщину. Даже когда Она демонстрирует свою силу и власть. И если Она очень ее хочет, снисходительный мужчина уступает — пусть натешится ею всласть. И тогда отдаст добровольно. С благодарностью. А пока Ей надо еще и еще раз убедиться, что Он разумный. И не эгоист. Сумеет быть сдержанным, думать не только о себе, но и о Ней, об их детях. Правда, Ей не стоит переходить границ и помыкать Им, помня, что такая Его уступчивость достойна уважения и благодарности.

Современная женщина не может заявить, как когда-то: «Я та веселонравная, которая любит только смехи и забавы». Роль игрушки — даже дорогой — мало кого сейчас устраивает. Но если Она впадает в другую крайность (довольно распространенную) и превращается в «деловой агрегат» — и на работе, и дома, без чисто женского умения согреть теплом понимания, сочувствия, помощи, — Она много проигрывает и как сотрудник (какой бы пост ни занимала), и как хозяйка дома (как бы к Ней ни относились тут). Потому что мужчины тянутся к жизнелюбивым женщинам. И, как все люди,— к добрым («Если в женщине есть доброта, значит, женщина состоялась»).

Согласившись, что массовая социальная активность свойственна более, чем кому бы то ни было, советским женщинам, нельзя забывать, что мягкость, женственность — исконные Ее свойства, оцениваемые всегда и всюду.

«Мужчина в любви ищет мира, — писал А. Моруа, — а не войны. Счастливы женщины нежные, ласковые, их любят больше. Ничто так не раздражает мужчину, как агрессивная жен-

щина. Амазонками восхищаются, но их не любят». Уж сколько раз разными словами была выражена истина: сущность женщины в Ее «слабости». Вот и Б. Ахмадулина написала:

> Гордилась я, и это было зря.
> Опровергая прошлую надменность,
> прошу тебя: не причиняй мне зла!
> Я так на доброту твою надеюсь!

Пока в мужчине нет доброты, Он тоже не состоялся. Мужская доброта идет от ощущения своей силы, от потребности опекать, защищать, помогать близким, всем, кто в этом нуждается.

Но женщины теперь стали исключительно независимыми. Говорят, это качество, по которому можно отличить любую советскую женщину, какую бы должность она ни занимала, как бы она ни выглядела — элегантной, как француженка, корректной, как англичанка, или эмоциональной, как итальянка. В них такая органичная независимость, будто она впитана с молоком матери. Они насквозь пронизаны уверенностью, что найдется куда постучать, если кто-нибудь рискнет их обидеть. И что каждая из них не пропадет (если только очень этого не захочет).

И потому они не только уверенно себя ведут, демонстрируя всем эту самую свою независимость, и говорят уже не столько о равенстве (пройденный этап!), сколько о превосходстве: они могут не только то, что умеют мужчины, но и многое такое, что не под силу им.

Если когда-то мужчина довоспитывал или перевоспитывал взятую юной жену, то наши современницы нередко жалуются, что труднее всего им дается воспитание старшего подопечного — отца своих детей.

Повзрослев к 18—20 годам, раньше своего сверстника, Она, как правило, без труда «берет Его в руки». И не забыв еще, как самой приходилось подчиняться воле родителей, с удовольствием испытывает теперь свою власть. И ничего возмутительного в этом нет. В ближайшее время Она станет матерью, переключив основное внимание на малыша, так что потребность руководить будет удовлетворена. А Он к этому времени научится сдерживаться, меньше думать о себе, подчиняя свои интересы общесемейным.

Но если Она хочет, чтобы муж Ее почувствовал себя Мужчиной, ответственным за семью, лучше поощрять Его к самостоятельности, инициативности. Тем более, что нередко Ему и на работе приходится быть исполнителем.

Так что, сменив деловой костюм на домашнее платье, женщине полезно менять и настрой. И даже, будучи на работе энергичной, попробовать дома расслабиться, стать мягкой, неторопливой, чтобы приучить Его быть в семье активным. Смена ролей — это ведь тоже переключение, отдых.

Тем, для кого важен Его рост по службе, приходится проявлять некоторую сдержанность. В этих вопросах женщины часто ведут себя непоследовательно. Желая видеть служебные успехи

мужа, Она не даст Ему возможности всерьез заняться делом, всячески отвлекая, чтобы убедиться, что Он целиком и полностью занят Ею. А ведь Ей надо быть для Него не только любимой, хозяйкой дома, матерью детей, но и другом, который способен понимать Его интересы и помогать в Его устремлениях. Нелегко, конечно, исполнять столько ролей сразу, но приходится справляться, если хочешь стать Единственной и самой близкой.

Надо почаще напоминать себе, что от природы мы слишком разные, чтобы надеяться на полную гармонию. Разные по темпераменту, биоритмам, жизненному тонусу, воспитанию, понятиям... И потому, если примерять спутника к созданному в воображении идеальному образу, придется долго испытывать разочарование — пока идеальное видение не поблекнет или не заслонится реальным. Так что, чем быстрее отказываются сравнивать избранника с воображаемой личностью и начинают искать хорошее в нем, тем легче налаживается взаимопонимание.

Если уж требуется идеализация, то лучше всего окружить ореолом того, кто рядом.

Психологи утверждают: «То, чего ожидают от человека, он начинает непроизвольно ожидать от себя сам, и именно поэтому, может быть, мы стремимся общаться с людьми, которые нас ободряют, высоко ставят». Не случайно известный педагог прошлого К. Ушинский утверждал: «Характер формируется характером». Так что, желая иметь рядом близкого к идеалу человека, не мешает, во-первых, внимательно присмотреться к себе: насколько сам(а) и все поведение твое близки к идеалу; и во-вторых — понимать, что обоюдные изменения неизбежно произойдут, но вот какими они будут — зависит от нас самих. Едва ли целесообразно требовать, как пелось в песне: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». Куда реальнее следовать М. Пришвину, который говорил своей жене: «Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя».

Целесообразнее вначале приглядеться к себе, а не говорить без конца о недостатках другого.

Если этому правилу будет следовать каждая из сторон, удастся избежать многих конфликтов. Во всяком случае не беритесь, закатав рукава, перекраивать друг друга в соответствии с собственным вкусом. Как отмечал И. Павлов, ломка — тяжелый нервный труд, который не всегда проходит безболезненно.

В результате такой «перековки» семья бывает поставлена на грань крушения, а то и безвозвратно рушится, ибо перевоспитуемый, не выдержав напора претензий, требований и условий, «отступает», покидая семью.

К тому же еще неизвестно, будете ли довольны, когда увидите плоды своих усилий. Может быть вы и принудите «другую сторону» удовлетворить ваши требования и принять ваши условия, но... лишитесь уважения побежденного.

Самое бесперспективное дело — превращать другого человека в свою тень: давить, угнетать его, формируя комплекс неполноценности и требуя благодарности за опеку или предоставленные жизненные блага. Время такое, что вся система, в которой мы живем, направлена на воспитание чувства собственного достоинства, значимости каждого человека — без этого невозможны ни демократизм, ни гуманизм. Поэтому рано или поздно «угнетенный» выходит из повиновения. И нередко именно тогда, когда «властелин» почему-то теряет силу, а значит, больше всего нуждается в поддержке близких, их любви и сопричастности.

Куда результативнее (и справедливее), приняв человека таким, каков он есть (ведь это все-таки избранник!), сообща избавляться от того немногого, что нужно изменить обоим (не может же человек всерьез считать себя совершенным) для того, чтобы семья могла благополучно развиваться. И проделывать это без спешки, без категоричности, без борьбы.

Ну так, чтобы совсем без борьбы — такое трудно себе представить. Но есть естественная притирка характеров. А бывает и неразумное сражение за власть. Тогда другой превращается в противника, которого неизбежно, любой ценой надо сокрушить. Но он не хочет поражения и делом чести считает — не сдаться, победить. Забыв о том, что семья будет хорошей только, если в ней обоим будет хорошо. Добро еще, если оба они знают разницу между настойчивостью, которая необходима в решении важных жизненных задач, и упрямством, которое бывает продиктовано мелочной амбицией и к принципиальности никакого отношения не имеет. Может, понимание этой разницы остановит вашу устремленность к ломке друг друга, в процессе которой нередко рушится семья.

В себе же что-нибудь изменить обязательно придется. Во имя со-вмести-мости.

Если проанализировать удачные повторные браки, то создается впечатление, что горький опыт разрыва уже учтен (сознательно или подсознательно), и потому с самого начала, как неизбежное, принимают второго с его недостатками — потому что у каждого они неизбежны. Но еще Платон заметил, что любовь — это тяга не ко всему человеку, а только к тому хорошему, что в нем есть. Воспринимая так избранника, в то же время не щеголяют своими острыми углами, потому что понимают уже: если их не стирать, то не избавятся оба от бесконечных травм. Анализируя причины разладов, К. Симонов писал:

Немало пришлось нам побиться,
Чтоб понять, что причиной
Не комната и не кровать.
Чтоб понять, наконец:
Как недолго и просто влюбиться
И как сложно с тобою
С глазу на глаз нам век вековать.

Сложно особенно вначале, когда сразу все меняется в жизни обоих и очень остро воспринимается каждая мелочь, которая не кажется мелочью (ведь сравнивать пока не с чем, опыт придет потом). Лучше не ждать, когда изменится другой.

Требовательность к себе, терпимость к другим — обязательный результат культуры, как, впрочем, и умение не привыкать к многотерпению, когда унижают твое человеческое достоинство. Как и умение прощать ошибки и не превращать каждое недоразумение в ссору.

Наряду с ленью, эгоизмом ссоры больше всего разрушают семью. Мнение, что «милые бранятся — только тешатся» или «в спальне гасятся все разногласия», если не ошибочно, то, по крайней мере, может относиться к очень немногим семьям. Действительно, подбираются изредка такие пары, которым время от времени необходима взаимная встряска. Случается, что такую потребность испытывает один из супругов, второй же становится жертвой его разрядок.

Чаще же всего ссоры возникают «по молодости» — от неумения понять себя и другого, найти наиболее необходимые для каждого формы общения, беречь здоровье друг друга. Огорчения, недоразумения неизбежны — ведь пока недостаточно знаний друг о друге, растворенности, понимания с полуслова, взгляда. Нет привычки жить вдвоем единым целым. Со временем придет знание тех точек общения, которые лучше обходить, умение предвидеть конфликт и разрешать его с наименьшей затратой нервов, сил.

«Есть в близости людей заветная черта», — писала А. Ахматова. Каждой семье (а в ней — каждому для себя) не мешает провести черту, за которую заходить опасно.

Например, лучше не встречать человека с порога упреками. Если не хватает сил отложить беседу до полного своего успокоения, то хотя бы на время, чтобы «виновник» успел и поесть, и отдохнуть. А еще лучше — до утра (когда многое воспринимаешь иначе). Утром же нехватка времени заставит вас высказываться кратко и не говорить лишнего, что очень ценно. Желание сказать «все, что я о тебе думаю», обычно приводит к тому, что говорится много лишнего, о чем позже приходится сожалеть. Произносится все это с единственной целью — побольнее ранить, потому что из-за Него (Нее) больно самому. Собственная обида и боль пройдет, а обидные слова могут запомниться надолго, вызвав ответную боль, которая усугубит очередную ссору, обиды, размолвки.

Привыкнув к гигиене тела, необходимо приучаться к чистоте помыслов, поступков и слов. Ведь слово не просто звук, а огромная действенная сила. «Звук сегодня, а эхо всегда», — как пишет Н. Матвеева. И потому важно не только когда, но и как оно говорится. Ведь «мало любить, главное — не загубить».

Скандальные интонации редко у кого способны вызвать угрызения совести («если молния меня не убила, то гром мне,

ей-богу, не страшен»). А пробудить совесть у супруга, вызвать его сочувствие, сопереживание — самое результативное воздействие. Для этого больше подходит сдержанный, доверительный разговор («Я так на доброту твою надеюсь!»). Или на крайний случай — лаконичное требование («Это оскорбляет меня. Я прошу так больше не делать»). Возможен и такой вариант: «Я могу обойтись без тебя, но не хочу» (М. Плзак).

Если человек не умеет еще сдерживаться и способен в гневе наговорить что угодно, не считайте, что «наконец-то он открыл свое настоящее лицо». Он открыл неразумное свое поведение, а это (при желании) исправимо. Психотерапевты сейчас много пишут о разных способах отключения, переключения, помогающих удержаться от срывов. Тем, кому не помогает традиционный счет до ста, можно порекомендовать ходьбу (от энергичной до переходящей в спокойную), какой-нибудь физический труд (стирку, утюжку и т. п.). Пишут, что человек успокаивается, если опускает ненадолго руки в холодную воду или начинает тихо петь любимую мелодию. Если удается, вспомните хорошо проведенный отпуск, неожиданную удачу или что-либо еще приятное (женщинам, говорят, помогает воспоминание о недавно приобретенном наряде).

В книге В. Леви «Искусство быть собой» дана детально разработанная система саморегуляции, расслабления с помощью «снятия зажимов». Если вспомнить в минуту гнева, что надо расслабить сжавшиеся кулаки, распрямить плечи, глубоко вдохнуть и улыбнуться самому себе, гнев отступает. А если удается переключиться на положительные эмоции, то становится много легче. Потому и советуют запасаться в добрые времена отрадным материалом для будущего, чтобы положительные эмоции супруга были связаны именно с вами. А потому радуйте друг друга, чем только можете. И обязательно — словом. А если не умеете говорить (с мужчинами это часто случается) — учитесь. Ведь женщина в этом так нуждается. Да и мужчинам нужные слова помогают жить. Не оставляйте без внимания ничего, за что можно похвалить.

> Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
> Высокопарных слов не надо опасаться.
> Давайте говорить друг другу комплименты,
> Ведь это все любви счастливые моменты.
> Не надо придавать значения злословью,
> Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.
>
> *Б. Окуджава*

На пути к отношениям, когда еще только возникает понимание и доверие друг к другу и не обходится без ссор, можно воспользоваться советами Б. Рюрикова и других специалистов, чтобы обрести «культуру спора», которая убережет семью от трещин. Вот некоторые из них:

Стараться не отвечать раздражением на раздражение. Если это не удается — предложить отложить разговор на час. Или

перенести его из дому на улицу, в сквер, где успокаиваются быстрее.

Не повышать голоса, не переходить на крик.

Если жена плачет, попробовать не выяснять отношений, просто обнять, успокоить ее. Для большинства этого достаточно, чтобы успокоиться.

Говорить только о предмете разногласия, о конкретном случае, не вспоминая прошлых обид.

Французский писатель Круассе уверяет: «Когда женщина не права, первым делом нужно попросить у нее прощения». Благодарной за такое отношение женщине тоже не мешает признавать свои ошибки и приносить извинения, если она не права.

Каждому, проанализировав случившееся, нужно уметь признавать свою вину, потому что человек, всегда считающий себя правым, производит неприятное впечатление: очевидно ведь, что нет людей, которые никогда бы не ошибались.

Каждую ссору лучше свести к спору, чтоб общими усилиями найти истину.

Никогда не обобщать плохого («Ты всегда так делаешь»).

Не уходить в сторону от сути, говоря «а ты...»

Не приклеивать ярлыков («Ты эгоист», «Ты не хозяйка»).

Не считать, что нападение — лучший метод обороны. Ведь главное — не то, что говорит собеседник, а что он думает, когда вы хотите заставить его замолчать.

Не объяснять поступок изменившимся отношением к себе.

Не ссылаться на мнение, пример родителей, друзей.

Не высказывать неуважительного отношения к родственникам супруга.

Не уходить после ссоры ночевать к родителям, подругам, друзьям.

Не жаловаться сгоряча своим родителям: у них, как правило, острее реакция на раздоры, чем у молодых, которые быстрее все это забывают. («Дети, сами пишите повесть дней своих и страстей своих»,— советовала М. Цветаева).

Непременно обоим добиваться если не мира, то перемирия, чтобы ни один не носил тягостного груза обиды — она разрушает здоровье, и позволять себе такое отношение могут только жестокие люди.

Не позволять себе травмировать супруга(у) молчанием. Если не вернулось тепло, разговор может быть сдержанным. Но молчать в семье днями непозволительно.

Пытаться встать на точку зрения супруга и увидеть все происходящее Его (Ее) глазами, потому что большинство конфликтов именно из-за того, что по-разному оценивают происходящее.

Ссору разобрать, предложить свое решение конфликта, прийти к устраивающему обоих решению и дать время выработать привычку поступать соответственно.

Если супруг(а) необоснованно раздражен(а), обдумать, в чем причина, и попытаться устранить ее.

Если начинает казаться, что Он (Она) неприятен, раздражает настолько, что не хочется видеть, надо знать, что это естественно. Специалисты говорят о том, что любовь не может все время бодрствовать, что периодически наступает «сон любви». В. Зацепин в книге «О жизни супружеской» пишет, что от «холодно» до «жарко» в среднем проходит 3—6 месяцев. «Ад-рай» окрашивается у всех по-разному, но в целом восприятие идет таким образом, что в светлый период видятся только положительные черты, в темный — только отрицательные. Более того, дорогой и близкий человек кажется коварным, хитрым, жестоким, делающим все на зло — каким угодно, главное — ужасным. И непонятно, как это до сих пор не видели этого, выдерживали, приходит жалость к себе за такие страдания.

Как правило, в этот период провоцируются ссоры. И если «другая сторона» тоже находится в негативном периоде, разногласия принимают болезненный, нелепый характер, толкающий на поспешное бегство друг от друга.

Как важно в это время не наговорить лишнего, пережить этот период с наименьшими потерями, научиться быть в это время снисходительным и добрым, как с больным. Ведь тот, другой, действительно болен, страдает. С возрастом, если семья развивается нормально, накал этих периодов ослабевает, они приносят меньше огорчений.

Многим помогают успокоиться письма, которые в это время пишутся «другу-недругу», «любимому злодею». Эти письма лучше не отдавать адресату сразу. Пусть полежат несколько дней. А потом, успокоившись, из них можно выбрать то, что считаете нужным сообщить. И переписав это в спокойном тоне умного, владеющего собой человека, а не нервозного, язвительного воителя, дать почитать тому, кому они предназначаются. При этом не надо забывать, что за неприязнью вновь придет приятие, и потому стараться, чтобы в письме не было ничего лишнего, что потом будет мешать хорошему общению. В «Очарованной душе» Р. Роллан подробно описал эти типичные колебания отношений: «Любовь начала иссякать: любимая была теперь мертвым грузом. Равнодушие его было мучительно и граничило с отвращением, чуть ли не с ненавистью... И Марк, и Ася переживали это состояние поочередно... Порой оно продолжалось несколько часов, порой длилось целыми днями.

...За взлетом неизбежно последует резкий спад... Лишь много позднее постигли они мудрость, которая учит понимать и жалеть, которая знает, что нельзя обойтись без взаимного снисхождения... Ибо речь идет именно о ритме жизни и ее колебаниях, амплитуда которых тем больше, чем расточительнее живущий. За каждым спадом следует подъем».

К этому надо быть готовым и встречать очередную волну охлаждения достойно, с пониманием, доброжелательностью и желанием помочь преодолеть ее без ощутимых потерь.

В молодости это непросто достигается — мы в это время порывисты, нетерпеливы, категоричны. К тому же так недавно

воевали за свою независимость в родительской семье, что не успели остыть и по инерции «размахиваем руками» — на всякий случай, чтобы не вздумали нас связывать. Понимание себя, ощущение боли другого, выдержка, привязанность — редко кто обладает всеми этими качествами в избытке уже в начале семейной жизни. Так что уходя из семьи, нередко уходят в первую очередь от своего несовершенства. А со временем, изменившись, понимают: можно было наладить хорошие отношения.

Правила поведения между супругами очень близки тем, что приняты между молодыми людьми, только отношения вдвоевтрое бережнее. Главное в семье — дать каждому возможность поверить в себя, раскрыться лучшими гранями, способностями. Основа отношений — доверие, основанное на взаимной честности, совести, чувстве долга. Белорусский ученый С. Лаптенок в книге «Нравственные основы семейных отношений» пишет: «Любовь многотрудна; она высвечивает все тайники духовно-нравственных, психологических и эстетических отношений полов, чтобы искоренять сорняки и растить светлое и доброе».

Создать семью — это значит отдать ей себя, для своего и общесемейного блага.

Знаете, как художник создает произведение? Обязательно выделяет главное. И ему уже подчиняет все остальное. Отказываясь даже от очень привлекательного, если оно нарушает гармонию целого. Ищет наиболее выразительные слова, краски, мелодии. Отбирает самое необходимое. Трудится, ищет, обдумывает.

Создание семьи — это тоже постоянный поиск, находки, самоограничение и самораскрытие. Постоянный труд души и тела. Это творчество. Во имя собственного счастья, во имя новой жизни.

В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой.

В. И. Ленин

Мы все ищем свободу от обязанностей к ближнему, тогда как чувствование именно этих обязанностей сделало нас людьми, и не будь этих чувствований — жили бы мы как звери...

Л. Н. Толстой

Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы.

А. П. Чехов

Похвалить человека очень полезно, это поднимает его уважение к себе. Это способствует развитию в нем доверия к своим творческим силам.

М. Горький

Право на уважение имеет лишь тот, кто уважает других людей.

В. А. Сухомлинский

Людям надо помогать любить друг друга.

М. Алигер

Поведение — это зеркало, в котором каждый показывает свой лик.

И. Гете

Развивать в женщине мужские свойства, пренебрегая присущими ей качествами, — значит действовать явно ей во вред.

Ж. Руссо

Язык — самое опасное оружие: рана от меча легче залечивается, чем от слова.

П. Кальдерон

Чтобы изменить людей, их надо любить. Влияние на них пропорционально любви к ним.

И. Песталоцци

Первое качество, необходимое для понимания, — это бескорыстие, забвение себя.

А. Сент-Экзюпери

СОДЕРЖАНИЕ

Эмилия Васильевна Арова

БУДЬТЕ ДОБРЫ

Редактор *С. Н. Деренговская*
Художественный редактор *Л. И. Бетанов*
Технический редактор *Н. З. Асташонок*
Корректоры *Л. И. Жилинская, Т. Е. Медведева, Л. К. Семенова*

ИБ № 226

Подписано в печать с диапозитивов 30.05.84. АТ 00381. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать с фотополимерных форм. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,61. Уч.-изд. л. 11,23. Тираж 150 000 экз. Изд. № 4457. Зак. 908. Цена 95 к.

Издательство «Полымя» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.